М. А. ІАРСКАЯ

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Ob
Ks. yuk.
nr 37.45.9.2

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ °, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*° **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

° **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

° **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

° **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЦѢЛЬ ДОСТИГНУТА. Повѣсть для юношества, съ рис. И. Гурьева.

ДѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

° **СЕСТРА МАРИНА.** Пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. въ пер. 3 р.

° **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

° **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

° **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

°**ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ пер. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

° **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переп. 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

° **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юнош., съ илл. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, Ц. въ переплетѣ. 3 р.

° **СЧАСТЛИВЧИКЪ. Пов. для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

СМѢШНЫЯ МАЛЮТКИ. Шутки и прибаутки. Съ рис.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Демерта. Ц. 30 к.

°**НА РАДОСТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Разсказъ изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 15 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

Лидочка, шляпу покажи намъ... шляпу...

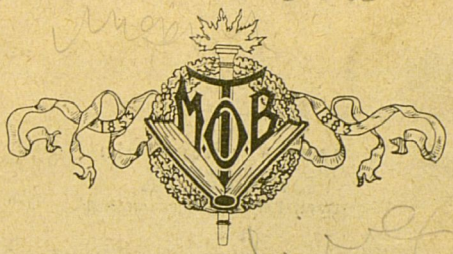
НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ЮНОСТЬ ЛИДЫ ВОРОНСКОЙ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Л. А. ЧАРСКОЙ

Лида: Алексеева Чарская



Съ иллюстраціями И. Гурьева

Заказ № 5924 Пор. № 25

Книга имеет: 319 стр. — иллюстр. 12

— табл. карт.

Примечания:

Расписка отв. за подгот. в перепл. . . . .

Тип. ГПБ з. 1317 — 25 000. 12-5-61

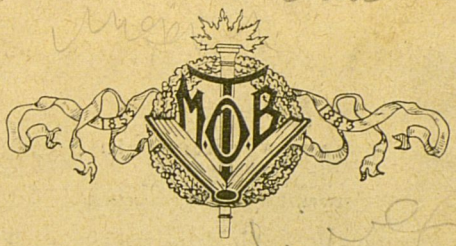
НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ЮНОСТЬ ЛИДЫ ВОРОНСКОЙ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

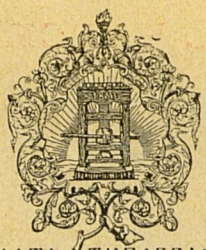
Л. А. ЧАРСКОЙ

Лида: Алексей Чарский



Съ иллюстраціями И. Гурьева

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1913



ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М-О-ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб· домъ·
1913

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЕГОДНЯ выпускъ.

Мы, какъ безумныя.

Съ вечера никто изъ насъ не ложился, и майскій день съ его солнечнымъ моремъ застаетъ насъ уже на ногахъ.

Окна дортуара раскрыты настежь. Въ нихъ врывается голубой просторъ вмѣстѣ съ птичьимъ гомономъ и потоками солнца.

Высокая, полная, съ черной кудрявой головой, большими яркими глазами и смуглымъ лицомъ, Зина Бухарина, прозванная Креолкой, сооружаетъ передъ трюмо какую-то сложную прическу. Чахоточная, хрупкая Миля Рантъ, Стрекоза по прозванію, помогаетъ ей въ этомъ. Красавица Черкешенка, Елена Гордская, моя любимица, расчесываетъ у окна свои черныя косы и тихо мурлычетъ какой-то романсъ. Толстушка Додошка Даурская, наивная, веселая, хохотушка и лакомка, съ

набитымъ, по обыкновенію, леденцами ртомъ, вертится подлѣ моей постели, на которой разложено легкое, какъ паутинка, бѣлое платье.

Между нами, выпускными, было давно уже рѣшено не дѣлать нарядныхъ платьевъ ко дню акта, съ тѣмъ, чтобы предназначенныя на это деньги пожертвовать на поѣздку и леченіе нашей больной классной дамы фрейленъ Фюрстъ; но наши баловники, родные, не пожелали лишить насъ удовольствія, и болѣе богатые изъ родителей дали возможность менѣе состоятельнымъ семьямъ одѣть ихъ дѣтей въ традиціонный актовый нарядъ.

Больная же классная дама получила возможность уѣхать лечиться на югъ.

Мой костюмъ удался на славу. Разложенное на постели бѣлое платье оказалось чудомъ искусства и красоты. Вокругъ него тѣснились подруги и, громко ахая, восхищались вкусомъ моей мачехи, «мамы-Нэлли», какъ называла ее я, а за мною и весь мой классъ.

Ольга Елецкая, по прозвищу Лотосъ, высокая черноволосая дѣвушка, большая мечтательница и фантазерка, со свойственной ея натурѣ восторженностью, восхищалась больше другихъ.

Впрочемъ, на этотъ разъ, даже такія серьезныя особы, какъ «профессорша», Женя Бутусина, Вѣра Дебицкая, первыя ученицы, и высокая, степенная Старжевская, наравнѣ съ шумными маленькими сестричками

Пантаровыми—Лизой и Женей—и веселой хохлушкой изъ Кіева—Марой Масальской, «невѣстой» (она дѣйствительно была невѣстой одного кіевскаго помѣщика), окружали мою постель.

Хохлушка Мара суетилась больше всѣхъ.

— Лида... Вороненокъ... Лидочка... Шляпу покажи намъ теперь, шляпу!—молила она, складывая свои бѣлыя пухлыя руки.

Моя выпускная шляпа—мой секретъ.

Вчера, когда мама-Нэлли привезла мнѣ ее и показала на утреннемъ пріемѣ, я даже вскрикнула отъ восторга. Совсѣмъ скромная шляпа, а между тѣмъ, говорятъ, «папа-Солнышко» (такъ я съ самаго ранняго дѣтства называю моего отца) разсердился, когда ее увидѣлъ.

— Для молоденькой дѣвочки этотъ мракъ! Зачѣмъ это?—замѣтилъ онъ.

Шляпу хотѣли перемѣнить, но я вцѣпилась въ нее, какъ говорится, руками и ногами.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Оставьте ее, пожалуйста. Въ ней столько красиваго замысла, столько значенія!—молила я.

И шляпу оставили, къ полному восторгу моихъ одноклассницъ.

Теперь дрожащія отъ волненія руки Мары, ломкая фигурка со стрекозьей таліей Рантъ, пухлое лицо Додошки, экзотическій, похожій на обликъ индусской прин-

цессы, профиль Елочки (Елецкой), прелестное личико Гордской, вычурная прическа Зины Бухариной, вытянутыя отъ любопытства лица сестричекъ Пантаровыхъ и, наконецъ, смѣющаяся рожица моего закадычнаго друга, Симы Эльской, самой отчаянной шалуньи и самой правдивой и честной изъ 275 воспитанницъ института,—все это протягивается къ завѣтной картонкѣ.

— Скорѣе! Скорѣе! Хохлушка, открывай, открывай! — слышатся повсюду нетерпѣливые возгласы.

— Дѣти мои, не дѣлайте изъ почтеннаго дортуара толкучаго рынка, съ позволенія сказать,—съ неподражаемымъ комизмомъ роняетъ Сима Эльская, покрывая своимъ звучнымъ контральто всѣ остальные голоса.

— «Кочерга» на горизонтѣ!—выкрикиваетъ съ трагическимъ отъ испуга лицомъ маленькая Катя Макарова, неожиданно появляясь на порогѣ.

— Спасайся, кто можетъ!—вопитъ Додошка и лѣзетъ подъ кровать.

— Здорово намъ влетитъ, что до звонка встали,— слышится чей-то трусливый шопотъ.

— Дурочки, вѣдь сегодня выпускъ!—кричу я изо всѣхъ силъ моихъ легкихъ. — А черезъ 5-6 часовъ мы вольныя птицы, и никакія «кочерги» въ мірѣ не смогутъ принести намъ вреда.

— Онѣ рехнулись,—пожимаетъ плечами Сима,— одержимыя какія-то, право! Будутъ классныхъ дамъ трусить до гробовой доски.

— Дѣйствительно, никто не посмѣетъ намъ сдѣлать замѣчанія сегодня,—самодовольно улыбается Зина и бросаетъ въ зеркало самолюбующійся взглядъ.

— Ну, душка, тебя съ такой головою подъ кранъ пошлютъ кудри размачивать, какъ Богъ святъ!—произноситъ младшая Пантарова, Женя или Малявка, прозванная такъ подругами за свой крошечный ростъ.

— Отроковица Евгенія, не завидуй чужому благу!—голосомъ дьякона на амвонѣ баситъ Сима, или Волька по общему институтскому прозвищу, данному этой смѣлой и безстрашной семнадцатилѣтней шалуньѣ.

— А какія мы дѣти въ сущности!—мечтательно тянетъ Черкешенка, не отрывая взгляда отъ голубого простора, какъ бы льющагося въ окно.—Въ полдень свободныя гражданки, а утромъ боимся «кочерги»!

— Побоишься здѣсь, когда...

Тутъ изящная, блѣдная до прозрачности Рантъ корчитъ уморительную гримасу, собравъ въ частыя складки свое подвижное лицо. И внезапно это худенькое личико дѣлается каррикатурно похожимъ на сморщенныя, точно печеное яблоко, черты нашей главной гонительницы, инспектрисы. Миля живо сгибается въ три погибели, склоняетъ свою изящную фигурку на одинъ бокъ и, немилосердно теребя цѣпочку отъ креста, вытянутую поверхъ передника и пелеринки, скрипучимъ голосомъ тянетъ въ носъ:

— Перьвыя, опять! Уймитесь, перьвыя! И когда

только васъ выпустятъ наконецъ! Мальчишки! Разбойники! Эти, перьвыя, портятъ весь корректный строй института! Да!

Взрывъ хохота покрываетъ ея слова.

— Ха-ха-ха-ха! Какъ похожа, ха-ха-ха!

Она, дѣйствительно, безподобна со своей подражательной способностью, эта хрупкая, маленькая Рантъ! Передъ нами, въ ея фигурѣ, голосѣ и тонѣ, воочію предстаетъ, какъ живая, инспектриса.

Отъ смѣха мы нѣсколько минутъ не можемъ произнести ни слова. Вдругъ опять раздается голосъ Макаровой:

— Она идетъ, mesdames! «Кочерга» идетъ!

— Фальшивая тревога. Ты врешь, Катя! — умирая отъ хохота, кричитъ Сима.

— Нѣтъ, ей Богу, правда! — испуганно произноситъ Макарова.

— Ахъ, пусть войдетъ. Я люблю ее. Да, я люблю ее сегодня! — кричу я громко. — Люблю ее сегодня, люблю газовщика Кузьму, повара, люблю весь міръ, потому что сегодня первый день нашей свободы, потому что жизнь прекрасна, небо сине, солнце — золотое море, и душа моя полна чарующей пѣсни безъ словъ... Да, я люблю ее. Горю желаніемъ поцѣловать ея морщинистое лицо и... и...

Тутъ я бросаюсь впередъ, обдергиваю мою бѣлую пелеринку и съ жестомъ владѣтельной принцессы обращаюсь къ подругамъ:

— Не мѣшайте ей войти, друзья мои! Я жажду ее видѣть и расцѣловать ея милыя щеки.

— Лидка! Угорѣлая! Ты съ ума сошла! — звучатъ протестующіе голоса.

Я не успѣваю произнести ни слова, потому что въ эту минуту Мара съ какимъ-то благоговѣніемъ вынимаетъ шляпу изъ картонки и патетически вскрикиваетъ:

— Шляпа, mesdam'очки, шляпа!

— Бабьи тряпки. Труха!.. — иронизируя, отчеканиваетъ Сима.

Я согласна съ нею отчасти, но эта шляпа, дѣйствительно, мечта.

Что-то бѣлое, воздушное, изъ ажурной серебристой соломы въ видѣ коронки, сшитой полукругомъ, надъ чѣмъ небрежно наброшены два черныя, какъ ночь, крыла.

— Какая прелесть! — срывается у всѣхъ.

— Вѣнецъ поэту! — восторженно лепечетъ Черкешенка, вскидывая на меня взоромъ, полнымъ преданности и любви.

Я вспыхиваю, густо краснѣю...

Ужъ эта мнѣ Черкешенка! Зачѣмъ она подчеркиваетъ, что я пишу плохіе стихи?

— Пожалуйста, не льсти Вороненку. Гляди, у нея и безъ тебя клювъ отъ самомнѣнія вытянулся на четыре дюйма, — острить насмѣшница Сима.

— Черкешенка права, — своимъ низкимъ грднымъ голосомъ говоритъ Креолка, — и этой серебристой царственной тіарой я предлагаю увѣнчать стриженую голову Вороненка, а за это потребовать у нея рѣчь!

— Конечно! Конечно! — оглушаютъ меня крикливые голоса остальныхъ.

Я дѣлаюсь мгновенно багровой отъ смущенія и, чтобы какъ-нибудь выйти изъ глупаго, по моему мнѣнію, положенія, ухарски, задомъ напередъ напяливаю мою мечту-шляпу, при чемъ черныя крылья зловѣще трясутся надъ моимъ лицомъ, подбочениваюсь, дѣлаю разбойничье лицо и, вскакивая на табуретъ, начинаю:

— Друзья мои! Сегодня мы, какъ вольныя птицы, разлетимся во всѣ стороны Россіи, а можетъ быть и по всему земному шару... И Богъ вѣсть, встрѣтимся ли мы когда-нибудь вновь! Многія изъ насъ добьются, можетъ быть, высокаго положенія, славы... Многія, можетъ быть, будутъ богаты...

— Додошка откроетъ собственную кондитерскую, это вѣрно, какъ шоколадъ,—комически возвѣщаетъ Сима, прерывая меня.

Кто-то фыркаетъ. Но тотчасъ же зарождающійся смѣхъ подавляется дружнымъ шиканіемъ остальныхъ.

— Дайте же докончить рѣчь Вороненку!

— Друзья мои,—подхватываю я съ какимъ-то мучительно сладкимъ и грустнымъ наплывомъ чувства, — черезъ какіе-нибудь пять-шесть часовъ всѣ мы, Волки,

Креолки, Малявки, Черкешенки, Мушки, Киськи, Брыськи, Лотосы, Додошки и пр., и пр., перестанемъ быть тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и передъ нами широко распахнутся огромныя ворота жизни. Мы войдемъ черезъ нихъ, гордыя, сильныя, свѣжія и юныя, въ большой міръ. Богъ знаетъ, что ждетъ насъ за этимъ заповѣднымъ порогомъ. Можетъ быть, тѣ, кто заслуживаетъ много, много счастья, радости и утѣхи, получатъ одни лишь терніи себѣ въ удѣлъ... Можетъ быть, многія изнемогутъ въ борьбѣ, почувствуютъ упадокъ энергіи, силы... Тогда... тогда, друзья мои, вспомнимъ это дивное синее утро, эти волны майскаго воздуха, это золотое солнечное море и праздникъ юныхъ дѣвушекъ, готовыхъ вырваться на свободу, и подкрѣпимъ себя мыслью, что въ разныхъ уголкахъ большого міра у каждой изъ насъ есть еще тридцать девять сестеръ, которыя готовы придти на помощь по первому крику изнемогающей въ борьбѣ съ жизнью подруги. Не такъ ли, милыя сестры?—срывающимся отъ волненія голосомъ заканчиваю я свою рѣчь.

На минуту полная тишина водворяется въ дортуарѣ. Всѣ дышатъ взволнованно, неровно... Съ головы моей давно слетѣла такъ плѣнявшая всѣхъ тіара-шляпа и лежитъ теперь, забытая, на полу, въ пыли...

Никто и не замѣчаетъ этого. Всѣ углублены въ собственныя мысли.

Богъ вѣсть, что ждетъ насъ за порогомъ нашей институтской клѣтки, гдѣ мы провели, худо ли, хорошо ли,

семь безмятежныхъ дѣтскихъ лѣтъ, безъ особыхъ заботъ и печалей... Дѣтство кончено, и мы вступаемъ въ жизнь.

Предо мною море солнца и свѣта... Океанъ небесъ безбреженъ. Не такъ ли безбрежно и наше житейское море, по которому мы сегодня направляемъ впервые наши утлыя ладьи? Каковъ-то будетъ путь этихъ тридцати девяти юныхъ дѣвушекъ, которыя мнѣ дороги, какъ сестры? Не подстерегаетъ ли насъ всѣхъ чудовищный звѣрь—судьба? Мнѣ дѣлается жутко до боли... Разстаться съ моими друзьями такъ скоро, сегодня, черезъ нѣсколько часовъ!.. Мои глаза обжигаетъ что-то... Слезы...

— Все это прекрасно. Но зачѣмъ же рюмить, однако? — слышу я у своего уха энергичный Симинъ голосъ. — Слезоточеніе здѣсь не при чемъ...

— Ахъ, правда, Сима, правда! Мы должны войти въ міръ борцами, а не жалкими слабыми тряпками. Ты права! — говорю я мысленно и незамѣтно осушаю рѣсницы.

А кругомъ уже загорается жизнь...

— Лида, Вороненокъ правду говоритъ... Міръ... борьба... горе... все можетъ быть... Но мы сестры... Мы должны дать слово другъ другу... помнить и любить вѣчно... А въ трудныя минуты... помочь... поддержать... Да!.. Да!.. Да!..

Болѣе впечатлительныя плачутъ, повторяя одно и то же: «сестры... сестры»... Другія кричатъ, перекрикивая и не слушая другъ друга:

— Мы будемъ переписываться... Дадимъ адреса...

— Мы...

— «Кочерга» за дверью! И на сей разъ это уже безспорно, — кричитъ Сима, покрывая всѣ прочіе голоса.

— Увы намъ! — густымъ басомъ доканчиваетъ она, взмахивая руками.

Дѣйствительно, на порогѣ появляется маленькая, сгорбленная, кривобокая фигурка инспектрисы, mademoiselle Ефросьевой, нашего непримиримаго врага.

— Опять ярмарка!—слышится ея непріятный, скрипучій голосъ, и въ презрительной гримасѣ морщится и безъ того морщинистое лицо.—Перьвыя опять! Просто, наказаніе Божье! Уймитесь, перьвыя! И когда только васъ выпустятъ наконецъ, мальчишки, разбойники, бунтари!

О, это уже слишкомъ!

Додошка неистово взвизгиваетъ и валится на кровать, дрыгая ногами. Сима фыркаетъ и дѣлаетъ «разбойничьи» глаза. Зина Бухарина, какъ бы нечаянно, набрасываетъ ночной чепецъ на свою великолѣпную прическу и завязываетъ его тесемочки подъ подбородкомъ.

— Что вы голландка, что ли? — шипитъ, замѣтивъ ея маневръ, «кочерга».

— Нѣтъ, я изъ Іерусалима, — дѣлая невинное лицо, отвѣчаетъ Креолка, отецъ которой дѣйствительно служилъ недавно консуломъ въ Палестинѣ.

— Тогда зачѣмъ этотъ голландскій уборъ?

И крючковатые пальцы, протянувшись къ курчавой головкѣ, безцеремонно стаскиваютъ съ нея злополучный чепецъ.

— Что? Бараномъ? Опять завивка? Подъ кранъ и тотчасъ же размочить эту гадость! — скрипитъ неумолимый голосъ нашей мучительницы.

— Но вѣдь сегодня, слава Тѣ, Господи, выпускъ! — возмущается негодующими звуками изъ-подъ подушки Додошка, высовывая оттуда свою раскраснѣвшуюся мордочку.

— Даурская, встать! — лаконически приказываетъ инспектриса.

— Какая душка! Сморчокъ! И ты хотѣла ее поцѣловать! — шепчетъ Сима, трясясь отъ неудержимаго смѣха.

— И поцѣлую! — упрямо рѣшаю я.

Какой-то веселый чертикъ врывается мнѣ въ душу и зажигаетъ шаловливой дерзостью мои мысли, взоры, все мое существо.

— И поцѣлую, — тономъ, не допускающимъ возраженій, повторяю я.

Та же веселая, шаловливая мысль толкаетъ меня впередъ... Что будетъ потомъ, я соображаю плохо... Когда одинъ изъ моихъ проказниковъ-бѣсенятъ захватываетъ меня, противиться ему я уже не въ силахъ...

Я обѣгаю дерзкимъ взглядомъ моихъ одноклассницъ

Всѣ онѣ замерли отъ страха передъ тѣмъ, что должно случиться, и что прочли онѣ въ моихъ, вдругъ загорѣвшихся, глазахъ.

— Лида, душка... Перестань, не надо... — испуганно шепчетъ Черкешенка.

Но никакія силы уже не могутъ меня удержать. Въ слѣдующую же минуту я стою передъ инспектрисой.

— М-lle Ефросьева...—говорю я голосомъ, звенящимъ отъ необузданнаго веселья. — Mademoiselle Ефросьева, позвольте мнѣ на прощанье васъ поцѣловать!

— Что?! Что вы сказали?

«Кочерга» сначала блѣднѣетъ. Даже кончикъ ея крючковатаго носа дѣлается мертвенно бѣлымъ. Потомъ багрово краснѣетъ густымъ старческимъ румянцемъ все ея морщинистое лицо. Зло смотрятъ на меня ея маленькіе щелочки-глазки. Рука теребитъ по привычкѣ длинную цѣпь отъ часовъ.

— Опять эти перьвыя... Вѣчныя глупости. Эти перьвыя портятъ весь корректный строй института...

И, сердито окинувъ насъ всѣхъ грознымъ, негодующимъ взглядомъ, она поворачиваетъ къ намъ спину и, сильно припадая на правую ногу всей своей кривобокой фигурой, демонстративно хлопнувъ дверью, исчезаетъ за порогомъ дортуара.

— Сорвалось! — кричу я неистово и съ хохотомъ падаю возлѣ визжащей отъ восторга Додошки.

* * *

Мы въ церкви...

Какъ торжественно и нарядно выглядитъ сегодня нашъ институтскій храмъ. Тропическія растенія, взятыя изъ оранжерей, украшаютъ его. Наканунѣ мы убрали собственноручно гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ всѣ образа иконостаса. Безчисленное количество свѣчей и лампадъ теряются при яркомъ свѣтѣ майскаго утра.

На парадномъ мѣстѣ, посреди пушистаго ковра, стоитъ начальница. За нею тѣснятся темной группой синіе вицъ-мундиры учителей. Всѣ они здѣсь: вонъ красивый, съ лицомъ русскаго боярина, словесникъ Чудицкій, такъ божественно читающій вслухъ Лермонтовскія поэмы; вонъ умный и строгій, требовательный историкъ Стурло; дальше маленькій желчный физикъ, безпрерывно сыплющій единицами; за нимъ застѣнчивый математикъ Зинзеринъ, «Аполлонъ Бельведерскій», объектъ обожанія столькихъ институтскихъ сердецъ, отечески добрый старикъ французъ, — всѣ они почтили своимъ присутствіемъ наше торжество. По правую руку начальницы—почетные опекуны въ ихъ залитыхъ золотомъ мундирахъ, по лѣвую — инспекторъ, инспектриса, все ближайшее институтское начальство и цѣлая толпа приглашенныхъ почетныхъ гостей.

Наша maman притягиваетъ къ себѣ всѣ взоры. Баронесса-начальница ходитъ все послѣднее время, тяжело опираясь на палку. Но отъ этого не менѣе ве-

личественна ея высокая, представительная фигура, а въ бѣло-розовомъ, удивительно сохранившемся лицѣ, обрамленномъ серебряными сѣдинами, что-то властное и непоколебимое, что-то непреклонное и сильное въ одно и то же время; зорко смотрятъ еще молодые глаза, и какъ будто видятъ насъ насквозь эти прожигающіе взоры.

— Екатерина Великая! Удивительное сходство!— слышится по ея адресу восторженный шопотъ среди приглашенныхъ.

Тамъ, въ этой толпѣ, находятся и «они»... Я незамѣтно поворачиваю голову и вижу ихъ: моего папу-Солнышко въ его парадномъ мундирѣ, маму-Нэлли въ нарядномъ шелковомъ платьѣ и маленькое существо въ бѣломъ матросскомъ костюмѣ, одного изъ моихъ братишекъ.

Какъ хорошо, что они пріѣхали всѣ трое! Какъ хорошо!

Пѣвчіе поютъ изумительно хорошо сегодня. Проникновенно и какъ-то особенно торжественно звучитъ голосъ отца Василія подъ сводами церкви.

Маленькая полная фигурка m-elle Эллисъ, нашей французской классной дамы, затянутая въ синее шелковое платье, то и дѣло оглядываетъ наши ряды.

Сорокъ бѣлыхъ дѣвушекъ стоятъ посреди церкви и жадно впитываютъ въ себя впечатлѣнія дня.

Сердца горятъ и бьются... Еще часъ-другой, и мы разлетимся въ разныя стороны и, пожалуй, врядъ ли встрѣтимся когда-нибудь, или встрѣтимся слишкомъ поздно, когда лучшія надежды и грезы разобьются о сотни темныхъ преградъ.

Въ церкви становится нестерпимо душно и отъ собственныхъ мыслей, и отъ волненія и запаха живыхъ цвѣтовъ, умирающихъ въ бутоньеркахъ у насъ на груди.

Елочка-Лотосъ, моя сосѣдка съ лѣвой стороны, замѣтно блѣднѣетъ и, пошатываясь, направляется къ стулу. Усталые глаза Елецкой меркнутъ, тускнѣютъ, ни кровинки въ побѣлѣвшихъ губахъ.

— Выпейте воды!—шепчетъ ей m-elle Эллисъ и заслоняетъ дѣвушку отъ любопытныхъ глазъ.

— Батюшка проповѣдь сейчасъ скажетъ,—шепчетъ мнѣ Сима.—Ты не находишь, Вороненокъ, что сегодня мы будто пріобщаемся Св. Тайнъ, точно въ Великую Субботу?

— Пріобщаемся къ жизни,—мечтательно вторитъ позади насъ Черкешенка, поймавшая чуткимъ ухомъ вопросъ.

— Только, чуръ, прежде времени не скисать,—такъ же шопотомъ командуетъ Сима. — Знаю я васъ, утриносицъ. Слова порядочному человѣку не дадите сказать, сейчасъ расчувствуетесь, повытянете платки изъ кармана и ну трубить на всю церковь!

А у самой Вольки глаза влажные, и что-то, словно росинки, переливается въ нихъ.

— Сима,—говорю я ей, крѣпко схвативъ ея руку и сжимая ея пальцы, — Сима, мы должны встрѣчаться съ тобой часто-часто! Слышишь? Во что бы то ни стало?.. Да?

Она прикрываетъ лицо пелеринкой со стороны «публики» и начальства и дѣлаетъ мнѣ одну изъ своихъ обычныхъ гримасъ.

— Удивительно,—тянетъ она, дурачась,—или я еще не достаточно надоѣла тебѣ до сихъ поръ въ институтѣ?

Но голубой огонь ея глазъ говоритъ совсѣмъ другое.

— Ш-ш!—выразительно шикаетъ въ нашу сторону классная дама.—Перестаньте болтать.

— Послѣднее замѣчаніе въ институтѣ, — шепчетъ позади насъ Зина Бухарина съ комическимъ вздохомъ.— Чувствуете ли вы это?

Не знаю, что чувствуютъ онѣ, но мнѣ грустно. Мнѣ жаль этихъ бѣлыхъ стѣнъ, этой скромной церковки, гдѣ столько разъ я повергалась ницъ передъ экзаменами, умоляя всѣхъ святыхъ угодниковъ не оставить меня въ трудную минуту. Мнѣ жаль этихъ стѣнъ моей семилѣтней тюрьмы и этихъ милыхъ дѣвушекъ. Жаль красивую, строгую, но внимательную къ намъ, воспитанницамъ, начальницу, жаль вспыльчивую, какъ порохъ, но добрую m-elle Эллисъ.

А отецъ Василій точно угадываетъ мои мысли. Въ его проповѣди, обращенной къ намъ, уѣзжающимъ, столько заботы о насъ и доброты.

— Богъ вѣсть, что ждетъ васъ за институтскими стѣнами, дѣти!—гремитъ теперь на всю церковь его, обычно тихій, голосъ;—но помните каждую минуту, въ радости ли, въ горѣ ли, среди темныхъ ли, бурныхъ волнъ житейскаго моря или на гладкой, ровной поверхности болѣе спокойнаго существованія, помните всегда Его, Того, Кто шлетъ испытанія и радость; Того, кто Первый и Высшій защитникъ вашъ и покровитель на землѣ. Не забывайте Его. Прибѣгайте къ Нему съ молитвою. А еще будьте милосердны, дѣти, забывайте себя ради другихъ, старайтесь сѣять добро и счастье... Многимъ изъ васъ предстоитъ нелегкая воспитательная задача. Несите достойно и честно великое знамя труда. Воспитывайте такъ маленькихъ людей, чтобы они со временемъ могли приносить въ свою очередь посильную пользу... Сѣйте доброе сѣмя въ воспріимчивыя дѣтскія души, и да послужатъ онѣ основаніемъ прочному и красивому духовному росту вашихъ воспитанниковъ!..

Мы всѣ глубоко потрясены. Многія плачутъ. Даже среди приглашенныхъ мелькаютъ взволнованныя, омоченныя слезами лица.

Какія это хорошія, чудныя минуты! Что-то растетъ въ груди, крѣпнетъ, толкаетъ на подвигъ, на сотни подвиговъ!..

У сорока дѣвушекъ лица сіяютъ. Увлажненные милые глазки, свѣтлыя улыбки, и въ нихъ безпредѣльная готовность пожертвовать собою ради счастья другихъ.

— Какъ хорошо!

Синее небо сверкаетъ сквозь стеклянный куполъ храма. Золотые потоки солнца льются прямо на насъ. Червонно горитъ, поблескивая, позолота ризъ на амвонѣ... А тамъ, впереди, тонкій худощавый священникъ, съ поблѣднѣвшимъ вдохновеннымъ лицомъ, мудро, ярко и красиво говоритъ намъ о вѣчной, прекрасной, самоотверженной любви ко всему міру...

Какъ и чѣмъ закончилась проповѣдь, какъ подходили мы цѣловать крестъ и какъ насъ кропили святою водой подъ громкое и торжественное «Многія лѣта»,—все это я помню смутно, словно въ туманѣ...

Кончалась сказка преддверія жизни, и сама жизнь, настоящая, требовательная и властная, вступала на ея мѣсто. Жизнь стучалась у порога и точно торопила насъ... И сорокъ юныхъ дѣвушекъ спѣшили къ ней навстрѣчу...

— Въ залу, mesdames, въ залу! Завтракать!—несется призывно изъ конца въ конецъ по большой столовой.

Кто можетъ завтракать въ это утро? Мы давимся кускомъ горячей кулебяки съ рыбой, обжигаясь, неистово глотаемъ горячій шоколадъ. Даже Додошкѣ Даурской, извѣстной лакомкѣ, ничто не идетъ въ горло.

Съ ближайшихъ «столовъ» сбѣжались младшіе классы, несмотря на строгое запрещеніе ихъ классныхъ дамъ оставлять мѣста.

Это «обожательницы» и «друзья» насъ, старшихъ.

Особенно густа ихъ толпа вокругъ Симы Эльской. Она пользуется исключительной популярностью среди малышей.

— Гуливеръ среди лиллипутовъ!—въ послѣдній разъ повторяетъ кто-то изъ насъ прозвище нашей общей любимицы и ея маленькаго стада.

Происходитъ обмѣнъ карточекъ, передача адресовъ. Горячія клятвы звучатъ то здѣсь, то тамъ, произносимыя съ захватывающимъ выраженіемъ трепетными дѣтскими голосами.

Концертъ невозможный. Звонкое попурри щебечущихъ голосовъ.

Тоненькая маленькая дѣвочка, съ фарфоровымъ личикомъ, изъ «седьмушекъ», широко раскрывая и безъ того огромные глаза, затопленные слезами, шепчетъ, обращаясь къ Симѣ:

— Не забывайте, m-elle дуся, бѣдную Муську.

— И Анночку Зяблину тоже, — вторитъ ей другой голосокъ.

— И Мари. И Мари, ради Бога!

Васильковые глаза самой миловидной «шестушки», Сони Сахаровой, поднимаются на Эльскую.

— Какъ я любила васъ, m-elle Симочка-дуся! Какъ лю-би-ла!

Не забывайте, m-lle дуся...

— И я! И я! До самой смерти любить васъ буду!

— Смотрите, дуся ангелъ: она вашъ вензель выцарапала на рукѣ булавкой...

— Милая дурочка! Какое безуміе! — возмущается Сима.

У каждой изъ насъ есть свои поклонницы. Даже у Додошки. Даже у степенной и строгой Старжевской, у «монахини» Карской, религіозной, суровой старообразной дѣвушки, и у «профессорши» Бутулиной, нашей второй ученицы.

Славныя, наивныя, ласковыя дѣвочки, такія непосредственныя и смѣшныя съ разгорѣвшимися отъ слезъ лицами и распухшими глазами — не оплакивайте же насъ, какъ мертвыхъ, милыя! Вѣдь мы идемъ прямо въ жизнь!

Трепещущія, взволнованныя, по широкой «парадной» лѣстницѣ поднимаемся мы въ залу. Впереди насъ — другіе классы, весь институтъ. Тамъ всѣ уже въ сборѣ, когда входимъ мы, виновницы торжества, въ бѣлыхъ тонкихъ батистовыхъ передничкахъ поверхъ новыхъ зеленыхъ камлотовыхъ платьевъ, съ бутоньерками на груди. Громкіе, жизнерадостные аккорды торжественнаго марша, вырывающіеся изъ-подъ рукъ восьми лучшихъ музыкантшъ-второклассницъ, летятъ намъ навстрѣчу.

Посреди залы огромный, пушистый коверъ какъ разъ противъ длиннаго стола, вокругъ котораго раз-

мѣстился весь «синедріонъ»: почетные опекуны, начальство, учительскій персоналъ, священникъ. За ними — огромная толпа приглашенныхъ. Я съ трудомъ отыскиваю среди нихъ папу-Солнышко, брата Павлика, маму.

На красномъ сукнѣ стола разложены награды, книги, аттестаты, Евангелія и молитвенники, которые предназначены для насъ, выпускныхъ.

Пожилой, благообразный инспекторъ поднимается съ мѣста и оглашаетъ имена счастливицъ, получившихъ медали.

— Дебицкая... Бутусина... Старжевская...

Теперь на нихъ смотритъ вся зала.

— Которая? Которая? — слышится сдержанный шопотъ въ толпѣ.

Первая ученица совсѣмъ особенная у насъ: у Вѣры Дебицкой лукавое личико шалуньи, бойкіе глазки. Вся она, воплощенныя шалость и задира, точно играетъ въ примѣрную воспитанницу, а въ мысляхъ у нея вѣчные проекты шалостей и проказъ. Вотъ она у стола отвѣшиваетъ низкій реверансъ, принимаетъ аттестатъ изъ рукъ инспектора (медали «первыя» уже получили раньше изъ рукъ высокой покровительницы института во дворцѣ), снова плавно присѣдаетъ и спѣшитъ на мѣсто.

За ней Бутусина, Старжевская и другія «наградныя». Потомъ только «аттестатныя». Этихъ вызываютъ по алфавиту.

Съ замираніемъ сердца жду я своей очереди. Сотни

глазъ впиваются въ каждую изъ насъ, пока мы проходимъ длинное пространство, раздѣляющее почетное мѣсто выпускныхъ отъ «наградного» стола и начальства.

Вдругъ подлѣ меня слышится отчаянный шопотъ Мары Масальской:

— Лидочка... Вороненокъ... взгляни на милость! Стурло-то, Стурло какъ буркулы вытаращилъ!.. Прямо подъ ноги смотритъ!... Ну, какъ тутъ пойдешь!

— Дѣйствительно, «исторія» вытаращилась на славу,— смѣется Сима, безпечно глянувъ въ сторону нашего учителя всеобщей и русской исторіи. — Ну, да намъ не трусить же теперь. Да и глупо бояться. Руки, небось, коротки. Не достать. Черезъ часъ на волѣ мы, и тю-тю.

— Ай, страшно, mesdam'очки! Я не пойду! — тихо повизгиваетъ Додошка.—Богъ съ нимъ, съ аттестатомъ. Возьму послѣ. Стурло глазища какъ пялитъ! Смерть!

— Госпожа Елецкая!—слышится у стола.

Бѣдная Елочка идетъ черезъ залу, сверкая своими фосфорическими глазами, граціозно склоняется своей гибкой фигуркой и возвращается на мѣсто.

— Госпожа Даурская! — слышится снова.

— Не пойду! — отчаянно шепчетъ Додошка. — Хоть убейте меня, не пойду!

— Что ты, Даурская? Какъ можно! Не срами насъ!— возмущаемся мы.

— О, какъ онъ таращится! Господи!

Стекловидные глаза историка разсѣянно устремлены впередъ въ глубокой задумчивости, точно въ забытьи. Весь этотъ парадъ съ выпускомъ, очевидно, утомилъ бѣднаго труженика, съ утра до вечера бѣгающаго по урокамъ. Но намъ, привыкшимъ трепетать передъ строгимъ и требовательнымъ учителемъ, кажется и сейчасъ его взглядъ какимъ-то зловѣщимъ и жуткимъ.

— Г'оспожа Даурская! — еще разъ, нѣсколько повышая голосъ, повторяетъ инспекторъ, удивленно приподнимая брови.

— Не пойду! Хоть убейте, не пойду! Если пойду, растянусь посреди залы... Какъ Богъ святъ, mesda'мочки, растянусь! — слышится отчаянный шопотъ.

— Додошка! Иди же! Что ты!

Среди начальства недоумѣніе. Куда дѣвалась выпускная, не являющаяся получить аттестатъ.

Нѣсколько рукъ протягивается къ Даурской.

— Иди же! Иди! Это невозможно! — подталкиваемъ мы ее.

Наконецъ изъ толпы выкатывается толстенькая, низенькая фигурка.

— Сейчасъ умру! — успѣваетъ она шепнуть еще разъ и красная, какъ піонъ, катится дальше.

Стурло смотритъ... Додошка приближается... Вотъ она уже близко!.. Вотъ... Ахъ!

Противный уголъ ковра. Какъ онъ подвернулся некстати.

Додошка дѣлаетъ прыжокъ пантеры, такъ мало гармонирующій съ ея толстенькой неуклюжей фигуркой, и съ тихимъ возгласомъ ужаса растягивается плашмя у «наградного» стола, у самыхъ ногъ Стурло.

Почетный опекунъ срывается съ мѣста. За нимъ учителя. Застѣнчивый Зинзеринъ и высокій Чудицкій спѣшатъ на помощь дѣвочкѣ.

Въ толпѣ смѣхъ.

Малиновая отъ смущенія, Додошка плачетъ.

— О, негодный Стурло! Я говорила! Я говорила!— шепчетъ она, рыдая, по возвращеніи назадъ.

— Брось, Додикъ. Что значитъ одна лишняя шишка въ сравненіи съ нашимъ выпускомъ!—философски резюмируетъ Сима.

— Осрамилась я, — въ отчаяніи стонетъ Додошка.

Но никто уже не слушаетъ ея. Тихо и торжественно льются изъ устъ нашихъ сладкіе, печальные звуки прощальной кантаты.

Мы поемъ... Поемъ нашъ послѣдній привѣтъ этимъ стѣнамъ, этимъ людямъ, другъ другу—послѣднее наше прощанье, послѣдній взрывъ чувства, выраженнаго въ словахъ прекрасной, трогательной кантаты. «На вѣчную разлуку, подруги, прощайте... Предъ нами раскрылась широкая дверь...»—выводитъ хоръ, и тихое рыданіе прорывается въ звукахъ молодыхъ голосовъ.

Въ толпѣ начальства волненіе. Maman-начальница

подноситъ батистовый платокъ къ глазамъ... Вздрагиваютъ ея полныя плечи.

И среди публики многіе плачутъ тоже. Рыдаетъ, упавъ головой на плечо старшей дочери, худенькая старушка, мать Елецкой. Глаза мамы-Нэлли тоже полны слезъ.

Что-то щекочетъ мнѣ горло... О, если бы еще денекъ не разставаться съ этими поющими, милыми дѣвушками! Одинъ только денекъ!

Но вотъ мы смолкаемъ. Слезы подступили къ горлу, дальше пѣть невозможно. Maman подходитъ въ сонмѣ учителей и опекуновъ, обнимаетъ каждую изъ насъ, цѣлуетъ. Слезы наши смѣшались. Теперь maman уже не прежняя строгая начальница, теперь она нѣжная, добрая мать.

— Смотрите, у кого горе будетъ какое, мнѣ пишите. Слышите, милыя? А то прямо сюда, подъ крылышко вашей старой ворчуньи. Она, повѣрьте, всегда приметъ участіе въ вашемъ горѣ, — шепчетъ maman сквозь слезы.

Всѣ растроганы. Всѣ сдерживаютъ рыданія. Учителя протягиваютъ намъ руки. Бѣлые, выхоленные пальцы Чудицкаго сжимаютъ мою руку.

— Помните, госпожа Воронская: не надо закапывать въ землю Богомъ данное дарованіе.

Это онъ о моей способности писать дурную прозу и скверные стихи.

— Со временемъ можетъ развиться и разгорѣться искорка, — поучаетъ онъ.

— А вы, моя милая художница,—говоритъ учитель рисованія, высокій, бѣлый какъ лунь, старикъ Зинѣ Бухариной, — вы-то ужъ не забрасывайте своего таланта.

— Госпожа Даурская, — угрюмо шутитъ хмурый Стурло,—помните, что крещеніе Руси было въ 988 году

— А ну васъ! — отмахивается та. — Изъ-за васъ растянулась только. И чего смотрѣли!

Уши всеслышащей инспектрисы «скандализованы» такимъ отвѣтомъ. Ей хочется осадить дерзкую, но — увы! — мы уже одной ногой на волѣ, и съ этимъ приходится считаться. И «кочерга» нервнѣе, чѣмъ когда-либо, вертитъ цѣпочку, морщитъ лицо и скрипитъ.

— Ну, вотъ и дождались! Вотъ и кончили курсъ! Помните только все, чему васъ здѣсь учили. А главное манеры.

— Прощайте, monsieur Зинзеринъ!—прерываетъ ее Креолка. — Я васъ вѣрно и преданно обожала пять лѣтъ.

Математикъ смущенно краснѣетъ, кланяется и не знаетъ, что отвѣчать.

Его выручаетъ голосъ начальницы, покрывающій своимъ возгласомъ всѣ голоса въ залѣ:

— Ну, съ Богомъ, дѣти! Идите переодѣваться. Не заставляйте ждать вашихъ родныхъ.

Ахъ да, родные! О нихъ-то мы, недобрыя, какъ разъ и забыли въ эти минуты.

* * *

Я или не я?

Кто эта высокая, тонкая дѣвушка съ осиной таліей, съ мягко курчавящейся головою?

Бѣлый шелкъ нѣжно облегаетъ фигуру. Серебристая тіара-шляпа обвила голову, и черныя крылья колеблются на ней.

Я или не я?

Сѣрые глаза смотрятъ жадно и пытливо прямо навстрѣчу жизни. Щеки разгорѣлись, и не то грустно, не то робко улыбаются губы.

Посреди дортуара, куда мы пришли для того, чтобы сбросить навсегда неуклюжія казенныя платья и облечься въ нашъ выпускной собственный нарядъ, стоитъ высокая, стройная дѣвушка, съ черными змѣями кось, ниспадающими вдоль спины.

— Черкешенка! Господи, какая красавица!

Это вскрикиваетъ, какъ шальная, младшая Пантарова, Малявка.

— Марія изъ Пушкинской «Полтавы»!

— Нѣтъ, Лермонтовская Тамара!

— Ахъ, вздоръ! Просто красавица, какихъ нѣтъ и не было на землѣ, — слышатся восторженные отзывы справа и слѣва.

Легкій румянецъ загорается на прелестномъ личикѣ Гордской. Она какъ будто смущается своей внѣшности, своей красоты. А въ черныхъ восточныхъ глазахъ загораются искры.

— Лида, моя душка!—говоритъ Елена черезъ минуту, отводя меня въ сторону, къ окну. — Моя милая, взбалмошная Лида, тебѣ я могу сказать это, ты не засмѣешься надо мною: тебя я безконечно любила всѣ эти годы, и всю мою ничтожную красоту отдала бы сейчасъ, лишь бы не разставаться съ тобой.

Я потрясена. Эта милая, тихая дѣвушка была бы мнѣ лучшимъ другомъ, но я, съ моими вѣчными шалостями и проказами, едва примѣчала ея привязанность ко мнѣ.

Я молча раскрываю объятія, и мы обнимаемся съ Еленой, какъ сестры.

— Трогательная идиллія, — смѣется Сима, вынырнувшая въ своемъ скромномъ бѣломъ платьицѣ и въ шляпѣ, уже успѣвшей съѣхать набекрень.

— Ну, прощай, Вороненокъ,—говоритъ она просто.— Давай твою благородную лапу... Славные деньки проводила я съ тобой. А теперь, значитъ, баста. Разбрасываетъ насъ, кого вправо, кого влѣво, госпожа судьба. Ничего не пропишешь, такова жизнь. А забыть я тебя никогда не забуду, — добавляетъ она и тотчасъ же, топая ногой, со злостью кричитъ мнѣ въ лицо:

— Ну, чего смотришь? Не видѣла, какъ умѣетъ рюмить разбойникъ Сима? И не увидишь никогда!

А въ глазахъ переливается предательская влага, и загораются ярче милые, «разбойничьи» глаза.

— Лотосъ! Елочка! Вѣдь ты со мною проведешь лѣто? — обращаюсь я къ Елецкой, которая, повернувъ къ зеркалу свое лицо, усиленно старается сложить на черненькой головкѣ какую-то необыкновенную экзотическую прическу.

— Ахъ, спасибо, не могу... Мама не хочетъ разставаться со мною. Старится она замѣтно, милая, боится меня отпустить отъ себя надолго... Я съ нею въ деревню поѣду къ дядѣ... А зимой пріѣду въ Петербургъ. Увидимся какъ-нибудь.

— Какъ жаль, Елочка! Какъ жаль!

Мнѣ дѣйствительно жаль, что Лотосъ не можетъ воспользоваться приглашеніемъ моихъ родныхъ провести у насъ лѣто. Вся ея мистичность, все ея болѣзненно-восторженное настроеніе исчезло бы въ обстановкѣ здоровой довольной семьи, гдѣ есть маленькія дѣти, гдѣ все дышитъ нормальной правдой жизни здоровыхъ, счастливыхъ людей.

Додошку Даурскую мои родители тоже пригласили провести у насъ лѣто. Но еще два дня тому назадъ къ Додо пріѣхала ея тетка, заявившая желаніе взять сироту къ себѣ на лѣто въ Петергофъ.

Теперь я лишилась и общества Елочки. Стало невыносимо грустно.

— Лида, а гдѣ же Большой Джонъ?

И тоненькая чахоточная Рантъ, совсѣмъ хрупкая и воздушная въ ея бѣломъ нарядѣ, предстаетъ передъ моими глазами.

— Да, Лидочка, онъ обманулъ тебя. Я отлично видѣла: его не было въ залѣ среди приглашенныхъ гостей.

— Нѣтъ, нѣтъ! — возражаю я пылко. — Большой Джонъ никогда не обманываетъ.

Большой Джонъ это мой другъ, двадцатитрехлѣтній молодой ученый, англичанинъ, изъѣздившій полміра, сынъ владѣльца огромной фабрики, находящейся въ томъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ живетъ моя семья *). Большой Джонъ и я связаны неразрывными узами дружбы и любимъ другъ друга, какъ родные братъ и сестра. Веселость, душевная бодрость и неподкупная искренность Джона Вильканга выручали меня не разъ изъ самыхъ непріятныхъ положеній въ моемъ отрочествѣ и дѣтствѣ.

За нѣсколько дней до выпуска, на нашемъ институтскомъ балу, Джонъ Вильканг, или Большой Джонъ, какъ я его прозвала, далъ мнѣ слово присутствовать на выпускномъ актѣ. И не пріѣхалъ.

— Но онъ еще пріѣдетъ,—рѣшило за меня мое сердце, когда я убѣдилась, что Большого Джона здѣсь нѣтъ. Не было еще случая, чтобы онъ не сдержалъ разъ даннаго слова.

*) См. повѣсти «За что?» и «Большой Джонъ».

А между тѣмъ время идетъ. Мы готовы. Зеленыя казенныя платья скрылись съ нашихъ глазъ. Изящныя бѣлыя дѣвушки въ шляпахъ и пелеринкахъ явились на смѣну недавнимъ институткамъ. Лица взволнованы. Глаза блестятъ. Самыя некрасивыя кажутся хорошенькими.

— Прощайте, m-elle Эллисъ. Не поминайте лихомъ! — кричимъ мы хоромъ, обступая въ послѣдній разъ маленькую толстенькую фигурку въ шумящемъ шелковомъ платьѣ.—Не поминайте лихомъ! Мы любили васъ...

— Ахъ, дѣти!..—можетъ она только выговорить въ отвѣтъ и судорожно обнимаетъ насъ всѣхъ по очереди.

— Милая, добрая, вспыльчивая, но справедливая, тебя мы искренно любили,—думаетъ въ эту минуту каждая изъ насъ, цѣлуясь съ нею.

— Mesdam'очки, пожалуйте къ maman на квартиру еще разъ проститься!—звенитъ чей-то голосъ.

— Но прежде обѣжимъ гурьбою весь институтъ,— предлагаетъ тоненькая Рантъ, возбужденно сверкая глазами. И, не дожидаясь возраженій, она быстро подхватываетъ шлейфъ своего платья и первая несется изъ дортуара.

Мы всѣ мчимся за нею. Развѣваются шлейфы, ленты, кружева, оборки. Разлетаются пушистые локоны вдоль лба и щекъ. Мелькаютъ бѣлыя туфельки, качаются страусовыя перья и крылья на шляпахъ. Мы несемся,

— Выпускныя взбѣсились,—кричатъ институтки...

какъ безумныя, точно бѣлыя валькиріи изъ скандинавской саги. Пробѣгаемъ верхній коридоръ, площадку, лѣстницу. Взволнованныя, трепещущія и запыхавшіяся, мы останавливаемся передъ институтскою церковью.

Въ послѣдній разъ видимъ мы ее, эту красивую, небольшую молельню съ иконостасомъ, съ иконами, съ двумя клиросами, съ «начальницинымъ» уголкомъ. Здѣсь загорались неподдѣльнымъ восторгомъ молитвеннаго экстаза чуткія, дѣтскія души. Здѣсь мы, вѣруя, молили или благодарили, сообразно случаямъ нашей однообразной жизни.

Не сговариваясь, бѣлыя дѣвушки, какъ одна, опускаются на колѣни... Замираютъ сердца передъ невѣдомымъ... Съ робкимъ ожиданіемъ обращаются взоры къ алтарю... Благоговѣйно простоявъ на колѣняхъ нѣсколько минутъ, мы поднимаемся, глядимъ другъ другу въ взволнованныя лица и бѣжимъ снова мимо часовъ, гдѣ «долина вздоховъ», вѣрнѣе часовая площадка, во второй этажъ, гдѣ классы, библіотека, зала.

— Прощайте, классы, прощай, библіотека, прощайте всѣ!..

Голоса звенятъ и рвутся.

— Mesdam'очки, выпускныя взбѣсились!—кричатъ собравшіяся на лѣстницѣ институтки.

«Кочерга» испуганная не на шутку, спѣшитъ намъ навстрѣчу, пересѣкая путь. Но удержать насъ трудно. Мы всѣ сейчасъ—одно буйное стремленіе, одинъ жгу-

Гос.

чій порывъ осмотрѣть еще разъ знакомую обстановку дѣтства и отрочества, чтобы запечатлѣть ее на всю жизнь.

Миновавъ лѣстницу, спѣшимъ въ нижній этажъ.

— Прощай, столовая... гардеробная... лазаретъ... музыкальная комната, полутемный мрачный коридоръ и маленькая пріемная!..

Начальница насъ уже ждетъ въ своей квартирѣ. Послѣднія объятія, напутствія, благословенія...

Притихшія выходимъ мы въ зеленую комнату, гдѣ въ непріемные дни къ намъ въ экстренныхъ случаяхъ пускали родныхъ.

— Простимся теперь. Пора, mesdam'очки,—звучитъ чей-то взволнованный голосъ.

— Прощайте!.. Нѣтъ, нѣтъ!.. до свиданія!—отвѣчаетъ съ подавленнымъ рыданіемъ другой.

Затѣмъ происходитъ какой-то сумбуръ, что-то неописуемое... Мы бросаемся въ объятья другъ другу и рыдаемъ, задыхаясь отъ слезъ.

— Прощайте! Прощайте!

Плачутъ всѣ, рѣшительно всѣ. Даже въ «разбойничьихъ» глазахъ Симы—слезный туманъ. У меня сердце разрывается отъ тоски, когда я сжимаю ее въ объятіяхъ.

— Пиши, милая! Пиши! Черкешенка! Голубка!

Глаза Елены полны тоски.

— Всѣ, всѣ пишите!

Лотосъ-Елочка блѣдна, какъ известь.

— Наши души сольются, несмотря на разлуку,—говоритъ она глухо, дрожащимъ голосомъ.

— Mesdam'очки, когда я замужъ выходить буду, всѣмъ пришлю приглашеніе,—сквозь рыданіе улыбается Креолка.

— О, будь покойна, тебя никто не возьметъ,—шутливо отмахивается Сима:—на головѣ колтунъ, глаза какъ плошки...

Въ дверь зеленой пріемной протискиваются робко младшія, наши друзья, вторыя, третьи... Потомъ снова съ заплаканными личиками появляются «обожательницы», и каждая стремительно бросается къ объекту своего поклоненія. Снова поцѣлуи, вздохи, слезы, рыданья.

Когда я получасомъ позднѣе появляюсь передъ папой-Солнышкомъ, мамой и братишкой, лицо мое безобразно вздуто отъ слезъ, вспухшія вѣки красны, а губы отчаянно дрожатъ отъ волненія. Всѣ отлично понимаютъ меня, мое настроеніе. Кратко освѣдомившись: «ты готова?» и получивъ утвердительный кивокъ головы, они ведутъ меня внизъ, въ вестибюль института. Какъ во снѣ мелькаютъ передо мной еще разъ милыя, знакомыя, дорогія лица. О, какія дорогія, милыя!.. Рантъ... Елочка... Черкешенка... Додошка... Креолка... Сестрички Пантаровы... Сима...

— Прощай! Прощай!—доносится до меня издалека. Швейцаръ Петръ, похожій сегодня на какое-то уди-

вительное существо изъ сказки, благодаря парадной ливреѣ и аксельбантамъ, широко распахиваетъ передо мною дверь.

— Дай вамъ Богъ счастья, барышня Воронская!— говоритъ онъ значительно.—Къ намъ пожалуйте въ гости! Не забывайте!

Я слова не могу произнести отъ волненія, киваю головою и медленно переступаю заповѣдный порогъ въ новую жизнь.

— Счастливый путь!—слышу я въ тотъ же мигъ добрый, веселый голосъ.—Счастливый путь, маленькая русалочка, въ большомъ морѣ жизни!

Ахъ!

Я быстро поднимаю заплаканные глаза.

— Большой Джонъ!—срывается у меня радостнымъ крикомъ.—Я знала, что вы пріѣдете! Я знала!

Передо мною высокая, о, какая высокая! на длинныхъ ногахъ фигура, широкія плечи, корпусъ атлета и маленькая, совсѣмъ маленькая головка съ безукоризненными чертами открытаго, смѣлаго, честнаго лица *). Въ сѣрыхъ ястребиныхъ глазахъ и безконечная ласковость доброты, и шутливая насмѣшка. Въ тонкихъ, сильныхъ рукахъ съ длинными пальцами—великолѣпный букетъ лилій.

Я въ восторгѣ смотрю на Джона, забывъ поздороваться, забывъ поблагодарить.

*) См. повѣсти «За что?» и «Большой Джонъ».

— Зачѣмъ вы такъ балуете, мистеръ Джонъ, нашу Лиду? — говоритъ «Солнышко», пожимая руку моего друга.

— Я зналъ, что вы будете искать меня въ числѣ приглашенныхъ,—говоритъ Джонъ обращаясь ко мнѣ и улыбаясь;—но я именно хотѣлъ васъ привѣтствовать на самомъ порогѣ жизни и поднести эти морскіе цвѣты маленькой русалочкѣ... Вѣдь розы не растутъ на днѣ моря, какъ эти... Но что это?

Ястребиные глаза Джона Вильканга вглядываются мнѣ въ лицо пристальнымъ взоромъ.

— Очевидно, вы неутѣшно плакали. Разлука съ подругами, правда, дѣло тяжелое... но... маленькая русалочка, стыдитесь такъ непростительно поддаваться слабости... Бодрою и радостною хотѣлъ бы я видѣть васъ входящую въ жизнь...

— Ахъ, это такъ понятно,—пробуетъ защитить меня мама.—Я сама была институткой и тоже...

Она замолкаетъ, и ея милые сѣрые глаза влажно сіяютъ мнѣ навстрѣчу.

— Увы, я институткой не былъ!—съ такимъ комическимъ видомъ подхватываетъ Джонъ, что мы всѣ покатываемся со смѣха, маленькій братишка, конечно, больше другихъ.—Но, думается мнѣ, что слѣдуетъ беречь слезы для болѣе серьезныхъ случаевъ въ жизни.

— Ого, какой строгій!—улыбается Солнышко-папа.

— Ужасно,—вторитъ Большой Джонъ и, подхва-

тивъ Павлика на руки, высоко подбрасываетъ его надъ головой.

— Ха-ха-ха,—заливается мальчикъ.

— Садитесь съ нами, Большой Джонъ. Въ нашемъ ландо есть свободное мѣсто,—предлагаю я.—Вѣдь вы не останетесь сегодня въ Петербургѣ?

— Ни подъ какимъ видомъ! Ѣду домой въ Ш. вмѣстѣ съ вами.

— Вотъ и прекрасно. Мы васъ до пристани довеземъ.

И высокая фигура съ крошечной головкой усаживается въ экипажъ между мной и братишкой.

Плавно и легко разрѣзая хрустальныя воды Невы, плыветъ «Труворъ»—большой невскій пароходъ, совершающій свои рейсы между Петербургомъ и Ш., городкомъ. гдѣ служитъ мой отецъ.

Шестьдесятъ верстъ водою—какая это чудесная прогулка!

Я не могу оторвать отъ берега восторженнаго взгляда. Лѣса... селенія... дачи... рѣдкія пристани и снова лѣса, лѣса, сосновые и лиственные, красиво отражающіе въ свѣтлыхъ водахъ свои пышныя вѣтви...

Столица съ ея заводами, фабриками, пылью и дымомъ осталась далеко позади. Впереди широкая водяная лента. Съ обѣихъ сторонъ пышная зелень майской природы и вода, вода... Рѣка и солнце, потоки солнца кругомъ... Колесо шумитъ. Брызги воды вылетаютъ изъ-

подъ него фонтаномъ, бѣлая и чистая, какъ сахаръ, пѣна разбрасывается по обѣ стороны плывущаго гиганта.

Тонкій пронзительный гудокъ, и мы причаливаемъ къ пристани. Перебрасываются мостки. По нимъ спѣшатъ пассажиры. Поскрипывая, покачивается утлая пристанька.

— Отчаливай,—слышится въ рупоръ глухая команда капитана. И снова съ шумомъ вертится колесо. Снова рѣжетъ могучій «Труворъ» хрустальныя воды рѣки-царицы.

Въ каютѣ Большой Джонъ, чтобы развлечь моего сморившагося, уставшаго братишку, рисуетъ ему карикатуры на пассажировъ, показываетъ фокусы при помощи спичекъ и носового платка. Мои родители разговариваютъ со знакомыми изъ нашего города. А я стою на кормѣ, обсыпанная студеными, пѣнистыми брызгами, опьяненная видомъ природы и первыми часами моей «воли», первымъ сознаніемъ ея власти и красоты.

Пароходъ дышитъ смутнымъ, грохочущимъ дыханіемъ и подвигается все впередъ и впередъ—какъ и моя жизнь...

Тамъ, впереди, ждетъ его маленькій городъ. Меня впереди ждетъ моя судьба. Какова она еще будетъ, я не знаю; горе ли, радость принесетъ мнѣ она въ ближайшіе дни—невѣдомо ни мнѣ, никому другому. Знаю одно: начало моей воли празднично и прекрасно, какъ

сказка, о чемъ свидѣтельствуетъ этотъ, полный солнца и свѣта, радостный день, и сіяніе хрустально-голубой рѣки, и пушистая изумрудная лѣсная зелень побережья.

И вмѣстѣ съ майскимъ праздникомъ природы я вступаю въ жизнь...

Я точно во снѣ, когда тремя-четырьмя часами позднѣе выхожу на пристань по утлому трапу, впереди моихъ родныхъ.

Большой Джонъ шагаетъ подлѣ своими длинными ногами.

— Маленькая русалочка,—голосомъ сказочнаго чудовища баситъ онъ,—какъ нравится вамъ родной городокъ?

Убогій, маленькій бѣдный уголокъ, захолустье большой Россіи, разбросанный у самаго устья красавицы-рѣки. У истока ея, изъ большого, мрачнаго синяго озера, бурливаго и почти безбрежнаго, какъ море,—бѣлая крѣпость. Здѣсь на каждомъ шагу исторія и старина. Здѣсь бились шведы и русскіе. Здѣсь проходилъ Скопинъ-Шуйскій со своей дружиной. Здѣсь рѣяли много позднѣе знамена Великаго Петра. А тамъ, за бѣлой стѣной крѣпости, въ мрачномъ казематѣ томился царственный узникъ Іоаннъ Антоновичъ, лишенный престола... Безконечные каналы, перерѣзанные шлюзами... Часовенка у пристани, съ чудотворной иконой... Дальше фабрика, еще дальше тихое поэтичное кладбище въ сосновомъ горномъ лѣсу...

Мое сердце бьется усиленно. Все здѣсь даетъ настроеніе: и красота природы, и маленькій историческій городокъ, полный воспоминаній далекой сѣдой старины.

Вдругъ внезапный, безпорядочный шумъ привлекаетъ мое вниманіе.

Цѣлая толпа оборванныхъ, страшныхъ людей, съ испитыми лицами бродягъ бросаются къ намъ навстрѣчу. Они рвутъ изъ рукъ моего отца мой небольшой чемоданчикъ, хватаютъ насъ за платье и кричатъ:

— Алексѣй Александровичъ! Батюшка! Благодѣтель!.. Поздравляемъ, отецъ-родной, съ доченькинымъ пріѣздомъ! Матушка, красавица-барыня, васъ также!

Тутъ мужчины, женщины, дѣти. Охрипшіе голоса, озлобленныя лица, силящіяся изобразить сейчасъ умильную улыбку на искривленныхъ губахъ.

Я невольно отшарахиваюсь въ сторону и широко раскрытыми глазами гляжу на эту пеструю, жалкую и жуткую толпу.

— Маленькая русалочка,—слышу я надъ моимъ ухомъ голосъ Большого Джона,—не бойтесь: это здѣшніе ссыльные, они безвредны и не принесутъ вамъ вреда.

Ну, да, конечно, глупо было бояться. О нихъ, объ этихъ полуголодныхъ, оборванныхъ людяхъ, я совсѣмъ и забыла. А между тѣмъ они, эти сѣрые люди съ изможденными лицами, знакомы мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы поселились въ Ш. Ихъ партіями пригоняютъ сюда изъ Петербурга, подбирая большею частью въ нетрез-

вомъ видѣ на улицахъ, въ столицѣ. Среди нихъ можно встрѣтить и мелкихъ воришекъ, и уличныхъ бродягъ.

Но здѣсь, въ Ш., они дѣйствительно безвредны. У нихъ своя община, свой старшина, свои порядки. И живутъ они въ большой, мрачной казармѣ въ предмѣстьѣ города. Каждую субботу обходятъ они дома состоятельнаго населенія и получаютъ по копейкѣ съ дома каждый. Это—ихъ доходъ. Кромѣ того, на пристани сторожатъ пароходы, чтобы носить багажъ пріѣзжихъ на своей рабочей спинѣ.

Съ крикливыми возгласами толпа ссыльныхъ, мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ, окружила насъ.

— Ангелъ-барыня! Барченочекъ! Божье дитятко! Барышня-красавица! — лепетали они. — Поздравляемъ васъ! — выводили они нараспѣвъ хоромъ и мгновенно окружили Большого Джона.—Иванъ Ивановичъ! Благодѣтель нашъ! Въ добромъ ли здоровьѣ?

— Слава Богу, друзья мои!—отвѣчаетъ онъ своимъ веселымъ, добрымъ голосомъ. — Вотъ сегодня же буду просить отца принять нѣсколько женщинъ къ намъ въ сортировочное отдѣленіе на фабрику.

— Дай тебѣ Господи здоровья, благодѣтель ты нашъ!—слышатся умиленные голоса.

Налѣво тѣсная группа обступила моего отца, который раздаетъ имъ мелкія монеты. Павликъ пугливо жмется къ матери. Нѣжный и хрупкій, онъ не выноситъ шума и суеты.

А мои глаза уже видятъ тамъ вдали синія воды озера, похожаго на море, съ рѣющими на немъ бѣлыми чайками парусовъ.

Внезапно я чувствую, какъ что-то постороннее прикасается къ моему боку тамъ, гдѣ мѣсто кармана... Что-то проворно скользитъ по мнѣ, какъ змѣя.

— А!

Я едва успѣваю крикнуть. Живо оборачиваюсь.

Что-то смуглое, черное, всклокоченное и оборванное съ быстротою молніи шарахнулось въ сторону отъ меня. Въ ту же минуту слышатся дикіе, пронзительные крики.

— Держи! Лови! Левка у барышни портмонэ изъ кармана стянулъ! Держи! Лови мошенника!

И нѣсколько взрослыхъ фигуръ устремляются слѣдомъ за небольшимъ оборваннымъ, чернымъ, какъ цыганенокъ, мальчуганомъ.

Съ изумительными для такого невзрачнаго существа ловкостью и быстротою, мальчикъ (ему не больше 14-15 лѣтъ) юркаетъ въ толпу въ первую минуту, потомъ, изогнувшись въ три погибели, проносится мимо и теперь мчится, какъ вѣтеръ, сверкая грязными босыми пятками, проворный и быстрый, какъ обезьяна. За нимъ гонятся шесть или семь сильныхъ, здоровыхъ мужчинъ. Слышны ихъ свистки, крики, злобная брань...

— Лови! Держи! Разбойника лови, братцы! Мы те покажемъ, какъ у благодѣтелей воровать!

Мое сердце остро сжимается болью за худенькую, жалкую фигурку.

— Только бы не били его, только бы не били! — выстукиваетъ оно, сжимаясь отъ жалости.

Къ отцу подходитъ огромный, костлявый человѣкъ со странными, прозрачными глазами, съ краснымъ носомъ и впалыми щеками, обросшій рыжей щетиной.

— Это ихъ староста, — шепчетъ мнѣ мама. — Онъ, конечно, будетъ сейчасъ извиняться.

Дѣйствительно, староста Наумскій хриплымъ голосомъ говоритъ отцу:

— Вы, ваше благородіе, не бойтесь. Мы мальченку проучимъ. Мы такого сраму не допустимъ. Мы хоть и пьяницы и бродяжки, а того у насъ нѣтъ, чтобы благодѣтелей обижать.

— Нѣтъ. Нѣтъ. Не смѣйте его бить. Никакой расправы я не допускаю,—говоритъ отецъ строго и хмуритъ брови.

— Ну, ужъ это наше дѣло... Мы позора на себя брать не хотимъ, — обрываетъ рыжій человѣкъ.

— Анъ, голубчикъ, попался!—свирѣпо накидывается онъ на кого-то, рванувшись впередъ.

Толпа раздается на обѣ стороны, и я вижу: четверо мужчинъ ведутъ воришку. Двое тащатъ его за руки, двое подталкиваютъ въ спину. Я вижу ужасъ, разлитый въ зрачкахъ мальчугана. Его помертвѣвшее отъ страха лицо, его спутанные кудри, нависшіе по самыя брови, и огром-

ные черные сверкающіе глаза, налитые безумнымъ животнымъ ужасомъ. Онъ знаетъ, какая жестокая расправа ждетъ его въ казармѣ.

Кто-то вырываетъ изъ его рукъ кошелекъ и передаетъ мнѣ.

Мой отецъ взволнованъ.

— Послушайте, — обращается онъ къ толпѣ, — не смѣйте бить мальчика. Отведите его къ исправнику. Онъ разберетъ, въ чемъ дѣло. Но я запрещаю вамъ расправляться самимъ съ нимъ.

Въ голосѣ моего «Солнышка» звучатъ властныя ноты. Въ глазахъ приказаніе. Обычнаго мягкаго выраженія я не вижу въ нихъ сейчасъ.

Но толпа, наэлектризованная, возмущенная и насыщенная негодующей злобой, уже не слышитъ ничего.

— Ты, ваше высокородіе, препятствовать намъ не моги. У насъ свои уставы,—коротко бросаетъ Наумскій и затѣмъ отрывисто приказываетъ толпѣ: — ведите въ казарму мальчишку и тамъ ждите меня и моего приказа.

У меня холодѣетъ сердце и дрожь ужаса пробѣгаетъ по спинѣ. Предо мною жалкое, маленькое лицо, исковерканное страхомъ, налитые страхомъ глаза, сине-бѣлыя губы, подернутыя гримасой отчаянія, и мелкой дрожью трясущаяся фигурка. Я чувствую сама, что блѣднѣю. Холодныя капли пота выступаютъ у меня на лбу.

— Они забьютъ до полусмерти этого ребенка, а вырвать его у нихъ нѣтъ возможности и силъ...

— Послушайте, — кричитъ мой отецъ, повышая голосъ.—Если вы тронете его хоть пальцемъ, двери моего дома навсегда закрыты для васъ, и субботнія получки вы...

Онъ не доканчиваетъ своей фразы. Высокій человѣкъ съ крошечной головой, смѣло расталкивая толпу, пробирается къ маленькому бродяжкѣ. Вотъ онъ передъ нимъ.

Мое сердце наполняется огромнымъ порывомъ счастья. Теперь я знаю, я чувствую ясно: Левка спасенъ.

Сильными толчками Большой Джонъ отстраняетъ мужчинъ, державшихъ мальчугана, и кладетъ руку на кудрявую голову оборванца.

— Ты пойдешь со мною, — говоритъ онъ голосомъ, не допускающимъ возраженій.—Я беру тебя на поруки въ свой домъ.

Потомъ, окинувъ толпу ястребинымъ взглядомъ, добавляетъ властными нотами:

— И кто тронетъ его пальцемъ, тотъ будетъ считаться со мной. А теперь расходитесь вы, живо! До свиданья, полковникъ! — минутою позднѣе обращается онъ къ «Солнышку» и пожимаетъ его руку (другою рукою онъ крѣпко держитъ Левку за плечо). — Совсѣмъ забылъ: черезъ недѣлю день рожденія сестры моей Алисы — ея совершеннолѣтіе, и мой отецъ проситъ васъ пожаловать съ супругой и дочерью къ намъ. У насъ праздникъ и балъ. Маленькая русалочка, вы не откажете подарить мнѣ котильонъ? Не правда ли?

— О, конечно!—тороплюсь я отвѣтить, а глаза мои попрежнему впиваются въ Левку.

Меня поражаетъ это хищное и въ то же время запуганное выраженіе этого смуглаго худого лица съ цыганскими глазами, выраженіе загнаннаго, затравленнаго звѣря.

Толпа оборванныхъ людей медленно расходится, тихо ропща и негодуя. Но открыто протестовать она не можетъ. Большой Джонъ — крупная личность въ городкѣ. Многихъ изъ этихъ ссыльныхъ онъ опредѣляетъ на фабрику своего отца. Многимъ даетъ заработать кусокъ хлѣба.

Левка, попавъ подъ его защиту, теперь является недосягаемымъ для толпы. Онъ это чувствуетъ и довѣрчиво льнетъ къ своему благодѣтелю. На губахъ его появляется довольная полуулыбка, а черные глаза коварно усмѣхаются по адресу толпы.

* * *

Лѣто мы проводимъ не въ самомъ городѣ Ш., а въ предмѣстьѣ его, въ прелестной маленькой мызѣ «Конкордія», сбѣгающей своими дорожками прямо къ рѣкѣ. Двѣ неописуемо-грохочущія извозчичьи пролетки везутъ насъ туда. Я ѣду въ переднемъ экипажѣ съ мамой-Нэлли. Позади папа съ братишкой.

— Какъ хорошо, что тебѣ сразу представляется слу-

чаи встрѣтить на вечерѣ у Вилькангъ все здѣшнее общество, — говоритъ мнѣ моя спутница. — Войдешь въ него сразу, познакомишься со всѣми.

Я киваю головою, но на умѣ у меня другое. Я не люблю общества... Лѣсъ, поле, красавица-рѣка, лодка, природа — вотъ то желанное общество, къ которому рвется моя душа. И потомъ я еще полна тихой печали по подругамъ. Симу... Зину Бухарину... Черкешенку... Рантъ... Вѣру Дебицкую... всѣхъ этихъ чуткихъ, любящихъ, милыхъ мнѣ никто не замѣнитъ. Ахъ, мнѣ будетъ недоставать васъ, дорогія мои.

Мама-Нэлли точно читаетъ въ моихъ мысляхъ.

— У тебя не будетъ недостатка въ сверстницахъ,— говоритъ она.—У насъ живетъ молоденькая швейцарка, Эльза, рекомендованная Джономъ Вилькангомъ. Она будетъ всюду сопровождать тебя. И потомъ Варя еще у насъ. И хотя она тебѣ не пара, но все-таки въ молодомъ обществѣ тебѣ будетъ веселѣй.

Варя? Да. А я то и забыла о ней.

Молодая, полуинтеллигентная, изъ школы ученыхъ нянь-фребеличекъ, Варя давно уже живетъ въ нашемъ домѣ. Она няньчила моего брата Павлика, а теперь на ея рукахъ Саша и Нина—младшая дѣтвора. Во время моихъ лѣтнихъ вакацій я подружилась съ Варей и даже тайкомъ отъ всѣхъ перешла съ нею на «ты». Моимъ родителямъ не особенно нравится эта дружба, такъ какъ обладающая далеко не легкимъ характеромъ Варя

не умѣетъ держать себя въ границахъ. Она деспотична и рѣзка. Но ко мнѣ питаетъ какую-то болѣзненную привязанность. При всѣхъ мы «на вы»; наединѣ—«на ты» и считаемъ себя подругами. Что до того, что я «барышня», дочь хозяевъ, а она бѣдная скромная бонна.

Пока я разспрашиваю маму про Варю, мы незамѣтно минуемъ городъ съ его рынкомъ и бульваромъ, съ его бѣлой фабрикой, сосновымъ лѣсомъ и кладбищемъ на горѣ. Вонъ казармы въ предмѣстьѣ. Вонъ рыбацкая слобода, куда мы когда-то ходили пить парное молоко съ моей гувернанткой-француженкой *). Вонъ уже потянулись поля, роща, показалась высокая дача съ бельведеромъ. Вдали лѣсъ темный и молчаливый. А по другую сторону дороги бѣлые столбы воротъ мызы «Конкордія».

Мы подъѣзжаемъ.

Пестрая маленькая группа виднѣется у входа на мызу. Кто-то машетъ платкомъ, кто-то крутитъ шляпой надъ головой, маленькій, толстенькій, потѣшный.

— Стой! Стой! — кричу я извозчику, соскакиваю съ пролетки и, небрежно подхвативъ шлейфъ моего бѣлаго платья, бѣгу со съѣхавшей на бокъ шляпой навстрѣчу собравшимся.

Вотъ они всѣ передо мною.

Насколько мой первый братишка, съ его гибкой фигуркой маленькаго изящнаго щеголя, строенъ и хорошъ,

*) См. повѣсть «За что?».

храня въ своемъ гордомъ точеномъ личикѣ черты «породы», настолько второй—толстенькій и неуклюжій, шестилѣтній Сашукъ—кажется медвѣжонкомъ. Но въ сѣрыхъ глазахъ его и въ полуоткрытомъ ротикѣ столько добродушія, что такъ и тянетъ расцѣловать его.

Четырехлѣтняя Ниночка прелестна своей безсознательной граціей крошечной женщины. И глаза у нея—какъ голубыя незабудки въ лѣсу. Черныя рѣснички длинны. Живость козочки такъ и бьетъ изъ всего этого крошечнаго существа.

— Лида пріѣхала! Лида!—визжатъ они и прыгаютъ на мѣстѣ, хлопая въ ладоши.

Я обнимаю всѣхъ, цѣлую.

— Ты будешь разсказывать намъ сказки?

— Да, милые! Да!

— А мыльные пузыри пускать будешь? — важно освѣдомляется Саша.

— Ну, конечно! Конечно!

— А у меня есть жукъ въ коробкѣ!—посапывая носикомъ и осторожно высвобождаясь изъ моихъ объятій, присовокупляетъ онъ.

— А ты такая же шалунья, какъ прежде?—неожиданно освѣдомляется незамѣтно подошедшій Павликъ. И шаловливый огонекъ загорается въ синихъ глазенкахъ, опушенныхъ такими же безконечно длинными стрѣлами рѣсницъ, какъ у маленькой сестры. И вдругъ вспоминаетъ: «Ахъ! Слушайте... У пристани какой-то

бродяжка у Лиды изъ кармана портмонэ вытащилъ... Его всѣ ссыльные бить хотѣли... Но папочка не позволилъ, а Большой Джонъ вдругъ какъ выскочитъ, какъ растолкаетъ ихъ всѣхъ и къ себѣ мальчика взялъ... Онъ—черный, какъ цыганъ... И злой... А глаза, какъ яйцо. Во!»

И Павликъ съ увлеченіемъ выставилъ впередъ оба свои крошечные кулачонка.

— Во какіе глаза!

— Лида Алексѣевна! Милая! Поздравляю!—слышу я подлѣ себя нѣсколько рѣзкій голосъ.

— Варя, дорогая!

Каріе глаза ея горятъ радостнымъ восторгомъ, а по скуластому молодому лицу, обычно блѣдному, разлился румянецъ счастья. Она некрасива: маленькіе глазки, поджатыя капризныя узкія губы, скуластое лицо, желтые волосы, густые и непокорные, какого-то линючаго цвѣта. Но зато у нея великолѣпные крупные сильные зубы и насмѣшливое, несомнѣнно умное лицо.

Я быстро оборачиваюсь къ ней, порывисто цѣлую ее, обнявъ за шею. Ея преданность и любовь такъ радуютъ меня!

— Ахъ, Варя, какая у насъ будетъ дивная жизнь!—шепчу я ей на ушко.

— Наконецъ пріѣхала, родная! А у насъ тутъ новость—взята швейцарка. Ну и сокровище! Увидишь!—

быстро-быстро шепчетъ она, дѣлая пренебрежительный жестъ рукою.

Я сразу понимаю все. Варя ненавидитъ «чужеземку». Она ревнуетъ ее ко мнѣ, къ дѣтямъ, къ своему положенію у насъ въ домѣ.

— M-lle Эльза уже здѣсь?—срывается у меня.

— Bonjour, m-lle Lydie!—слышу я тоненькій, почти дѣтскій голосокъ.

Передо мною низенькаго роста дѣвушка, почти дѣвочка, черноглазая, миловидная, свѣженькая, съ невиннымъ взоромъ и веселымъ довольнымъ личикомъ.

— Эльза,—говорю я по-французски, протягивая ей руку.—Мы будемъ друзьями? Не правда ли?

Она улыбается, и глубокія ямочки играютъ у нея на щекахъ.

Варя презрительно поджимаетъ губы. Я беру ее за руку.

— Не сердись, — шепчу я ей мимоходомъ.—Вѣдь ее нужно было обласкать. Но тебя я не промѣняю ни на кого.

— Барышня золотая наша пріѣхала,—слышу я громкій голосъ, и веселое, жизнерадостное существо, дѣвушка 27-28 лѣтъ, горничная мамы-Нэлли, служившая у нея еще въ годы дѣвичества, скорѣе наперсница, нежели прислуга, бросается меня цѣловать.—Наконецъ-то! Шесть лѣтъ этого ждали!—кричитъ она весело и отъ избытка чувствъ подхватываетъ на руки мою младшую сестренку и кружится съ нею, какъ волчокъ.

— «Ура»! Кричите «ура», мальчики!—подталкиваетъ она братьевъ.

Саша раскрываетъ ротъ. Павликъ машетъ ручонкой.

— Не надо кричать. Мы не солдаты. Лучше пойдемъ, покажемъ Лидѣ все, что мы приготовили для нея,—говоритъ Павликъ.

— Конечно, конечно.

«Солнышко» и мама-Нэлли примыкаютъ къ нашей юной толпѣ. Идемъ, возбужденные, радостные.

У входа въ домъ флаги. Балконъ обвитъ гирляндой зелени и полевыхъ цвѣтовъ. Изъ нихъ сплетена искусная надпись: «Добро пожаловать, сестрица».

Это дѣти съ ихъ воспитательницами сплели для меня.

Всюду букеты моихъ любимыхъ ландышей: въ вазахъ, въ граненыхъ бокальчикахъ, въ стаканахъ. Мой портретъ тоже увитъ ими.

— Въ Лидину комнату теперь, живѣе!—командуетъ Павликъ, и съ визгомъ всѣ трое ребятишекъ бѣгутъ туда.

Обнявъ маму-Нэлли и лаская глазами папу-Солнышко, вхожу въ приготовленное для меня гнѣздышко.

Оно въ верхнемъ этажѣ. Окна выходятъ на Неву. Вотъ она сверкаетъ серебристой лентой между кружевомъ сосенъ, искристо улыбаясь въ солнечныхъ лучахъ.

Комната вся голубая. Ея стѣны выкрашены «подъ небо». На полу, передъ письменнымъ столомъ,—шкура дикой козы. Голубыя драпировки изъ крепона, уютная кушетка, на которой такъ хорошо читать, такъ сладко грезить; орѣховый шкапъ съ большимъ зеркаломъ, вдѣланнымъ въ дверцы. На письменномъ столѣ — изящный приборъ для письма — изъ красиваго сѣраго мрамора съ бронзой. Въ углу, за ширмами — бѣлоснѣжная кровать. Тамъ же и огромный мраморный умывальникъ. Заботливыя руки, поставившія его, знали, что я люблю плескаться, какъ утка, и предусмотрѣли все. Надъ столомъ полочка съ книгами: обожаемый Лермонтовъ, любимый Надсонъ и — Тургеневъ, чудесный Тургеневъ, передъ кѣмъ я склоняюсь до земли; маститый философъ-геній, Левъ Толстой, царитъ надъ ними.

Никакихъ статуэтокъ, бибело, ни туалета съ его принадлежностями—въ комнатѣ нѣтъ. Если бы не голубой цвѣтъ и нѣжные тоны, можно было бы подумать, что это комната юноши. Но я не люблю никакихъ украшеній, которыя такъ «обожаютъ» барышни моихъ лѣтъ. Моя душа—душа мальчугана. Родные знаютъ это и украсили мою комнату именно такъ, какъ я мечтала сама...

— Тебѣ нравится? Да? Нравится? Скажи!—прыгая вокругъ меня, кричатъ восторженно братишки и сестренки.

Но сказать я ничего не въ силахъ... Душа моя полна... Я счастлива, безконечно счастлива... Быстро оборачи-

ваюсь къ Солнышку, къ мамѣ. Протягиваю руки, благодарю безъ словъ.

Какія у нихъ счастливыя лица! Какъ влажно сіяютъ глаза!

— Зимою мы прибавимъ мебели на городской квартирѣ, — роняетъ отецъ.

— Да, да. Будетъ еще уютнѣе, — вторитъ мама.

— Да можетъ ли быть лучше того, что я здѣсь вижу!? — срывается съ моихъ устъ въ восторгѣ.

Остатокъ дня я посвящаю, предварительно переодѣвшись, осмотру мызы «Конкордія». Какъ все здѣсь красиво! Старый запущенный садъ. Всюду заросли сирени, боярышника, акаціи. Въ глуши зеленая бесѣдка изъ плюща, какъ разъ надъ Невою.

— Это будетъ моимъ любимымъ пристанищемъ, — рѣшаю я.

Часть сада расчищена. Есть гигантскіе шаги, качели. А черезъ дорогу лѣсъ. Напротивъ — старая усадьба хозяевъ. Здѣсь мы жили раньше. Тамъ весь вечеръ поютъ соловьи. У пристани маленькая лодочка. Это Солнышко купилъ ее для меня, своей баловницы. Я быстро прыгаю въ нее, беру весла. Одинъ взмахъ, и теченіе подхватываетъ меня. Сердце залито, затоплено до краевъ безбрежнымъ счастьемъ. Я не могу видѣть равнодушно этой синеокой прекрасной рѣки-чаровницы въ зеленомъ вѣнцѣ изъ пушистыхъ прибрежныхъ лѣсовъ, этого неба съ его бирюзовой улыбкой, не могу доста-

точно насладиться моей свободой — такой чудесной, желанной и дорогой...

Я гребу до утомленія, борюсь съ теченіемъ до потери послѣднихъ силенокъ, полная молодого задора. Только къ обѣду, къ шести часамъ, попадаю домой.

— Была на рѣкѣ!—кричу звонко, входя въ столовую.

Но этого и говорить не надо: платье пропитано брызгами, а солнце первымъ загаромъ тронуло щеки.

Въ лицѣ мамы-Нэлли тревога.

— Не люблю я воды,—шепчетъ она тихо.—Боюсь.

— О, за нее не бойся, дорогая! Она гребетъ и правитъ лодкой лучше любого рыбака, — смѣется папа-Солнышко и посылаетъ мнѣ ласковый взглядъ.

А вечеромъ, когда дѣти спятъ, каждый въ своей бѣлой постелькѣ, Варя пробирается ко мнѣ въ мезонинъ. Я распахиваю окно... Соловьи заливаются въ глухой усадьбѣ хозяевъ... Тихо плещетъ Нева тамъ, внизу... Варя обнимаетъ меня крѣпко, и мы слушаемъ молча ночныя трели. Потомъ она говоритъ быстрымъ шопотомъ о своей привязанности ко мнѣ, о долгомъ ожиданіи этихъ минутъ и о ненавистной ей Эльзѣ, о своемъ одиночествѣ и о тусклой сиротской долѣ.

— Какъ хорошо, что ты пріѣхала, радость моя! — шепчетъ сконфуженно дѣвушка. — Теперь все пойдетъ по-старому. Вѣдь ты любишь меня? Вѣдь ты-то ужъ не промѣняешь меня на Эльзу?

— Какія ты глупости говоришь, Варя.

— Ну, вотъ ужъ и глупости! — поджимаетъ она обидчиво губы.—Всѣхъ эта Эльза тутъ околдовала, что и говорить. Раньше, бывало, дѣти отъ меня ни шагу, а теперь все съ нею да съ нею. И Анна Павловна на нее не надышится... Еще бы! Эльза умѣетъ туману въ глаза напустить...

— Что ты, Варя! Мама-Нэлли такъ дорожитъ тобою, — оправдываю я близкое мнѣ существо.

— Ахъ, что ты знаешь! — сердится Варя. — Вотъ погоди, околдуетъ и тебя.

— Не околдуетъ,—смѣюсь я счастливымъ смѣхомъ.

Такъ странно и дико въ этотъ чудный майскій вечеръ подъ сладкія рулады соловьевъ чувствовать глухую вражду, зависть, безпокойство. Бѣдная Варя!

Я обнимаю крѣпче дѣвушку, поцѣлуемъ прогоняю мракъ изъ ея души и быстро начинаю разсказывать ей о сегодняшнемъ днѣ, о выпускѣ, о Симѣ Эльской, Креолкѣ, Черкешенкѣ, Додошкѣ. И глаза ея постепенно загораются. Улыбка трогаетъ тонкія губы. Потомъ я читаю ей свои стихи, ей одной читаю все то, что написала за послѣднее время.

Какъ она умѣетъ слушать и понимать!

Она сулитъ мнѣ извѣстность въ будущемъ, крупную недюжинную славу... И глаза ея горятъ гордымъ восторгомъ, когда она смотритъ на меня.

Мы расходимся поздно. Заря уже охватила полнеба, и тамъ, на заднемъ дворѣ, пропѣли первые пѣтухи. Я

валюсь на постель и тотчасъ же засыпаю, какъ убитая.

* * *

Новая жизнь...

Новая жизнь на волѣ, полная прелести, свѣжести, свободы и красоты... Дни стоятъ чудесные, ясные, праздничные. Въ золотомъ маревѣ купаются синія волны рѣки. Сочно, пышно и ярко зеленѣютъ деревья... Ни тучки въ бирюзовомъ небѣ... Ни темнаго облачка на душѣ. Все красиво и ясно, какъ и въ самой природѣ...

Сплю до десяти. Отсыпаюсь за зиму институтской учебной гонки. Потомъ наскоро одѣваюсь и бѣгу купаться. Со мною Варя и Эльза. За дѣтьми въ это время присматриваетъ Даша.

Вода въ Невѣ холодная, бодрящая. Плаваемъ, какъ рыбы, плещемся, хохочемъ. Варя ныряетъ, какъ чайка. Эльза — трусиха. Она кроткая и покорная, какъ овечка, и веселая, все смѣется.

— Она глупа,—рѣшаетъ Варя и опять презрительно поджимаетъ губы.—Покажи Эльзѣ палецъ, сейчасъ будетъ хохотать.

Нѣтъ, нѣтъ, Эльза не глупа. Это—маленькая добрая птичка, безпечная, беззаботная, веселая, какъ дитя. Что за мысли кроются подъ черной гривкой волосъ, не знаю. Какими надеждами бьется сердечко, кто сумѣетъ разгадать?

Меня слушали всѣ съ жадно раскрытыми глазами...

Къ завтраку мы возвращаемся возбужденныя, съ мокрыми волосами, съ волчьимъ аппетитомъ.

Затѣмъ отправляемся въ лѣсъ съ дѣтьми. Здѣсь, среди сосенъ и смолистаго аромата, дивное тѣнистое и таинственное царство. Лишь только вступаемъ подъ мрачные своды хвойныхъ великановъ, какъ душа моя затихаетъ, раздавленная этимъ величіемъ и тишиной. Сначала молчишь, какъ въ храмѣ, завороженная, зачарованная. Потомъ откуда-то изъ глубины души невольно вырывается восторгъ и желаніе слиться съ природой, съ травою, съ лѣсомъ, со всѣмъ этимъ царствомъ чарующей красоты и мысли...

Необузданное веселье кружитъ голову. Мы гоняемся другъ за другомъ, какъ бѣшеныя, къ немалому восторгу дѣтей. Валимся на траву, скатываемся кубаремъ съ холмовъ и пригорковъ. Иногда затихаемъ внезапно. Я импровизирую стихи или сказки. Меня слушаютъ всѣ съ жадно раскрытыми глазами. Изъ моихъ устъ такъ и льются волны фантастическихъ вымысловъ... Боже Милосердный! Чего только я ни выдумываю! Тутъ въ лѣсу все таинственно и прекрасно. Здѣсь невидимый замокъ волшебника... Въ немъ томятся принцессы... По ночамъ ихъ можно видѣть танцующихъ при лунѣ. А изъ болотъ выходятъ по ночамъ на берегъ сѣрыя жабы, ударяются о землю и дѣлаются принцами, которыхъ заколдовалъ злой колдунъ... Сказка заканчивается всегда благополучно и постоянно свадьбой принцевъ съ прин-

цессами и гибелью злого колдуна. Потомъ я читаю стихи о морѣ, о южномъ солнцѣ, о восточномъ небѣ, которыхъ никогда не видѣла и не знала, но куда рвалась всей душой... Это татарская кровь даетъ себя чувствовать: по прадѣду мы татары...

Съ восторгомъ глядитъ на меня Варя, съ благоговѣйнымъ недоумѣніемъ Эльза. Она плохо понимаетъ, что я говорю, но мой вдохновенный экстазъ трогаетъ ее своимъ жаромъ. Потомъ Варя бросается ко мнѣ на грудь, шумно восторгается моимъ дарованіемъ и опять пророчитъ въ будущемъ славу.

А послѣ обѣда, до поздняго вечера, я снова на рѣкѣ... Ложусь на дно лодки и позволяю теченію отнести себя далеко. Спохватываюсь внезапно и гребу, въ то время какъ фантазія плететъ въ головѣ моей прихотливые вѣнки изъ радужныхъ грезъ... Я воображаю себя не тѣмъ, что есть. Я — снова принцесса, какъ и въ далекомъ дѣтствѣ. Кругомъ меня — мои владѣнія, эта рѣка моя, зеленый берегъ тоже мой... Тамъ живутъ мои подданные — красивое культурное племя не то древнихъ грековъ, не то арабовъ. Они сильны духомъ и смѣлы, какъ львы... Они всѣ мирные земледѣльцы, и каждый изъ нихъ кромѣ того поэтъ, или музыкантъ, или пѣвецъ по призванію. Словомъ, всѣ они жрецы искусства. А я...

Взошедшій на небѣ молодой мѣсяцъ напоминаетъ мнѣ, кто я и что меня ждутъ къ чаю... Съ неохотой разстаюсь съ лодкой, бреду домой.

«Солнышко» съ мамой идутъ въ гости. Зовутъ меня съ собою. Я отказываюсь. Одѣваться, причесываться, сидѣть тихо и неподвижно, напряженно вслушиваясь въ вопросы, изображать изъ себя свѣтскую барышню— ни за что!

— Ну, какъ хочешь, — соглашается первый «Солнышко» на мою усиленную мольбу оставить меня дома.

Зато что за сумбуръ поднимается, когда мы, уложивъ дѣтей, несемся съ Варей, Эльзой и Дашей къ любимымъ «гигантамъ». Ахъ, я люблю взвиваться птицей вокругъ гигантскаго столба! За спиной словно крылья.

Эльза труситъ по своему обыкновенію. Варя же не отстаетъ отъ меня. Даша передаетъ свою лямку и заноситъ насъ всѣхъ поочередно. Крикъ, визгъ, хохотъ...

А ночью, когда стихаетъ дневная суета и соловьи въ хозяйскомъ саду выводятъ свои рулады — золотыя грезы, какъ бабочки, вьются надъ моей головой. Сны мои такъ плѣнительны и тревожны и такъ часто сходны они между собой! Я вижу народную толпу, веселые всплески аплодисментовъ и тонкую дѣвушку на эстрадѣ... И мнѣ кажется почему-то, что дѣвушка эта — я...

* * *

Терпѣть не могу общества, званыхъ вечеровъ, но все-таки приходится идти къ Вилькангамъ.

У нихъ не домъ, а цѣлый дворецъ подлѣ фабрики. Вокругъ него чудесный англійскій паркъ-садъ. Всюду статуи, бесѣдки, мостики, гроты, а посрединѣ площадки, у главнаго входа — фонтанъ. Музыка гремитъ намъ навстрѣчу изъ открытыхъ оконъ дома, когда мы всѣ трое: «Солнышко», мама-Нэлли и я, подходимъ къ директорскому крыльцу.

Я давно здѣсь не была. Помню, что у Большого Джона чуть ли не десять или двѣнадцать сестеръ. И всѣ онѣ сдержанныя, чопорныя и тоскливо корректныя англичанки. Воображаю, что за скучище этотъ сегодняшній балъ!...

Садъ ярко иллюминованъ. Надъ домомъ англійскій флагъ и еще другой—бѣлый. На немъ что-то написано по-англійски, вѣроятно поздравительное привѣтствіе Алисѣ, которой минуло сегодня двадцать одинъ годъ.

Я ни слова не смыслю по-англійски и заранѣе приготовляюсь умирать съ тоски.

Большому Джону, вѣроятно, придется мало времени удѣлить мнѣ сегодня,—вѣдь онъ хозяинъ. А гостей понаѣхало очевидно пропасть, слышенъ ихъ лопотъ за версту. Неужели не будетъ, кромѣ насъ, никого изъ русскихъ?

Но вотъ онѣ передъ нами.

Луиза, Кетти, Лиза, Мэли, Елена и Алиса — сама виновница торжества. Всѣ онѣ въ скромныхъ бѣлыхъ платьяхъ, гладко причесанныя, съ видомъ удивительно

благонравныхъ дѣвицъ изъ нравоучительнаго англійскаго романа.

«Какъ! Только шесть! А я думала—ихъ двѣнадцать!»

— А! миссъ Лида! Очень пріятно васъ видѣть, — поютъ всѣ шесть хоромъ по-французски и полдюжины рукъ тянутся мнѣ навстрѣчу.

Увы! Большого Джона не видно!

— Джонъ въ саду, приготовляетъ фейерверкъ,—обязательно поясняетъ «новорожденная», черненькая Алиса.

И пять остальныхъ голосовъ торопливо подхватываютъ хоромъ:

— Іезъ! Джонъ въ саду! Въ саду!

Точно я глухая или плохо соображаю, что мнѣ говорятъ.

Потомъ меня подхватываютъ подъ руки двѣ старшихъ, Елена и Алиса, и ведутъ въ залъ. Рыжая Луиза и Кетти идутъ за нами. Бѣлокурая Лиза и Мэли по краямъ.

Мнѣ становится какъ-то не по себѣ сразу: точно пойманная преступница среди стражи.

Ненавижу чопорныхъ куколъ-англичанокъ. Какая разница между ними и Большимъ Джономъ! Небо и земля!

Въ большой залѣ зажжена люстра. Тамъ танцуютъ. Молодые люди во фракахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ широко вырѣзанныхъ жилетахъ и въ бѣлоснѣжныхъ манишкахъ, съ изумительно гладко прилизанными волосами,—добросовѣстно кружатъ по залу чопорныхъ англій-

скихъ дѣвицъ. Послѣднія сидятъ по стѣнкамъ чинно, безмолвно, въ ожиданіи приглашенія.

Ахъ, какая тоска! Что же я буду дѣлать? Общество незнакомое. Мои англичаночки подводятъ ко мнѣ то одного кавалера, то другого. Тѣ дѣлаютъ со мною молча по туру вальса и, процѣдивъ что-то сквозь зубы, сажаютъ на мѣсто.

А что, если удрать отсюда въ садъ, къ Большому Джону, туда, гдѣ приготовляютъ фейерверкъ?

Я съ тоскою поглядываю въ окно, гдѣ закутывается въ сѣдую пелену сумерекъ свѣтлая майская ночь. А таперъ играетъ, все играетъ, вальсъ за вальсомъ, польку за полькой, и чопорныя пары кружатся безъ конца.

Алиса и Елена, видя, что съ моими танцами не ладится, подсаживаются ко мнѣ.

— Это жаль, — обращается ко мнѣ по-французски старшая англичаночка,—что папа не пригласилъ, кромѣ васъ, никого изъ русскихъ. Вы скучаете?

— Ужасно! — сознаюсь я откровенно.

У нихъ мгновенно дѣлаются испуганныя лица, точно я, Богъ вѣсть, что сказала. Но дѣйствительно же скучно мнѣ страшно. Почему же я должна это отрицать? Или въ этомъ не принято признаваться?

— А у насъ новость,—говоритъ Алиса, съ вымученной улыбкой на блѣдныхъ губахъ.—Джонъ взялъ мальчика себѣ въ услуженіе. Такой шаловливый, проказливый мальчикъ и, говорятъ, воришка. А Джонъ его все-таки взялъ въ услуженіе.

— Да, да! Вообразите! И носится съ нимъ, какъ съ роднымъ братомъ, — вторитъ Елена. — А мальчикъ-то бродяжка изъ тѣхъ, кого сажаютъ въ тюрьму.

«Ахъ, это Левка,—соображаю я.—Интересно было бы взглянуть на него». И я высказываю свою мысль сестричкамъ.

— О, онъ невозможенъ! Это — совершенный пиратъ!—подхватываютъ подошедшія Мэли и Лиза.

— Вотъ это-то и интересно!—восклицаю я, оживляясь.

— Мы его не выносимъ,—съ презрительной гримаской цѣдитъ сквозь зубы Лиза.—Это какое-то чудовище. Злой и испорченный мальчишка.

— M-lle, на туръ вальса!—слышу я надъ моей головой.

Еще одинъ юноша съ англійскимъ проборомъ на тщательно прилизанной головѣ. Волосы—точно склеены гуммиарабикомъ и блестятъ, какъ сталь. Опять предстоитъ кружиться по залу съ этой заводной машинкой. Ни за что! Я сухо благодарю и отказываюсь.

— Какъ! Что! Вы не любите танцевъ? Какъ странно! Такая молоденькая барышня и не любитъ танцовать!—поютъ мои англичаночки хоромъ.

Знакомое чувство закипаетъ у меня въ душѣ. Я уже знаю этотъ приступъ веселаго злого бѣсенка, который «накатываетъ» на меня и превращаетъ меня въ дикарку, истую дочь татарскихъ степей. Я встряхиваю стриженою головою и говорю по-французски:

— Нѣтъ, настоящіе танцы, вѣрнѣе, пляску я ужасно люблю!.. Но чтобы шумно было, весело, бѣшено все кружилось!.. Чтобы рояль плясалъ, и таперъ, и стѣны залы, и искры сыпались бы изъ-подъ каблуковъ!—заканчиваю я съ залихватскимъ жестомъ.

О-о! Какой ужасъ отражается въ безцвѣтныхъ глазкахъ всѣхъ этихъ уравновѣшенныхъ миссъ.

— Вотъ такую, шутъ возьми, пляску я люблю!—прибавляю я, и глаза мои горятъ.

Всѣ «миссы», какъ я ихъ называю, переглядываются съ нескрываемымъ ужасомъ. Я слышу нелестную для меня, произнесенную шопотомъ, фразу: «Возможно ли, что она окончила институтъ?!». Потомъ, многозначительно поджимая губы, Алиса говоритъ:

— Барышня изъ общества должна танцовать корректно, безъ особаго увлеченія, а такъ пляшутъ только на сценѣ или у цыганъ.

— Вотъ-вотъ!—подхватываю я съ жаромъ.—Это и прекрасно!—И мое лицо уже пылаетъ.—Вѣдь это и есть жизнь! Настоящая жизнь!

— Ну, разумѣется!—слышу я веселый, хорошо знакомый голосъ.—Маленькая русалочка, я понимаю васъ!

— Большой Джонъ! Наконецъ-то!—кричу я, и, не обращая вниманія ни на кого, стремительно вскакиваю со стула.—Ахъ, Большой Джонъ, я такъ скучала безъ васъ!

Должно быть, и этого говорить не полагалось. Въ «благовоспитанномъ обществѣ» нельзя говорить о томъ,

что чувствуешь въ душѣ. Нельзя высказывать правды въ глаза. На балахъ и въ обществѣ такъ называемаго «хорошаго тона» надо надѣвать маску. По крайней мѣрѣ, лица у шести сестрицъ дѣлаются такими кислыми, точно имъ дали глотнуть уксусной эссенціи или лимонной цедры. И съ блаженными улыбками онѣ шепчутъ:

— Джонъ, займи миссъ Лиду—она скучаетъ съ нами.

— О, со мной она не заскучаетъ, клянусь головой!—хохочетъ во весь голосъ этотъ чудный, непосредственный Джонъ, сверкая своими бѣлыми зубами.

— Никогда, Большой Джонъ! Вы правы! Вы меня понимаете!—вторю я и улыбаюсь ему радостно и оживленно.

* * *

Котильонъ.

Въ томъ же чинномъ спокойствіи всѣ эти чопорные «мистеры» съ проборами и эти гладенькія тихія «миссы», подъ звуки рояля, тщательно выдѣлываютъ безконечныя фигуры.

Джонъ танцуетъ со мной. Но,—Боже Всесильный!—что выдѣлываетъ онъ своими длинными ногами!

Онъ то подпрыгиваетъ на ходу, то присѣдаетъ, то вдругъ затопаетъ каблуками, то вскинетъ одну ногу, то другую и внезапно, когда надо выдѣлывать соло, завертится волчкомъ.

— Это матросскій танецъ,—поясняетъ мнѣ мой ка-

валеръ.—Одинъ негръ лихо отплясывалъ его на палубѣ со своей женой-поварихой, когда мы плыли на пароходѣ Добровольнаго флота въ Нью-Іоркъ. Не правда ли, хорошо, маленькая русалочка?

— Божественно, Большой Джонъ!—соглашаюсь я.—Чудесно!

— А не хочетъ ли изобразить маленькая русалочка жену негра, повариху?—щуритъ онъ на меня лукаво свои ястребиные глаза.

— Понятно хочу, Большой Джонъ! Какіе еще могутъ быть о томъ вопросы!

— Ну, такъ начинаемъ. Тра-ля-ля-ля!

И онъ съ хохотомъ обвиваетъ мою талію рукою и пускается галопомъ между рядами танцующихъ паръ.

Дирижеръ, высокій, элегантный юноша, кричитъ намъ что-то, чего мы не слышимъ. Притопывая, прискакивая и кружась волчкомъ, мы танцуемъ этотъ импровизованный танецъ негровъ-матросовъ, внося въ него всю безшабашную удаль полудикихъ людей. И хохочемъ, точно настоящіе дикіе негры.

Вотъ вамъ и корректный балъ! Вотъ вамъ и чопорная Англія!

Остановить насъ некому. Старшіе играютъ въ карты за двѣ комнаты отсюда. А чопорныя миссъ лишь блѣдно улыбаются на нашу затѣю.

Вдругъ веселый хохотъ, заразительный и громкій, несется вслѣдъ за нами отъ входныхъ дверей.

— Вотъ такъ штука! Здорово валяютъ!—слышу я веселый дѣтскій голосъ.

И въ тотъ же мигъ громкіе, сердитые возгласы и шиканье покрываютъ его.

— Левка!.. иди прочь... Тебѣ здѣсь не мѣсто... Какой ты грязный! Тебѣ нельзя сюда, здѣсь гости!—усиленно шипитъ Алиса Вилькангъ, выталкивая за дверь небольшую, гибкую фигуру въ заплатанной парусинной блузѣ.

Черные глаза, спутанные кудри, задорная рожица мелькаютъ передо мною. Это Левка. Я узнаю его сразу. За эту недѣлю сытой жизни подъ крылышкомъ добраго покровителя щеки его нѣсколько округлились и порозовѣли. Въ его плутоватыхъ глазахъ написано полное довольство.

— Пошелъ вонъ! Пошелъ вонъ!—съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ говоритъ Алиса и легонько подталкиваетъ мальчика въ спину.

— Большой Джонъ,—шепчу я умоляюще,—позвольте ему остаться.

— Невозможно!—отвѣчаетъ мнѣ Алиса и, энергично жестикулируя, продолжаетъ:—это сущій разбойникъ. Съ нимъ нѣтъ сладу. Наглый и дерзкій, за все хватается и—не догляди—готовъ стащить со стола лакомый кусочекъ.

И, сердито оборачиваясь къ все еще упирающемуся мальчику, добавляетъ строго и жестко:

— Что-жъ ты стоишь? Тебѣ же велѣно убираться отсюда.

И она безцеремонно выталкиваетъ его за руку за порогъ залы. Но въ самыхъ дверяхъ Левка останавливается и, оборачиваясь къ «новорожденной», быстро дѣлаетъ по ея адресу уморительный жестъ.

Большой Джонъ прячетъ разгоряченное лицо за мой вѣеръ и безшумно хохочетъ...

* * *

Пока въ залѣ открываютъ форточки и освѣжаютъ комнату, рядомъ, въ кабинетѣ Джона, играютъ въ мнѣнія. Мистеръ Джонъ Манкольдъ, длинный юноша съ рыжими бачками, собираетъ ихъ. На мою долю выпадаетъ жребій уходить.

Когда я возвращаюсь, Большой Джонъ шепчетъ мнѣ незамѣтно:

— Ну, берегитесь! И раздѣлали же они васъ подъ орѣхъ!

Я только встряхиваю волосами (ужасная мальчишеская привычка, доставляющая мамѣ-Нэлли столько хлопотъ).

Дѣйствительно, мнѣ досталось не на шутку. Мистеръ Манкольдъ съ особеннымъ удовольствіемъ перечисляетъ все, что обо мнѣ говорили. Мнѣ приходится слышать, что я дикая, слишкомъ непосредственная, удивительно своеобразная (это сказано въ насмѣшку, но на французскомъ языкѣ звучитъ какъ комплиментъ), что я «ка-

закъ», что мнѣ еще придется много работать надъ собою, чтобы быть какъ другіе, что я бѣдовая и пр., и пр., и пр.

И только одно мнѣніе за меня.

«Она такова, что хорошо было бы, если бы всѣ дѣвушки въ мірѣ были на нее похожи».

Я сразу узнаю автора этого мнѣнія.

— Угадала! Угадала!—кричу я, весело хлопая въ ладоши.—Большой Джонъ, это сказали вы!

— Это сказалъ я, вы правы,—говоритъ онъ трагическимъ басомъ и подъ общіе аплодисменты удаляется въ залъ.

— Что вы желаете сказать про мистера Джона?—наклоняясь съ таинственнымъ видомъ, обращается ко мнѣ миссъ Молли, дочь англичанина-управляющаго здѣшней фабрики.

— Что онъ прелесть! — необузданно вырывается у меня.

Легкое шушуканье, недоумѣніе и потомъ насмѣшливый голосъ, бросающій звонкимъ шопотомъ французскую фразу.

— Побойтесь Бога, m-lle! Такъ не говорятъ въ глаза молодому человѣку.

И миссъ Молли таращитъ на меня съ уничтожающимъ взглядомъ свои выпуклые глаза.

— Да развѣ Большой Джонъ молодой человѣкъ!?—смѣюсь я.

— А кто же онъ?

И маленькій, веселый и добродушный Бенъ Джимсъ, товарищъ Джона, заливается смѣхомъ.

— Я считаю его моимъ братомъ!—говорю я гордо.—А братъ для сестры не есть молодой человѣкъ.

Тогда миссъ Молли тянетъ насмѣшливо, обращаясь къ сестричкамъ Вилькангъ:

— Поздравляю васъ, молодыя лэди. У васъ есть седьмая сестра.

И она дѣлаетъ одинъ общій реверансъ барышнямъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!—кричу я, забывшись.—Сестрички Вилькангъ мнѣ не сестры, но Большой Джонъ—милый братъ.

Или я не должна была говорить и этого? Ого! Какія у нихъ сдѣлались вытянутыя физіономіи, у всѣхъ шестерыхъ сразу.

— Миссъ Лида воспитывалась въ институтѣ?—ехидно улыбнувшись, спрашиваетъ Молли.

— Ну, разумѣется! Не въ театрѣ же маріонетокъ!—восклицаю я.

«Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, противная маріонетка»,—прибавляю я мысленно, видя, какъ она вся вспыхнула до корней волосъ.

— Большой Джонъ! Пора! Мнѣнія собраны,—пріоткрывъ дверь въ сосѣднюю залу, зову я моего друга.

Но Большого Джона тамъ нѣтъ.

— Ушелъ опять къ фейерверку, — слышу я чей-то возгласъ.

Вмѣсто Джона я вижу Левку, одѣтаго въ чистенькую парусинную блузу, съ тщательно причесанной головой. Пестрый передникъ привязанъ къ поясу. Въ рукахъ подносъ съ прохладительными напитками, клюквеннымъ морсомъ и оршадомъ. На подносѣ съ тихимъ позвякиваніемъ дрожатъ стаканы. Глаза у Левки застѣнчиво опущены, на лицѣ тихое умиротворенное выраженіе.

— Налей мнѣ питья, мальчикъ,—коверкая русскія слова, говорятъ гости.

— И мнѣ!

— И мнѣ!

Левка чинно относитъ подносъ на столъ и раздаетъ стаканы.

Ледяной мутный оршадъ удивительно утоляетъ жажду.

— И мнѣ.

Алиса протягиваетъ свой стаканъ величественнымъ жестомъ королевы. Левка быстро вскидываетъ глазами. Двѣ черныя молніи сверкаютъ на мигъ и снова исчезаютъ за длинными рѣсницами.

И вдругъ—о, ужасъ!—мутная струя оршада льется изъ кувшина мимо стакана Алисы на ея нѣжный бѣлый газовый туалетъ.

А Левка злобно хохочетъ, топаетъ ногами, улюлюкаетъ и свиститъ.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ за все сразу!

Едва сдерживая слезы, негодующая, злая и красная, Алиса поднимается со своего мѣста.

— Гадкій мальчишка! Завтра же я попрошу тебя наказать!—говоритъ она рыдающимъ голосомъ.

— О, миссъ, его стоитъ проучить сейчасъ же.—И длинные пальцы мистера Джоржа хватаютъ за уши Левку.

— Не смѣйте его трогать!.. Пусть съ нимъ расправляется его хозяинъ!—кричу я и стремительно закрываю собою Левку.

Этого только тому и надо. Съ быстротою молніи онъ шарахнулся въ сторону и исчезъ за дверью, предоставляя присутствующимъ заняться Алисой и ея испорченнымъ платьемъ. А я стремительно убѣгаю въ садъ.

— Большой Джонъ! Ау!

— Ау! Ау, маленькая русалочка!

Онъ тамъ, въ концѣ площадки возится съ ракетами.

— Желаете помочь мнѣ? — говоритъ онъ и весело скалитъ зубы.

— Здѣсь веселѣе, — чистосердечно признаюсь я ему, — а тамъ... — и я разсказываю своему другу приключеніе съ оршадомъ.

Джонъ слушаетъ внимательно, потомъ говоритъ со вздохомъ:

— Мои сестры удивительныя дѣвушки, но имъ не хватаетъ снисхожденія, а этотъ бѣдный ребенокъ Левка

въ сущности такъ несчастливъ и одинокъ. Его родители исчезли куда-то, онъ сталъ изъ нужды бродяжкой, мелкимъ воришкой. Но сердце у него привязчивое, и меня онъ любитъ по-своему. За эту недѣлю мнѣ удалось уже приручить къ себѣ этого дикаго звѣрька. Вотъ, сестричка-русалочка, помогите мнѣ обучить его грамотѣ. Самъ я вѣдь плохо знаю по-русски.

— Съ большимъ удовольствіемъ, я исполню ваше желаніе, Большой Джонъ, съ восторгомъ!—тороплюсь я отвѣтить.

Но тутъ намъ приходится замолчать. Приготовленія къ фейерверку кончены, и гости шумно высыпали въ садъ.

Бенгальскіе огни запылали алымъ заревомъ, какъ костры колдуньи, посреди площадки. Потомъ взвилась ракета, за нею другая, третья... Не чувствуя ногъ подъ собою, я перебѣгаю отъ одного столба къ другому, поджигаю начиненныя порохомъ палки, помогая Джону, и громко вскрикиваю каждый разъ, какъ занимается желтое пламя. Но вотъ, разсыпая золотыя брызги, завертѣлось огненное колесо...

Взрывъ аплодисментовъ наградилъ насъ за наши старанія.

— Танцовать! Танцовать въ залу!—зазвучали кругомъ голоса хозяекъ.

Фейерверкъ закончился.

Я и Большой Джонъ прибѣжали послѣдними изъ сада.

— Маленькая русалочка, — произнесъ онъ тихо по дорогѣ къ залу, — въ вашемъ домѣ поселилась бѣдная сирота. Ей тяжело одиночество. Не поможете ли вы бѣдной маленькой птичкѣ?

— Вы говорите про Эльзу? — живо переспросила я. — Послушайте, Большой Джонъ, она вѣроятно вамъ жаловалась на... то, что ей тяжело живется... Да?

— О, вы ея не знаете, маленькая русалочка. Эльза— золотое сердечко. Она никогда никому не пожалуется, какъ бы ей ни было тяжело.

— Хорошо, Большой Джонъ, я займусь ею, будьте спокойны.

— Я не ожидалъ иного отвѣта, маленькая русалочка. Вѣдь мы росли вмѣстѣ съ Эльзой. Она и мои сестры поднимались вмѣстѣ. Я хорошо знаю это золотое сердечко. Будьте же другомъ этой малюткѣ. Она такъ нуждается въ вашей любви.

— Хорошо, Джонъ, прекрасно.

Я пожимаю его руку, и мы входимъ вмѣстѣ въ залъ.

Дружное «ахъ» встрѣчаетъ насъ на порогѣ. Большое зеркало въ простѣнкѣ между двухъ оконъ находится какъ разъ противъ меня. Я бросаю въ него удивленный взглядъ и вскрикиваю отъ неожиданности.

Мое бѣлое платье все въ грязныхъ пятнахъ, лицо закоптѣло отъ пороха и сажи. Черныя безобразныя кляксы пестрятъ по подолу и тюнику.

Вотъ вамъ и пусканье фейерверка!

Я смотрю на Большого Джона. Онъ выглядитъ не лучше. На бѣломъ фланелевомъ костюмѣ тѣ же пятна и грязь.

Но что позволительно молодому человѣку, нельзя простить барышнѣ, окончившей институтъ.

Я вижу косые взгляды, насмѣшливыя улыбки. Разумѣется, никто изъ этихъ прилизанныхъ «денди» не пожелаетъ теперь танцовать со мною. Меня тянетъ домой сейчасъ, сію минуту. Не могу же я оставаться въ такомъ видѣ на балу.

— Я иду вмѣстѣ съ вами, — заявляетъ Большой Джонъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Но, Джонни, въ день моего рожденія...—шепчетъ Алиса по-французски.

Онъ упрямо мотаетъ головой.

— Но ты вернешься, Джонни?

— Да, да, конечно.

«Солнышко» остается доигрывать партію въ шахматы съ самимъ господиномъ Вилькангомъ, прямымъ, какъ струна, старикомъ, съ лицомъ типичнаго англійскаго лорда.

— М-lle можетъ быть потанцуетъ еще? — говоритъ онъ съ почтительной любезностью, провожая насъ съ мамой-Нэлли до передней.

— Ахъ! нѣтъ, нѣтъ!—искренно восклицаю я. — Мнѣ хочется домой.

Онъ удивленно приподнимаетъ брови. Я, кажется, опять сдѣлала безтактность. Не слѣдовало этого говорить.

Большой Джонъ беззвучно смѣется.

— Ахъ,—говорю я съ отчаяніемъ,—сегодня у меня былъ неудачный дебютъ. Воображаю, что скажетъ моя голубушка мама; я, кажется, ее осрамила.

Вѣдь несомнѣнно, эта противная маріонетка Молли, которая сразу почему-то возненавидѣла меня, доложила мамѣ и про дикую скачку съ Большимъ Джономъ, и про фейерверкъ, и про грязное платье...

Но мама-Нэлли не хочетъ огорчить меня и, прижимая къ себѣ мою руку, шепчетъ такъ, чтобы не услышалъ Большой Джонъ, шагающій по другую сторону дороги:

— Надо тебѣ, Лидочка, отучиться отъ нѣкоторыхъ привычекъ... Въ тебѣ много мальчишескаго... Ты вѣдь взрослая барышня... Надо больше слѣдить за собою.

— Правда, мама-Нэлли, правда! Я сама это сознаю. Ахъ, почему я въ самомъ дѣлѣ барышня, а не юноша-мальчуганъ!

Эту мою мысль я высказываю громко.

Большой Джонъ смѣется.

— Тогда мы бы сѣли на корабль, русалочка, и объѣхали полъ-міра.

— Цѣлый міръ! — поправляю я его серьезно.

* * *

Что это?!

Едва мы успѣваемъ отойти отъ фабрики, обведенной гирляндой цвѣтныхъ фонариковъ, какъ позади насъ слышны громкіе крики:

— Джонъ! Вернись! Джонъ! Мистеръ Джонъ! Сэръ, вернитесь! Несчастіе!

Крики на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и англійскомъ.

Мы всѣ вздрагиваемъ и останавливаемся, какъ вкопанные, посреди дороги.

Бѣлая ночь тихо сіяетъ своимъ сѣрымъ расплывчатымъ свѣтомъ. Къ намъ приближаются, какъ призраки, свѣтлыя и темныя фигуры. Впереди тонкія дѣвичьи; я узнаю ихъ сразу: это Елена, Алиса, Молли, Лиза и Кетти.

— Джонъ, несчастіе! Твой маленькій слуга сбѣжалъ·

— Что?

— Левка сбѣжалъ. Его нигдѣ нѣтъ... Ни въ саду, ни въ домѣ... Прислуга искала всюду... не нашла.

Джонъ медленно провелъ рукою по лицу, по волосамъ и посмотрѣлъ на своихъ сестеръ.

— Почему же вы всѣ такъ испугались?—помолчавъ минуту, освѣдомился онъ.

— Онъ затѣялъ что-то дурное,—говоритъ Алиса.— Онъ утащилъ монтекристо у папы и кухонный ножъ у повара. Это — маленкій разбойникъ.

— Богъ знаетъ, что ты говоришь, Алиса! — рѣзко

произнесъ Большой Джонъ. — Левка, дѣйствительно, большой забіяка, но это не преступникъ. А если онъ взялъ вещи, то я увѣренъ, что это потому, что онъ думалъ запастись оружіемъ на случай обороны.

— Недурная мысль,—замѣтилъ кто-то насмѣшливо.

— Я скоро вернусь. Провожу дамъ и приду. А вы не бойтесь. Левка не опасенъ, да и потомъ—онъ должно быть уже далеко. Какъ жаль, что я не сумѣлъ уберечь мальчика.

— Онъ убѣжалъ, потому что побоялся возмездія,— тихонько пояснила я и тутъ же разсказала мамѣ-Нэлли инцидентъ съ оршадомъ, вылитымъ Левкой на колѣни Алисы.

— А все-таки онъ не злой... и, насколько могъ, привязался ко мнѣ за эту недѣлю. И изъ него могъ бы выйти хорошій человѣкъ, изъ этого Левки, — произнесъ Большой Джонъ. — А теперь безъ меня онъ пропадетъ навѣрное, бѣдный мальчуганъ!

Чтобы утѣшить моего друга, я говорю ему, прощаясь у калитки воротъ мызы «Конкордія»:

— А Эльзу я пригрѣю, будьте покойны, Большой Джонъ.

Но онъ ничего не слышитъ. Его высокая фигура съ крошечной головою медленно удаляется по бѣлѣющей въ сумракѣ майской ночи дорогѣ. И навѣрное эта маленькая голова полна тревожными мыслями о Левкѣ.

Прежде чѣмъ отпустить меня спать, мама-Нэлли говоритъ со мною.

Надо перемѣниться окончательно, надо передѣлать себя... Я дика, своевольна, у меня манеры мальчугана... Надо научиться держать себя въ обществѣ... Скоро отца переведутъ въ большой городъ, надо будетъ выѣзжать въ «общество».

Ахъ, зачѣмъ мнѣ это общество! Зачѣмъ эти выѣзды!.. Меня къ нимъ не тянетъ нисколько. Я дикая, кочевая натура. Я обожаю природу: рѣку, поле и лѣсъ...

Я это высказываю ей громко.

— Какъ зачѣмъ! — удивляется мама-Нэлли, и ея сѣрые глаза становятся огромными отъ выраженія наивнаго изумленія. — Барышнѣ необходимо выѣзжать, чтобы встрѣтить человѣка, съ которымъ она свяжетъ впослѣдствіи свою судьбу... Вѣдь назначеніе свѣтской дѣвушки — выйти замужъ, быть женою и матерью, воспитывать дѣтей...

И мама-Нэлли говоритъ мнѣ еще долго-долго о томъ, что мечтаетъ видѣть меня довольной и счастливой матерью и женой.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—протестую я горячо, энергично.— Выйти замужъ? Нѣтъ! У меня другой «идеалъ» жизни намѣченъ въ мысляхъ.

— Но что же? — освѣдомляется она.

— Не знаю,—говорю я робко, и голосъ мой звенитъ нервными нотами. — Не знаю, но мнѣ кажется, что я не смогу довольствоваться обыденной простой долей, т.-е. тою жизнью, какою живутъ всѣ... Мнѣ кажется, что

меня ждетъ что-то яркое, свѣтлое, большое. Я должна сдѣлать, исполнить что-то крупное, огромное, но что — я еще не знаю и сама.

Я не доканчиваю фразы, наскоро цѣлую маму и бѣгу въ мою голубую комнатку.

Тамъ меня ждетъ толстая тетрадь моихъ записокъ и еще другая со стихами, которые я пишу съ дѣтскихъ лѣтъ. Въ нихъ изложены мои мечты, мои грезы. Ахъ, какъ онѣ дерзки и смѣлы! Слава Богу, что никто не прочтетъ ихъ...

Нѣтъ! Нѣтъ! Женою и матерью я не буду... Я отдамъ себя всю искусству, буду «слушать» природу, любоваться ею и писать стихи... Кто знаетъ! Можетъ быть изъ меня и выйдетъ что-либо впослѣдствіи...

* * *

По дорогѣ, на третьей ступенькѣ лѣстницы, я вспоминаю о просьбѣ Джона.

Да, да — Эльза! Я должна позаботиться о ней, — и сворачиваю въ комнату молоденькой гувернантки.

Она спитъ крѣпко, какъ ребенокъ, подложивъ подъ щеку крошечную ладонь.

Какое милое личико! Сколько тихой покорности въ этихъ дѣтскихъ чертахъ!

Острое чувство жалости проникаетъ мнѣ въ душу.

— Спи спокойно, бѣдная малютка. Я буду отнынѣ заботиться о тебѣ, — говорю я шопотомъ и, быстро на-

клонившись, цѣлую разгорѣвшуюся во снѣ пушистую щечку Эльзы.

Кто-то иронически смѣется въ дверяхъ.

Оборачиваюсь, — Варя.

— Трогательная нѣжность!—произноситъ она сквозь зубы и кривитъ язвительно ротъ. Потомъ добавляетъ со злобой:

— Говорила — околдуетъ и тебя. А что въ ней хорошаго: тряпка, трусиха, дура!

— Золотое у нея сердце, такъ сказалъ Большой Джонъ, да и сама она тихая, безотвѣтная, милая! — протестую я тѣмъ же шопотомъ.

— А въ тихомъ омутѣ кто-то водится, знаешь! — сердито шипитъ Варя.

— Полно!—смѣюсь я тихо.—Полно, вѣдь ты не злая, Варя! Зачѣмъ же показываешь себя хуже, чѣмъ ты есть?

— Ненавижу безотвѣтныхъ! — шепчетъ она снова.

Эльза дѣлаетъ во снѣ движеніе—вотъ-вотъ сейчасъ проснется — и мы тѣнью скользимъ изъ комнаты.

— Пойдемъ, Варя, я буду читать тебѣ стихи.

Она мгновенно оживляется, въ маленькихъ глазкахъ загораются счастливые огоньки.

— И про балъ разскажешь?

— Ну, ужъ и балъ! Уморушка!

И я въ лицахъ представляю, какъ вертѣлись англійскія «миссы» съ палкообразными «денди».

— Ха-ха-ха! А ты?

— А я вотъ какъ!

И я изображаю нашу бѣшеную пляску — мою и Джона.

Варя давится отъ хохота, зарывшись въ подушки.

Позднѣе, совсѣмъ уже ночью, я ей читаю стихи и сама упиваюсь какимъ-то страннымъ чувствомъ безсознательной радости.

Меня положительно захватываетъ оно, и я не могу представить себѣ иного будущаго, какъ служеніе искусству на его священномъ алтарѣ.

Я передаю Варѣ сегодняшній разговоръ съ мамой-Нэлли.

— Тебя? Замужъ? Ну, дудки! Или ужъ развѣ если явится какой-нибудь сказочный принцъ! — рѣшаетъ она авторитетнымъ тономъ.—Ты умница, ты талантливая, ты отмѣченная судьбою!—и душитъ меня въ объятіяхъ.

Уходя поздно, передъ разсвѣтомъ, Варя напоминаетъ.

— А помнишь про 24-ое? Вотъ и узнаемъ твою судьбу, что тебя ожидаетъ. Только, чуръ, Эльзы не брать.

— Но почему, Варя? Втроемъ же веселѣе, — протестую я.

— Она испугается, въ обморокъ, пожалуй, упадетъ.

На минуту Варя смолкаетъ и, лукаво прищурившись, глядитъ на меня.

— А то возьмемъ, пожалуй. Пусть перетруситъ до седьмого поту. Ей это полезно. Я согласна, возьмемъ и ее.

Лежа уже въ постели, обвѣянная полусонной грезой, я вяло соображаю, что 24-ое іюня, — та ночь, въ которую мы рѣшили съ Варей попытать наше будущее, великая Иванова ночь, — еще не скоро, и что Варя успѣетъ сто разъ перемѣнить свое рѣшеніе идти въ полночь на лѣсное кладбище собирать травы, по которымъ мы должны гадать, положивъ ихъ подъ подушку на сонъ грядущій.

Объ этой ночной прогулкѣ не знаетъ никто Она прекрасна своей таинственностью и заманчива, какъ запрещенный плодъ. И засыпая, я все еще думаю о ней

* * *

— Тише! Ради Господа, тише!

— Какъ скрипятъ половицы!

— Эльза, гдѣ вы? Я не вижу васъ.

— Je suis ici, m-elle Lydie *).

— Варя, а Варя! Куда ты бѣжишь такъ скоро!

— Ахъ, Боже мой! Кажется, сторожъ Ѳедоръ не спитъ.

Я, Варя и Эльза чуть слышно спускаемся по лѣстницѣ. На насъ темныя платья, легкіе, темные же шарфы на головахъ. Лица возбуждены, блѣдны, настроеніе приподнятое.

Сегодня знаменитая Иванова ночь. Въ эту ночь люди гадаютъ на двѣнадцати травахъ, собранныхъ въ пол-

*) Я здѣсь, m-lle Лидія.

ночь въ лѣсу, положивъ на ночь подъ подушку эти заповѣдныя травинки. Иные ищутъ клады.

Пригородный лѣсъ, по ту сторону, кишитъ нынче такими гадальщиками. Дѣвушки и рабочіе съ фабрики, интеллигенты города, прислуга, — все это устремляется туда, по заведенному изстари обычаю. Тамъ жгутъ костры, собираютъ травы, плетутъ вѣнки и пускаютъ ихъ въ воду.

Но мы трое не хотимъ идти туда, гдѣ всѣ. Какое же можетъ быть гаданье въ подобной сутолокѣ! А, по иниціативѣ Вари, гадать мы должны непремѣнно. Она хочетъ во что бы то ни стало узнать, какая великая будущность ожидаетъ меня, ея подругу. Что будетъ великая будущность — Варя не сомнѣвается ни на мгновенье. Меня это безконечно забавляетъ и смѣшитъ.

Для нашего ночного «сбора двѣнадцати травинокъ» мы выбираемъ кладбище. Здѣсь въ эту ночь не будетъ ни души. Всѣ въ городскомъ лѣсу нынче. Кладбищенская же лѣсная гора съ ея песчанымъ грунтомъ, густо усыпаннымъ сосновой хвоей, пуста и молчалива, какъ склепъ.

Половина двѣнадцатаго.

Въ домѣ все тихо и сонно. Дашу положили въ дѣтской на время отсутствія Вари, которая спитъ съ дѣтьми.

Тихо, безшумно достигаемъ мы нижней площадки. Вдругъ Варя вскрикиваетъ чуть не во весь голосъ:

— Ахъ, чтобъ васъ! Ногу отдавили... любимую мозоль...

И изо всѣхъ силъ отталкиваетъ Эльзу, которая дѣйствительно впотьмахъ наступила ей на ногу.

— О, pardon! mille pardon, m-lle Варя.

— Ты съ ума сошла! Развѣ можно такъ кричать, Варя! — возмущаюсь я.

— Сойдешь тутъ съ ума, когда прямо на носъ лѣзетъ эта швейцарская мумія! — злится она въ потемкахъ.

— Муміи бываютъ только египетскія, — поправляю я Варю.

— Хоть голландскія! Но зачѣмъ было брать эту тряпку съ собой! — негодуетъ Варя.

А Эльза, ничего не понимая, шепчетъ на своемъ родномъ языкѣ:

— О, какая ночь, m-lle Lydie! Грѣшно спать въ такую ночь... У насъ теперь козы до утра пасутся по горному склону... И братъ, фермеръ Пьеръ, пасетъ ихъ до утра. Имъ душно въ ясляхъ... Цѣлую ночь звенятъ колокольчики, привязанные къ ошейникамъ, и одуряюще пахнутъ въ горахъ ночные цвѣты.

— Что она тамъ лопочетъ, — съ любопытствомъ освѣдомляется Варя. — Ни шута не пойму: же ву при, носъ утри, же ву донъ де кисель-ерундель, стрикозель... Тьфу! Языкъ сломаешь. Удивительно остроумно и красиво! — поджимаетъ она губы.

— Очень красиво, Варя, если понимать! — храбро заступаюсь я.

— Воображаю! — корчитъ она гримасу, выходя на крыльцо.

Мы за нею. Ночь, дѣйствительно, чудесная, ароматная, почти душная. Бѣлой змѣей извивается и бѣжитъ вдаль дорога. Темно по обѣ стороны ея въ молодой рощѣ и въ лѣсу.

До кладбища ходьбы минутъ десять.

Мы осторожно вынимаемъ ключъ изъ двери и запираемъ ее снаружи.

— Ѳедоръ уснулъ. Только бы прошмыгнуть черезъ калитку, — шепчетъ Варя.

Мы отлично знаемъ всѣ трое, что эта ночная экскурсія не можетъ нравиться моимъ родителямъ; поэтому, во избѣжаніе запрета, рѣшаемъ открыть нашу тайну только черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ она станетъ фактомъ. Такъ рѣшено по совѣту Вари.

Ночь... тишина... Убѣгающая вдаль дорога... А тамъ невдалекѣ высится огромнымъ курганомъ мохнатая отъ столѣтнихъ сосенъ кладбищенская гора.

Неясное настроеніе охватываетъ меня... Что-то влечетъ нестерпимо къ этому кладбищу, къ этой горѣ. Что-то тянетъ туда безконечно.

Я быстро оглядываюсь на Эльзу, которая плетется позади насъ. Лицо ея рѣзко бѣлѣетъ въ полумракѣ. Я беру ее за руку: рука, какъ ледъ.

— Вы, кажется, боитесь? — спрашиваю я ее по-французски.

— О, m-lle Lydie! — только и можетъ она выдавить изъ себя,—это кладбище, городъ мертвыхъ. Такъ жутко!

Я объясняю Варѣ, что она сказала.

— Сидѣли бы дома!—огрызается Варя.—А знаешь,— обращается она ко мнѣ, — намъ придется пройти мимо Гаврюшинскаго склепа. Кладбищенскій лѣсокъ, гдѣ растутъ травы, какъ разъ за нимъ.

— Вотъ отлично! По крайней мѣрѣ посмотримъ, что это за страшилище! — храбро восклицаю я.

Гаврюшинскій склепъ — это цѣлая легенда. Богачъ купецъ Гаврюшинъ покончилъ самоубійствомъ, когда внезапно узналъ о своемъ разореніи. И хотя самоубійцъ хоронить на кладбищѣ по церковнымъ законамъ не полагается, родственники Гаврюшина, послѣ долгихъ и усиленныхъ просьбъ, получили разрѣшеніе и воздвигли цѣлый склепъ-часовенку, подъ поломъ которой въ подземельѣ и поставили гробъ отца. Ходили слухи, что еженочно Гаврюшинъ поднимается изъ гроба и бродитъ по своему обширному склепу къ великому ужасу трусливыхъ и суевѣрныхъ людей.

Я перевожу шопотомъ эту легенду Эльзѣ на ея родной языкъ.

— О-о, m-lle Lydie! — шепчетъ она дрожащимъ голосомъ, — такъ неужели мы пойдемъ туда сейчасъ, ночью?

— Не туда, а мимо склепа пройти придется, — успокоиваю я нашу спутницу.

Но она, повидимому, находитъ мало утѣшительнаго въ этихъ словахъ.

* * *

Вотъ и кладбище..: Здѣсь, между вѣковыми соснами, совсѣмъ темно. Кое-гдѣ со смутнымъ ночнымъ блескомъ сверкаетъ рѣка сквозь чащу деревьевъ. Въ этой призрачной темнотѣ свѣтлые кресты могилъ кажутся привидѣніями, а высокіе темные памятники — притаившимися въ молчаньи, таинственными черными и бѣлыми фигурами.

Эльза идетъ, тѣсно прижавшись ко мнѣ, дрожащая, нѣмая. Варя храбро шагаетъ впереди.

— Ни чуточки не страшно! — роняетъ она, бойко поглядывая влѣво и вправо.—Покойниковъ бояться глупо и смѣшно. Вотъ ссыльныхъ-то, которыхъ у насъ здѣсь много, признаться, я немножко недолюбливаю... Говорятъ, новую нынче партію пригнали, буяны такіе, что и не приведи Богъ, Наумскій не справится съ ними даже. Да и Левка этотъ, говорятъ, гдѣ-то съ ножищемъ бродитъ, прячется отъ людей, того и гляди прихлопнетъ... Вѣдь онъ кто? Мазурикъ, бродяга безъ совѣсти и стыда.

— Ахъ, Варя, что ты! Вѣдь Левка еще маленькій ребенокъ.

— Хорошъ ребенокъ въ пятнадцать лѣтъ!

— Большой Джонъ говоритъ, что изъ него можно было бы воспитать порядочнаго человѣка.

— То-то онъ и убѣжалъ отъ него, порядочный человѣкъ-то!—возражаетъ Варя, и я чувствую, какъ она поджимаетъ въ темнотѣ свои тонкія, презрительно сложенныя губы.

— Тссс! Silence! — слышу я отчаянный шопотъ Эльзы, и она останавливается, какъ вкопанная, съ вытянутой впередъ рукой.

Останавливаемся и мы съ Варей.

— Что съ вами, Эльза? — освѣдомляюсь я нетерпѣливо.

— Что еще!—сердито бурчитъ Варя.

— Ви видите? Ахъ, Боже мой! Ви видиль огонь?— срывается съ помертвѣвшихъ губъ молоденькой швейцарки, и она все еще указываетъ впередъ трепещущей рукой.

— Ну и огонь!.. Очень просто: лампада на чьей-нибудь могилѣ... Объясни ты ей, ради Бога, этой дурищ... душечкѣ...—бросаетъ Варя и, фыркнувъ носомъ, сердито поводитъ плечомъ, что означаетъ у нея высшую степень раздраженія.

Но она неожиданно смолкаетъ, и лицо ея, бѣлое въ темнотѣ, блѣднѣетъ еще сильнѣе.

Мы всѣ трое замираемъ въ молчаніи и вытаращенными глазами смотримъ, не мигая, впередъ.

Вокругъ насъ полутьма. Сосны съ черными мохнатыми вершинами жалобно скрипятъ надъ нашими головами. Смутныя, движущіяся тѣни ихъ стелются по

землѣ. Бѣлые кресты и темные памятники изъ мрамора и гранита убѣгаютъ во тьму небрежно сгруппированными рядами... А тамъ, подальше, гдѣ просторной, довольно вмѣстительной часовней высится склепъ Гаврюшина, тамъ, наравнѣ съ землею, за рѣшеткой самаго подполья, гдѣ находится гробница, движется, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, какой-то безпокойный огонекъ, будто кто-то бродитъ съ зажженной свѣчею внизу въ подпольѣ.

Мы долго смотримъ, какъ загипнотизированныя, на этотъ огонекъ. Я чувствую, какъ шевелятся волосы на моей головѣ и зябкая дрожь ужаса пробѣгаетъ по всему тѣлу острой колючей змѣйкой.

— Гаврюшинская тѣнь не находитъ себѣ покоя!— мелькаетъ быстрой зарницей мысль въ моей головѣ, далекой отъ суевѣрныхъ выдумокъ въ иное время.

— Душа самоубійцы, лишенная обрядныхъ похоронъ и отпѣваній!.. — вторитъ Варя. — Вѣдь запрятали его сюда безъ заупокойныхъ обѣденъ и панихидъ.

— Никакого тутъ призрака нѣтъ. Все это глупости!— говорю я громко и смѣюсь не совсѣмъ впрочемъ естественнымъ смѣхомъ.

— А вотъ посмотримъ!—срывается у Вари глухо.

— Что ты хочешь дѣлать? — шопотомъ освѣдомляюсь я.

— Пойти и узнать, въ чемъ дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, идемъ вмѣстѣ!—храбро пред-

лагаю я въ то время, какъ холодныя змѣйки уже расползаются у меня по всему тѣлу.

Мы беремся за руки и дѣлаемъ шагъ впередъ, туда, по направленію таинственнаго огонька въ подпольѣ склепа.

— Ахъ, ви меня позабиль. Я умираль отъ страха...— рыдаетъ намъ вслѣдъ Эльза.

— Тогда идемъ всѣ трое!—предлагаю я и схватываю ее за руку свободной рукой.

Она поневолѣ должна согласиться.

Теперь идемъ мы всѣ трое въ рядъ, съ каждымъ мгновеніемъ приближаясь къ страшной часовнѣ.

Между тѣмъ огонекъ пересталъ двигаться и теперь свѣтится уже на одномъ мѣстѣ.

— Надо приблизиться къ часовнѣ, лечь на землю и заглянуть внутрь подполья, — шопотомъ бросаетъ Варя на ходу.

Вокругъ насъ попрежнему ночная полутьма конца іюня. Безчисленныя могилы и тишина. Вотъ уже склепъ Гаврюшина въ трехъ-четырехъ саженяхъ, вотъ еще ближе, сейчасъ...

Огонекъ горитъ ярко и свѣтло прямо передъ нашими глазами. Еще шагъ, другой, и мы у цѣли.

— Oh! Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Я не пошель дальше...— срывается съ устъ Эльзы вмѣстѣ съ истерическимъ рыданіемъ.

— Тогда оставайтесь здѣсь и не мѣшайте намъ!— кричитъ грубо, забывшись, Варя.

И, о, чудо! Тотчасъ же за ея крикомъ гаснетъ въ склепѣ таинственный огонекъ.

— Мы спугнули призракъ...—лепечетъ, щелкая зубами отъ страха, Эльза.

— Что бы ни было, я проникну туда!—вырывается энергичными звуками у Вари.

— И я также!—рѣшаю я громко.

Эльза приткнулась къ стволу ветхой сосны и тихо плачетъ.

Но намъ не до нея въ эту минуту. Жгучее любопытство побѣждаетъ страхъ. Мы бросаемся, словно по уговору, къ часовнѣ. Дверь въ нее не заперта. На каменномъ полу, передъ большимъ образомъ Спаса, разостланъ коврикъ, а тамъ, въ углу чернѣетъ узенькая лѣсенка, ведущая въ склепъ. Темная ночь смотритъ въ окна часовни. Мохнатыя сосны качаютъ головами и бьются о стекла склепа. Чуть доносится до насъ улькающими звуками тихое всхлипываніе Эльзы.

Вдругъ легкій шорохъ внизу неожиданно достигаетъ нашего слуха. Точно кто-то ворочается въ подпольѣ. Еще минута-другая, и лѣстница скрипитъ подъ чьими-то осторожными шагами.

— Призракъ!..—роняетъ упавшимъ голосомъ Варя, и мы застываемъ на мѣстѣ, судорожно схватившись за руки.

Громче, яснѣе скрипъ ветхихъ ступенекъ, слышнѣе, ярче по звуку шлепаніе легкихъ таинственныхъ шаговъ... Живые такъ не ходятъ.

Бѣлая фигура выростаетъ передъ нами...

Холодный потъ проступаетъ у меня на лбу, и ужасъ ожиданія слегка поднимаетъ волосы... Горло схватываетъ кольцо судороги... Рука Вари, сжавшая мои пальцы, также становится мгновенно ледяной... А глаза наши, не отрываясь, глядятъ въ черный провалъ, откуда выбѣгаетъ лѣсенка.

Еще минута.

Легкій стонъ или кашель... и бѣлая фигура мгновенно вырастаетъ передъ нами, помертвѣвшими отъ ужаса, заслоняя собою черный провалъ.

* * *

Что было потомъ, я сознаю плохо... Какой-то сумбуръ, какая-то путаница...

Я не успѣла крикнуть, какъ бѣлый призракъ метнулся на Варю и въ тотъ же мигъ отлетѣлъ отъ нея, отброшенный сильной рукой.

Загремѣла, заскрипѣла и жалобно запѣла лѣстница подъ тяжелымъ тѣломъ, скатившимся по ея утлымъ ступенямъ, и что-то тяжело вслѣдъ за тѣмъ ударилось тамъ внизу о каменный полъ склепа.

Въ ту же минуту громкій стонъ оглашаетъ часовню. Это стонетъ уже не призракъ: это настоящій человѣческій стонъ.

Варя, дрожавшая съ головы до ногъ, метнулась ко мнѣ, схватила меня за руки и, приблизивъ ко мнѣ бѣлѣвшее, какъ маска, помертвѣвшее лицо, зашептала:

— Что мнѣ дѣлать! Что мнѣ дѣлать! Я убила человѣка!

Съ минуту мы обѣ молчимъ, охваченныя трепетомъ.

— У тебя есть спички съ собой? — нахожу я наконецъ силы выдавить изъ себя слова.

— Въ карманѣ... Вотъ...

Дрожащая, холодная, какъ ледъ, рука протягиваетъ мнѣ коробочку.

Первая спичка, чиркнувъ, гаснетъ тотчасъ же. Мои трепещущіе пальцы не слушаются меня... Еще и еще одна...

Наконецъ-то!

Вспыхиваетъ робко синій слабый огонекъ.

Я освѣщаю провалъ лѣстницы, высоко поднявъ колеблющійся неровный свѣтъ надъ головою.

Бѣлая фигура лежитъ у нижнихъ ступеней лѣстницы на полу склепа, сжавшись въ комокъ. Длинный саванъ закрываетъ ее съ головой. Изъ-подъ савана несутся раздирающіе душу стоны.

Не помня себя, я соскальзываю внизъ по каменнымъ ступенямъ. За мною Варя. Обѣ склоняемся разомъ надъ стонущей бѣлой фигурой, срываемъ дрожащими руками саванъ и отступаемъ съ возгласомъ изумленія назадъ.

— Левка! Какъ ты попалъ сюда? Левка!

* * *

Съ минуту онъ молчаливо смотритъ на меня взглядомъ, полнымъ ненависти и вражды, и силится удер-

жать стоны, закусивъ губы. И вдругъ разражается злымъ, хриплымъ крикомъ:

— О-о, проклятые! Отыскали, затравили, нашли!.. Двѣ недѣли выжилъ, побирался Христа ради въ дальнихъ деревушкахъ... Сюда только ночевать приходилъ. Дошли вѣдь, окаянныя... затравили... Ненавижу васъ всѣхъ... Дайте подрасти, придетъ время, расправлюсь со всѣми вами по-своёйски...

Приступъ мучительной боли снова заставляетъ его испустить отчаянный вопль.

— Нога моя! Ноженька, сломанная! О-о-о-о! Кровопійцы вы мои! — стонетъ Левка.

— Онъ вывихнулъ ногу при паденіи!—шепчетъ въ ужасѣ Варя, хватаясь за голову. — И это я виновата· Я! Я! Я!

— Левка, — говорю я, насколько возможно спокойнѣе, — послушай, голубчикъ, ты никого не долженъ бояться, потому что никто изъ насъ не причинитъ тебѣ зла. Скажи, гдѣ у тебя болитъ, Левка, чтобы мы могли помочь тебѣ.

— Убирайся! — кричитъ онъ грубо на всю часовню склепа.—Убирайся, или...

Тутъ онъ свирѣпо взмахиваетъ кулакомъ.

Въ одну секунду Варя заслоняетъ меня своимъ тщедушнымъ тѣломъ.

— Смѣй только тронуть барышню! — угрожающе кричитъ она мальчугану. — Смѣй только!

— Ахъ, чтобъ васъ!.. — съ безсильнымъ бѣшенствомъ, сквозь зубы, роняетъ Левка.

Чья-то большая черная тѣнь заслоняетъ въ эту минуту входъ въ часовню, тамъ надъ нашими головами. Всѣ трое, мы вздрагиваемъ отъ неожиданности.

— Большой Джонъ!—разражаюсь я послѣ минутнаго колебанія радостнымъ крикомъ.

Да, это онъ, Большой Джонъ. Его маленькая голова на огромномъ туловищѣ атлета, его ястребиный взоръ, прорѣзывающій тьму.

— Что за ночное сборище собралось? А?—говоритъ онъ шутливо.—За мною прибѣжала Эльза сама не своя и такъ забарабанила въ мое окошко, что сразу весь домъ перебудила среди ночи... Говорятъ, тутъ покойники гуляютъ, а наши храбрыя барышни...

Онъ не договариваетъ и изъ-подъ полы широкаго плаща вынимаетъ маленькій ручной фонарикъ.

— Ба, старый знакомый! — весело кричитъ онъ, замѣтивъ Левку на полу склепа. — Такъ вотъ ты гдѣ прятался отъ меня цѣлыя двѣ недѣли! Довольно-таки остроумно придумалъ, маленькій человѣкъ. Стащить чью-то простыню, изображать покойнаго Гаврюшина, пугать народъ и за это пользоваться даровой квартирой. Не дурно, товарищъ, совсѣмъ не дурно!.. Однако, что это съ тобой? Упалъ съ лѣстницы? Вывихнулъ ногу? Та-та-та! Ты стонешь, стало-быть здорово больно тебѣ? А, Левка? Бѣдный!

На обычно веселомъ лицѣ Джона теперь тревога. Онъ пристально вглядывается въ блѣдное, судорожно сведенное отъ боли лицо мальчика.

Тотъ, угрюмо насупившись, молчитъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, товарищъ: нужно осмотрѣть твою ногу. Не нравится мнѣ, какъ она подвернута, братецъ ты мой, у тебя.

И Большой Джонъ осторожными, нѣжными движеніями пробуетъ снять сапогъ съ распухшей и какъ-то странно подвернутой ноги Левки.

Нечеловѣческій крикъ вырывается изъ груди послѣдняго, крикъ нестерпимой боли.

Тогда Большой Джонъ передаетъ мнѣ фонарикъ съ короткимъ: — «посвѣтите мнѣ, маленькая русалочка». — Выхвативъ изъ кармана складной ножъ, онъ быстро раскрываетъ его и мигомъ разрѣзаетъ кожу на сапогѣ Левки.

Я едва сдерживаю крикъ ужаса при видѣ этой посинѣвшей и вздувшейся ноги.

Левка отчаянно стонетъ, гримасничая отъ боли.

— Дѣлать нечего, братецъ, придется тебѣ вернуться къ намъ на фабрику,—покачивая головою, говоритъ Большой Джонъ.—Безъ доктора и леченья тутъ видно не обойтись.

— Не хочу на фабрику, — бурчитъ Левка и съ видомъ затравленнаго звѣря глядитъ на своего благодѣтеля.

— Ну, тогда ты можетъ быть предпочитаешь попасть снова въ казармы ссыльныхъ?—самымъ спокойнымъ голосомъ обращается къ нему Большой Джонъ.—Вѣдь ты не круглый же дуракъ, чтобы не понять, что крикъ твой услышанъ людьми и что не позднѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ сюда сбѣгутся изъ предмѣстья и вытащатъ тебя изъ твоего убѣжища.

Левка только заскрипѣлъ зубами вмѣсто отвѣта.

— Послушай, братецъ, — заговорилъ снова серьезнымъ голосомъ Большой Джонъ, и его большая рука опустилась на плечо мальчика, — скажи мнѣ прямо и правдиво: обидѣлъ ли я тебя чѣмъ-либо, когда ты жилъ у меня?..

Минутная пауза и вслѣдъ за ней срывающійся, отрывистый голосъ:

— Нѣтъ...

— Былъ я тебѣ другомъ или господиномъ?

Снова пауза, усиленное сопѣніе носомъ и чуть слышное, какъ бы нехотя сорвавшееся:

— Другомъ.

— Тогда возвратись ко мнѣ.

— А барышни? Небось забижать станутъ.—угрюмо сорвалось у Левки.

— Эге, что вспомнилъ!—засмѣялся Большой Джонъ своимъ добродушнымъ смѣхомъ.—Да намъ съ тобой, братецъ ты мой, и дѣла-то никакого съ ними вести не придется. Во-первыхъ, я тебя на фабрику опредѣлю въ

сортировочное отдѣленіе ситца, а во-вторыхъ, дружокъ мой, мы послѣ Казанской ярмарки махнемъ туда, куда инымъ попасть и во снѣ не снится. Сядемъ мы, братецъ ты мой, сначала въ поѣздъ, а потомъ на большой корабль и поплывемъ за океанъ, въ Америку, что-ли. Хорошо тамъ, братецъ. Бананы, апельсины, кокосы, орѣхи такіе на вольномъ воздухѣ зрѣютъ... Мартышки по деревьямъ прыгаютъ... Преуморительныя мартышки, я тебѣ доложу! Львы и слоны на волѣ; охоты на нихъ, облавы разныя устраиваются... А въ лѣсахъ дикія племена рыщутъ... на деревья, на солнце еще многія изъ нихъ молятся—идолопоклонники они значитъ... Пойти въ ихъ дебри, усовѣстить ихъ, на истинную вѣру направить, сдѣлать такими же, какъ мы, христіанами! Что, братецъ, развѣ не интересно?

— А ежели убьютъ?—расширяя зрачки отъ охватившаго его любопытства и забывая про адскую боль въ ногѣ, прошепталъ Левка.

— Ну, вотъ тебѣ такъ сразу и убьютъ!—засмѣялся снова Большой Джонъ.—Не надо, братецъ, чтобы убивали. Осторожно дѣйствовать надо... Да ты, вотъ что, поѣхалъ бы со мной туда?

Левка задумался на мгновенье.

— Поѣхалъ бы,—прошепталъ онъ тихо, и глаза его ярко блеснули.

— Ну такъ, стало быть, отнести тебя домой ко мнѣ и доктора позвать?

— Стало быть позвать,—уныло согласился Левка.

— Вотъ и молодчинища! Маленькая русалочка или вы, мадмуазель Варя, посвѣтите мнѣ кто-нибудь, пока я выволоку нашего молодца изъ этого ужаснаго помѣщенія.

И, говоря это, Большой Джонъ легко и быстро, какъ перышко, поднялъ съ земли Левку, осторожно прижалъ его къ своей сильной груди и вынесъ изъ склепа и часовни.

У входа ея къ намъ бросилась Эльза.

— Я бѣгаль, я привель!—указывая пальчикомъ по направленію Большого Джона, говорила не безъ нѣкоторой комической важности маленькая швейцарка.—A m-lle Варя говориль, что... я совсѣмъ не храбрая,—выговорила она, гордо приподнимая головку.

Такъ вотъ оно что!

Бѣдная Эльза, чтобы угодить Варѣ и снискать ея расположеніе, рискнула бѣжать одна по темному предмѣстью за Большимъ Джономъ!

Я молча поцѣловала дѣвушку, потому что Варѣ было не до нея. Убитая и мрачная, она то и дѣло обращалась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Какъ ты думаешь? Имѣла ли я право оттолкнуть его, когда онъ бросился на меня, какъ тигръ, этотъ негодный мальчишка?

— Если бы ты поступила иначе, то съ вывихнутой ногой лежала бы сама,—говорю я ей такъ же шопотомъ, безъ малѣйшаго колебанія.

— Ты увѣрена въ этомъ вполнѣ, Лида?

О, милая, честная, суровая Варя! Въ твоей благородной душѣ, я вижу, сейчасъ идетъ страшная борьба. Ты считаешь себя виновницей происшествія.

Я быстро наклоняюсь къ уху дѣвушки и шепчу ей тихо:

— Ты ни въ чемъ не виновата! Вѣдь должна же ты была защищаться, наконецъ!

Она съ благодарностью сжимаетъ мою руку.

* * *

Ночь еще не успѣваетъ расплыться въ предутреннемъ туманѣ, когда мы всѣ четверо подходимъ къ фабрикѣ. На рукахъ Джона стонетъ Левка. Въ бѣломъ домѣ директора темно. Всѣ спятъ. Только въ окнѣ Большого Джона свѣтится привѣтливый огонекъ. У ограды сада мы прощаемся. Большой Джонъ успокоиваетъ насъ, что Левка быстро поправится, и прибавляетъ, что воспользуется случаемъ, чтобы начать учить Левку грамотѣ.

— Большой Джонъ!—говорю я громко,—позвольте мнѣ заниматься съ Левкой. Я бы очень хотѣла помочь ему выучиться читать и писать.

Эта мысль приходитъ внезапно, какъ и всегда все, что ни является мнѣ на умъ.

Большой Джонъ смотритъ на меня внимательно и молча, по крайней мѣрѣ, съ добрую минуту времени.

— Маленькая русалочка!—говоритъ онъ торжественно послѣ паузы,—это ваше рѣшеніе серьезно?

— Какъ нельзя болѣе серьезно, Большой Джонъ!— отвѣчаю я безъ запинки.

— Въ такомъ случаѣ большое вамъ спасибо. Я самъ недостаточно владѣю знаніемъ русской грамотности, чтобы выступить ея преподавателемъ, и очень вамъ признателенъ за это. Такъ какъ Левку «ученаго» гораздо легче таскать за собою по всему міру, нежели Левку безграмотнаго, то ваше предложеніе какъ нельзя болѣе кстати.

Отъ этихъ словъ моего друга что-то падаетъ въ моей душѣ, точно тяжелый камень на дно пропасти.

— Такъ это правда? Вы не шутите? Вы дѣйствительно уѣзжаете въ Америку, Большой Джонъ?

— Ну да, маленькая русалочка! Этимъ не шутятъ... Я давно чувствовалъ призваніе къ дѣятельности миссіонера.—говоритъ онъ такъ, что я не могу понять—шутитъ онъ или серьезенъ.—Когда я безцѣльно болтался по міру, эта мысль часто долбила мой почтенный мозгъ.

— Но вѣдь вы же математикъ, Большой Джонъ!— говорю я въ отчаяніи.—Зачѣмъ же вамъ отдавать себя на ужинъ дикарямъ!

Онъ смѣется беззвучно и, бросивъ мнѣ на ходу: «надо заняться Левкой»,—исчезаетъ въ темной аллеѣ директорскаго сада.

А мы трое, взволнованныя, отправляемся домой.

Вотъ какъ неожиданно и странно закончилась наша

ночная экскурсія, о главной цѣли которой мы разумѣется позабыли давнымъ-давно.

* * *

Ясный іюльскій полдень.

Второе число жаркаго мѣсяца. Я сижу на террасѣ мызы «Конкордія» съ учебникомъ русской грамматики въ рукахъ. Передо мной Левка.

Вывихнутая нога его давно зажила. Онъ вполнѣ оправился, работаетъ на фабрикѣ и ходитъ ко мнѣ въ часы рабочаго перерыва учиться.

Левка удивительно толковый и способный ученикъ. Въ полторы недѣли мы прошли съ нимъ азбуку и склады. Теперь, сегодня, былъ первый урокъ грамматики. Имена существительныя, одушевленные и неодушевленные, живѣйшимъ образомъ занимаютъ Левку. Онъ не согласенъ съ грамматикой, гдѣ говорится о томъ, что дубъ предметъ неодушевленный и роза такъ же.

— Вотъ врутъ-то твои ученые!— съ жаромъ кричитъ онъ въ самый разгаръ урока (въ минуты высшаго волненія Левка говоритъ всѣмъ «ты»)—вотъ-то врутъ! Да нешто дерево, либо цвѣтокъ какой не чувствуетъ боли, когда ихъ рубятъ или срываютъ?

— Чувствуютъ, Левка, только души-то у нихъ все-таки нѣтъ.

— Да какъ же безъ души-то больно?—допытывается

онъ и усиленно теребитъ свою густую-черную шевелюру.

Я объясняю, но объясненіе мое выходитъ «не отъ чистаго сердца». Въ моей мечтательной душѣ давно сложилось странное убѣжденіе, что все растущее — живое царство, живо духомъ, какъ и животное и лучшее твореніе Бога, человѣкъ. Такъ ясно чудится мнѣ: у тополей душа вѣчныхъ юношей, съ чуткими поэтическими сердцами; у дубовъ мудрая душа старцевъ, опытныхъ жизненныхъ борцовъ; у незабудки—чистая, какъ слеза ребенка; у розы — прекрасная, непонятная и нѣмая, какъ у дѣвушки; у тюльпана—напыщенная и глупая, и такъ далѣе, и такъ далѣе безъ конца.

Я дѣлаю лукавую физіономію и высказываю мои предположенія Левкѣ. Онъ въ восторгѣ.

— А у крапивы душа «доброй вѣдьмы», понимаешь! Ха-ха-ха!

Я отлично понимаю, что онъ хочетъ сказать, и хохочу до упаду.

Добрая вѣдьма — это Варя. Такъ ее прозвалъ Левка за ея кажущуюся суровость, за рѣзкій тонъ и постоянныя безстрашныя осужденія всего того, что ей самой кажется нехорошимъ, дурнымъ. И въ то же время я знаю, что, какъ и всѣ въ домѣ, Левка «уважаетъ» Варю за ея неподкупную честность и суровую простоту. Онъ инстинктивно чувствуетъ, что подъ этой суровой внѣшностью бьется доброе, отзывчивое сердце. Не даромъ же

маленькое поколѣніе нашей семьи,—Павликъ, Саша и Нина,—обожаетъ Варю.

— Добрая вѣдьма — крапива! — хохочемъ мы оба.

Учительницѣ 17 лѣтъ всего, ученику 15. И въ сущности оба мы — дѣти вполнѣ. Хочется шалить и дурачиться, хохотать до одури, до потери силъ.

— Сегодня Джоржъ Манкольдъ, конторщикъ, на гладкомъ полу въ сортировочной растянулся!—неожиданно объявляетъ Левка, — и шишку набилъ, во какую!

Я вспоминаю мгновенно длиннаго прилизаннаго джентльмена, мысленно прилѣпляю ему шишку ко лбу и хохочу.

— Знаешь, ссыльные наши изъ послѣдней партіи совсѣмъ удрали изъ казармы... Фабричные разсказывали: намедни, — продолжаетъ, захлебываясь отъ смѣха, Левка,—они забрались къ исправнику на ледникъ, съѣли все, что было тамъ, и, оставивъ записку: «благодаримъ за угощеніе, премного довольны» — ушли.

— Ха-ха-ха!

Снова мы оба покатываемся со смѣха, глядя въ глаза другъ другу.

Левка все утро работалъ въ сортировочной и отсюда снова пойдетъ въ душную камеру фабрики, почему же не потѣшиться, не похохотать.

Неожиданно распахивается дверь балкона, и передъ нами предстаетъ Варя, желтая, какъ лимонъ, съ турецкой чалмой изъ мокраго полотенца на головѣ.

— Безстыдники!—шипитъ она.—Безсовѣстные! Шли бы хохотать въ другое мѣсто: тутъ голова трещитъ, какъ печка. Боли такія, что жизни не рада, а они гогочутъ. Тьфу!

Голова въ турецкой чалмѣ энергично сплевываетъ въ сторону и исчезаетъ.

Бѣдная Варя! Какъ мы о ней позабыли! Съ дѣтства она страдаетъ ужасными, неподдающимися описанію, головными болями. Это повторяется обязательно разъ въ недѣлю. Отъ головныхъ болей, длящихся сутки, Варя не находитъ себѣ покоя. Она и къ Спасителю пѣшкомъ ходила, будучи въ Петербургѣ, и къ Скорбящей, и масломъ изъ лампады отъ Кіево-Печерскихъ святителей мазала — ничего не помогало. Въ докторовъ Варя не вѣрила: эта суровая, полная мистицизма душа предпочитала всѣмъ лекарствамъ молитву. И теперь Варя ждала храмового праздника Казанской Божіей Матери, въ честь чудотворной иконы Богородицы, ежегодно празднуемаго 8-го іюля въ маленькомъ Ш., твердо вѣря, что одна лишь Царица Небесная избавитъ ее, исцѣлитъ отъ болей. Въ прежнія «Казанскія» Варя уѣзжала изъ Ш. съ дѣтьми на лѣто въ имѣніе мамы-Нэлли, и ей не приходилось молиться.

Въ другое время я преисполнилась бы жалости къ бѣдной Варѣ, но сейчасъ я невмѣняема отъ охватившаго меня бурнаго веселья. Левка тоже.

— Добрая вѣдьма! Турокъ!—шепчетъ онъ, чуть разжимая губы.

Новый взрывъ оглушительнаго хохота, и мы, какъ безумные, срываемся съ мѣста и вылетаемъ въ садъ.

Тамъ дѣти съ Эльзой.

Молоденькая гувернантка напѣваетъ веселую швейцарскую пѣсенку, подъ звуки которой дружно маршируютъ съ ружьями на плечахъ, съ важнымъ видомъ, мои оба братишки и сестренка.

— Эскадронъ, стройся! — кричу я и, схвативъ Ниночку на руки, сажаю ее на плечо и мчусь впередъ.

За мной Левка, успѣвшій схватить толстенькаго, пыхтѣвшаго, какъ паровикъ, Сашу, дрыгавшаго отъ восторга пухлыми ноженьками.

Павликъ и Эльза бросаются за нами, стараясь отнять дѣтей. Мы визжимъ, несемся, выбѣгаемъ изъ сада, мчимся по дорогѣ и... налетаемъ на странное шествіе.

Я первая, покраснѣвъ, какъ вареный ракъ, останавливаюсь съ виноватымъ видомъ.

По дорогѣ шествуютъ гуськомъ человѣкъ десять. Впереди всѣхъ длинный рыжій джентльменъ-конторщикъ, господинъ Джоржъ Манкольдъ, со съѣхавшей на затылокъ панамой. На лбу его сіяетъ великолѣпная, заклеенная розовымъ пластыремъ, шишка. Въ одной рукѣ огромная бутыль съ молокомъ, въ другой не менѣе большой каравай хлѣба. За нимъ идетъ миссъ Елена. За Еленой—Молли Манкольдъ. За Молли—Алиса, Кетти, Мэли, Лиза и Луиза. У каждой изъ барышень по небольшой корзиночкѣ въ рукахъ. Въ корзиночкахъ

уложены самымъ тщательнымъ образомъ всевозможные съѣдобные припасы, отъ колбасы до яблокъ включительно.

Шествіе замыкаетъ маленькій толстенькій Бенъ Джимсъ, который, отдуваясь отъ жары и усталости, несетъ большой никелевый самоваръ, осторожно сжимая его въ объятіяхъ. Кранъ самовара, незамѣтно для Джимса, открылся, и порядочная струйка, къ счастью, еще холодной воды весело сбѣгаетъ на его бѣлый костюмъ и безукоризненныя желтыя туфли.

Вся эта картина красныхъ, энергично выступающихъ миссъ, длиннаго Джоржа съ шишкой и маленькаго Бена, прижимающаго къ своей груди злополучный самоваръ, кажется мнѣ до того забавной, что я быстро опускаю на землю Ниночку и, задыхаясь отъ смѣха, сажусь на придорожную скамью.

Левка шмыгаетъ за широкій стволъ дерева и прячется тамъ. Его не видѣли, не успѣли разглядѣть.

Но зато меня замѣтили сразу.

— Миссъ Лида! M-elle Лида!.. M-elle Voronsky! — слышу я привѣтственные крики мужскихъ и женскихъ голосовъ, и вмигъ насъ съ малюткой Ниной окружаютъ всѣ эти молодые леди и джентльмены.

— Какая прелесть! О, маленькая птичка! — восторгается моей сестренкой все это сборище англичанъ, и градъ поцѣлуевъ сыплется на нее.

Ниночка—крайне благоразумная для своихъ четырехъ

лѣтъ маленькая особа. Но тутъ она растерялась: я вижу, какъ губки у нея складываются въ плаксивую гримаску, носикъ забавно морщится. Вотъ-вотъ она сейчасъ разразится громкимъ, неудержимымъ плачемъ отъ всѣхъ этихъ непрошенныхъ ласкъ и поцѣлуевъ чужихъ и незнакомыхъ ей людей.

Какъ избавить отъ всей этой непрошенной толпы сестренку?

— Куда вы идете?—обращаюсь я по-французски къ барышнямъ и молодымъ людямъ, чтобы отвлечь ихъ отъ ребенка.

Молли поднимаетъ голову и, тряхнувъ пышными бѣлокурыми волосами, заявляетъ важно на французскомъ языкѣ:

— У насъ предстоитъ маленькій пикникъ! Завтракъ на лонѣ природы. Прелестная затѣя, не правда ли?

— Мы рѣшили идти въ лѣсъ и позавтракать тамъ среди мха и деревьевъ.

— Въ обществѣ букашекъ и комаровъ, которые будутъ падать въ изобиліи въ наши стаканы!—прибавляетъ Бенъ и еще нѣжнѣе прижимаетъ къ груди своей самоваръ.

Онъ самое симпатичное для меня существо во всей этой компаніи. Его веселость и добродушіе невольно располагаютъ къ себѣ. И потомъ, онъ другъ Большого Джона и слѣдовательно долженъ быть мнѣ симпатичнымъ: друзья нашихъ друзей — наши друзья. Поэтому

я и рѣшаю, что мнѣ необходимо оказать ему маленькую услугу.

— Monsieur Бенъ, — говорю я громко, — fermez la cheminée de votre boulloir (Закройте кранъ въ вашемъ самоварѣ).

Едва я успѣла произнести эту фразу, какъ всѣ «миссы» и длинный мистеръ покатились со смѣха.

Воспитанныя, корректныя барышни, забывшись, хохочутъ до слезъ.

Почему? Что я сказала такого? Ахъ, поняла. И слезы стыда обожгли мнѣ вѣки. Какая непростительная ошибка! Я сказала: закройте «каминъ» вашего самовара, такъ какъ la cheminée—каминъ по-французски, а кранъ, который я совѣтовала закрыть Бену — le robinet. Такъ вотъ почему они такъ смѣются. Каминъ въ самоварѣ! Недурно!

Алиса, Елена и Мэли, впрочемъ, сдерживаются, кусая губы и глазами останавливая сестеръ. Бенъ разсыпается въ благодарностяхъ передо мною, но зато другіе: длинный Джоржъ хохочетъ громко, скаля свои желтые зубы, а Молли, та просто невмѣняема отъ охватившаго ее бурнаго веселья.

О, какъ я ненавижу ихъ! Нельзя же издѣваться надъ человѣкомъ, который ошибся по разсѣянности. Я съ дѣтства говорю по-французски и, если обмолвилась ненарокомъ, — моя ли въ томъ вина?

— У васъ проходятъ языки въ институтѣ? — съ не-

подражаемой невинностью спрашиваетъ Молли, въ то время, какъ глаза ея все еще смѣются.

— Обязательно!—отвѣчаю я, поймавъ въ ея голосѣ язвительную нотку. И, мгновенно вспыхивая отъ злости, добавляю: — мы должны всѣ умѣть говорить по-французски и нѣмецки, такъ какъ приходится постоянно сталкиваться съ иностранцами... Я, напримѣръ, никогда не рискну поселиться въ Англіи, такъ какъ не знаю ни слова по-англійски...

Ага! Получай! Ты покраснѣла? И великолѣпно! Поняла, значитъ, что стыдно жить съ дѣтства въ Россіи, зная только два слова: «извозчикъ» и «мужикъ»...

Теперь очередь Молли краснѣть. Она становится багровой и вертитъ во всѣ стороны свои большіе глаза.

Но смѣялась не одна она, смѣялись и другіе. Мнѣ хотѣлось и ихъ наказать. Что если испортить имъ сегодняшній пикникъ «на лонѣ природы»? Отравить страхомъ этотъ праздничный завтракъ весело настроенныхъ людей?.. И вотъ я дѣлаю мрачное лицо, хмурю брови и съ угрюмымъ видомъ обращаюсь ко всей компаніи:

— Какъ вы не боитесь идти въ лѣсъ, когда изъ казармъ Наумскаго убѣжали новые ссыльные и рыщутъ въ предмѣстьѣ.

— Что!?

У всѣхъ семи барышень лица вытягиваются по крайней мѣрѣ на четверть аршина. Джоржъ Манкольдъ

выпучиваетъ на меня и безъ того выпуклые глаза, съ такимъ видомъ, точно изъ ссыльной казармы бѣжала я, а не партія безпаспортныхъ бродягъ. Огромная бутыль съ молокомъ прыгаетъ у него въ рукахъ, какъ живая.

— Ссыльные сбѣжали? — спрашиваетъ онъ испуганно.

— Да! Да! — съ восторгомъ подхватываю я. — Сбѣжали отъ Наумскаго, бродятъ по лѣсу, на кого-то уже набрасывались и кого-то ограбили нынче утромъ... Вотъ Левка говорилъ, разспросите его...

Теперь Левка важно выступаетъ изъ-за дерева и, переглянувшись со мною блестящими, какъ маслины, глазами, начинаетъ роскошную импровизацію о дебоширствахъ ссыльныхъ.

Лица барышень блѣднѣютъ. Явная тревога и страхъ отпечатываются на нихъ. Джоржъ Манкольдъ хмуритъ свои огненно-красныя брови, и взглядъ его озабоченно перебѣгаетъ изъ стороны въ сторону.

Одинъ Бенъ спокоенъ и, какъ и прежде, занятъ своимъ самоваромъ.

Вдругъ Джоржъ выставляетъ свои желтые длинные зубы и говоритъ съ улыбкой:

— Это все выдумки. Русская барышня труситъ напрасно. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никакіе ссыльные не страшны. И если будетъ нападеніе, я, какъ истый джентльменъ, буду защищать васъ до послѣдней капли крови!

Послѣднюю фразу онъ цѣдитъ по-англійски и величественно ударяетъ себя въ грудь.

Но я отлично поняла слова: «выдумка» и «труситъ», относившіяся ко мнѣ. И татарская кровь моихъ предковъ бурно заклокотала въ моихъ жилахъ.

Я выдумщица! Я трусиха! Ну, погоди же! Увидимъ, какой ты джентльменъ!

Взволнованная, я стою на краю дороги, прижимая малютку Нину къ себѣ. Левка подлѣ меня; глаза его смѣются. Мы научились съ одного взгляда понимать другъ друга, и онъ, какъ въ открытой книгѣ, читаетъ въ моей головѣ.

Мимо насъ снова тянется великолѣпное шествіе: Джоржъ съ бутылью, семь барышень съ провизіей и толстенькій Бенъ съ самоваромъ.

Проходя мимо меня, всѣ они величественно киваютъ мнѣ головами. Бенъ одобрительно смѣется и шепчетъ лукаво, поровнявшись со мною:

— Какъ жаль, что вы не съ нами... Было бы во сто разъ веселѣе... Честное слово!

— Хорошо! Вы еще услышите обо мнѣ! — успѣваю я отвѣтить ему чуть слышно.

* * *

— Ну, Левка, за мной!

Ниночку мы передали съ рукъ на руки Эльзѣ. Маленькій револьверъ-бульдогъ, заряженный холостыми

зарядами, въ моемъ карманѣ, однако изъ него трудно убить ворону. Это подарокъ Большого Джона. Левка, съ игрушечнымъ монтекристо моего старшаго братишки въ рукахъ, пробирается кустами въ самую чащу, гдѣ уже пылаетъ костеръ и откуда несется веселая трескотня на англійскомъ нарѣчіи.

То-то будетъ потѣха!

Планъ дѣйствій давно созрѣлъ въ моей головѣ. Напугать надменныхъ англичанокъ, выставить «джентльмена» Джорджа въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ— вотъ новый замыселъ Лиды Воронской...

Мы пробираемся въ полномъ молчаніи сквозь кусты. Вѣтви ихъ хлещутъ насъ по плечамъ немилосердно, въ то время, какъ колючки впиваются въ платье Левки и мое. Но мы беззвучно смѣемся и преисполнены оба какого-то сумасшедшаго задора.

— Стопъ! Мы у цѣли. Стопъ!

Я командую шопотомъ и останавливаюсь. Левка вздрагиваетъ и беретъ ружье на прицѣлъ: дуломъ на воздухъ.

— Ну, штука! — говоритъ онъ шопотомъ, захлебываясь отъ восторга. — Ахъ, чтобъ тебя, придумаешь тоже!

И тотъ же восторгъ отражается въ его черныхъ глазахъ.

Передъ нами разстилается поляна. Посреди нея пылаетъ костеръ. Вокругъ костра, важно разсѣвшись на

пестрыхъ пледахъ, постланныхъ на травѣ, всѣ семь барышень и два молодыхъ человѣка съ аппетитомъ уничтожаютъ тартинки, изрѣдка перебрасываясь короткими англійскими фразами. Джоржъ Манкольдъ важно одѣляетъ всѣхъ молокомъ изъ огромной бутыли, то и дѣло разливая его по маленькимъ кружечкамъ, хранившимся до сей поры у барышень въ ихъ ручныхъ корзинкахъ.

— А ну-ка, Левка, свистни. Пора!—шепчу я моему спутнику, загораясь необузданной жаждой шаловливой продѣлки.

Левка знаетъ уже, что должна означать моя фраза. У ссыльныхъ есть свой особый посвистъ, котораго такъ боятся мирные горожане Ш. За этимъ посвистомъ слѣдуетъ обыкновенно какая-нибудь недоброкачественная продѣлка. И, разумѣется, такой посвистъ долженъ произвести потрясающее впечатлѣніе здѣсь, въ лѣсу.

На полянѣ всѣ участники пикника веселы и безпечны. Молли кокетливо улыбается и кушаетъ тартинки, едва раскрывая ротъ, какъ бы для того, чтобы убѣдить всѣхъ, какъ онъ у нея малъ и изященъ. Алиса гордо поводитъ глазами и что-то оживленно говоритъ о «мисъ Лидѣ», то-есть обо мнѣ. Всѣ остальныя англичаночки пожимаютъ плечиками.

Все это по моему адресу, я отлично понимаю. Ага! Такъ-то! Отлично!

— Мисъ Лида,—говоритъ Джоржъ и прибавляетъ что-то очень остроумное, должно быть, по моему адресу, такъ какъ веселый, необузданный взрывъ смѣха оглашаетъ поляну.

Но увы! ему не суждено длиться...

Левка быстро вскидываетъ на меня глаза и, приложивъ палецъ ко рту, издаетъ ужаснѣйшій свистъ, наполняющій весь лѣсъ своимъ пронзительнымъ звукомъ.

— А-а-а-а!!!—отчаяннымъ воплемъ срывается съ устъ барышень хоромъ, и всѣ онѣ стремительно вскакиваютъ съ травы и начинаютъ метаться по полянѣ, собирая остатки провизіи въ корзины.

— Пли!—снова шепчу я Левкѣ, и въ тотъ же мигъ щелканье монтекристо и выстрѣлъ моего бульдога, а за нимъ другой, третій и четвертый прыгающими звуками оглашаютъ лѣсъ.

Дружный визгъ проносится вслѣдъ за этимъ по лѣсной чащѣ.

Я быстро выглядываю изъ кустовъ и вижу: Мэли и Лиза бѣгутъ, взявшись за руки, прямо въ кусты и визжатъ, какъ поросята. Елена отъ страха опустилась на траву. Алиса схватила самоваръ и стала въ оборонительную позу. Бенъ, отчаянно жестикулируя, уговариваетъ Кетти и Луизу не волноваться. А тѣ мечутся по полянѣ, не находя мѣста, куда скрыться.

— Ссыльные! Разбойники!—вопятъ онѣ по-французски, обѣ блѣдныя, какъ смерть.

Молли, съ подкосившимися отъ страха ногами, сидитъ на травѣ и лопочетъ что-то, а храбрецъ Джоржъ, забывъ все на свѣтѣ, съ выкатившимися отъ ужаса глазами, трясущимися руками льетъ молоко изъ своей огромной бутыли прямо на великолѣпную прическу Молли и на ея воздушное батистовое платье.

Едва сдерживая взрывъ обуявшаго меня смѣха, я стрѣляю еще разъ въ воздухъ и выхожу на поляну.

Мимо меня метнулось что-то длинное, высокое, рыжее и худое, и фалдочки Джоржа скрылись въ кустахъ.

Храбрый джентльменъ, вмѣсто обѣщанной защиты барышень, предпочелъ дать тягу...

Не владѣя собою, я заливаюсь смѣхомъ. Бенъ, сразу понявъ, въ чемъ дѣло, вторитъ мнѣ съ самымъ добродушнымъ видомъ. Барышни успокоиваются, и суета на полянѣ понемногу прекращается.

— Прошу прощенія!—говорю я вѣжливо.—Мы съ Левкой пробовали оружіе, а то негодный ястребъ повадился воровать цыплятъ у насъ на мызѣ; надо же найти на него въ концѣ концовъ судъ и управу.. Но что съ вами, m-elle Молли?—прибавляю я совсѣмъ уже невинно.

Голова Молли, ея пышный шиньонъ прически бѣлы и мокры, точно отъ снѣга.

— Боже мой! Молоко! О-о!.. Monsieur Джоржъ не очень-то храбръ, повидимому. Но гдѣ же онъ однако?—

говорю я, едва удерживаясь отъ новаго взрыва смѣха, въ то время какъ Левка просто катается по травѣ, обуреваемый приступомъ хохота.

Молли, злая и надутая, какъ индюшка, приводитъ себя въ порядокъ при помощи сестричекъ.

— Глупая шутка! — ворчитъ она сквозь зубы. — Можно было напугать до смерти тѣхъ, кто нервенъ и слабъ.

— Слава Богу, однако, никто не умеръ!—подхватываю я весело, но мгновенно замолкаю при видѣ вылѣзшаго изъ кустовъ Джоржа.

Его шляпа потеряна. Рыжіе волосы въ безпорядкѣ. Онъ смотритъ испуганно и смущенно лепечетъ что-то о разбойникахъ-ссыльныхъ, стрѣлявшихъ въ лѣсу. Онъ поистинѣ жалокъ съ его плачевнымъ видомъ, и я могу быть удовлетворена вполнѣ. Сестрички и Бенъ всячески успокоиваютъ его.

Мы съ Левкой молча раскланиваемся и исчезаемъ. И еще долго хохочемъ, вспоминая продѣлку въ лѣсу.

* * *

А лѣто все подвигается дальше и дальше, на рѣдкость выпавшее жаркое лѣто. Духота стоитъ тропическая... Знойно дышитъ большое озеро, пряно накаленнымъ воздухомъ несетъ отъ лѣса... Даже близость рѣки не помогаетъ.

Это жаркое лѣто просто-таки грозитъ задушить всѣхъ въ своихъ знойныхъ объятіяхъ.

У Вари головныя боли повторяются теперь безсмѣнно, ежедневно, приводя ее въ полное отчаяніе.

— Вся надежда на Царицу Небесную! — говоритъ она мнѣ часто, въ минуты откровенности, по вечерамъ.— Захочетъ — исцѣлитъ Владычица Казанская... Лишь бы пройти подъ иконами... Помнишь, ты мнѣ давала книгу, въ которой разсказано, какъ исцѣлилась дѣвушка въ Лурдѣ по милости Божіей Матери отъ хронической болѣзни ногъ. Вотъ скорѣе бы Казанская пришла...

А праздникъ Казанской матери приближается. Это видно по всему: множество духовенства съѣзжается въ маленькій городъ; огромное число молящихся ѣдетъ и идетъ сюда; церкви украшаются по-праздничному; на городской площади спѣшно идутъ приготовленія къ ярмаркѣ и гулянью.

Нашимъ прислали почетные билеты на мѣста у оконъ городской управы, мимо которой пройдетъ праздничный и величественный крестный ходъ. Но мы съ Варей упросили отпустить насъ «въ народъ», чтобы видѣть чудотворную икону близко-близко, чтобы получить возможность очутиться подъ нею хоть на минуту, когда ее понесутъ въ процессіи, высоко поднятой надъ толпой.

Этого хотѣла Варя.

— Я чувствую... Я чувствую... Лишь только Владычица очутится надо мною, мои мучительныя головныя боли пройдутъ, исчезнутъ навѣки, — шептала она мнѣ

въ религіозномъ экстазѣ.—Исцѣлюсь я, Лидочка; только ты попросись у твоихъ отпустить насъ въ толпу.

И я просила, трогательно молила объ этомъ и папу-«Солнышко» и маму-Нэлли. Послѣ долгихъ колебаній, послѣ всяческихъ предостереженій держаться въ сторонѣ, не лѣзть въ «самое пекло», разрѣшеніе это намъ было дано.

* * *

Наступилъ, наконецъ, давно ожидаемый день.

Съ утра жаркое солнце палило на безоблачномъ небѣ. Синій куполъ, высоко опрокинутый надъ землей, кое-гдѣ прорѣзали быстро плывущіе кораблики бѣлыхъ облаковъ. И огромный золотой шаръ, могучій, немилосердно горячій и огненно жаркій, пронзалъ своими острыми лучами все живущее и дышащее на землѣ.

Въ двѣнадцать часовъ мы вышли изъ дома: «Солнышко», мама-Нэлли, дѣти, Варя, Эльза и я. Два заранѣе приготовленныхъ городскихъ извозчика повезли нашихъ съ Эльзой по направленію къ улицѣ, гдѣ помѣщалась городская управа. Я и Варя, въ простыхъ ситцевыхъ платьяхъ, съ легкими шарфами вмѣсто шляпокъ на головахъ, какъ настоящія богомолки, пустились пѣшкомъ навстрѣчу крестному ходу.

«Солнышко» передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ наемную коляску, долго и тревожно убѣждалъ меня присоединиться къ нимъ, отмѣнивъ рѣшеніе идти въ толпу. Но я взглянула

на замкнутое лицо Вари, на ея блѣдныя сжатыя губы, на мрачно рѣшительные глаза, говорившіе:

— Все равно, я пойду одна, если ты откажешься... Пойду непремѣнно... Потому что тамъ исцѣленіе и счастье для меня.

— Нѣтъ, нѣтъ! Что бы ни было, я пойду за тобою,— отвѣтилъ мой взглядъ на тревожный молчаливый вопросъ дѣвушки.

— Ну, разумѣется, ихъ не переупрямить обѣихъ!— пожимая плечами, произнесъ раздосадованный отецъ.— Держитесь въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ... А то вѣдь задавятъ васъ... Ради всего святого, прошу васъ, подальше отъ толпы.

— Ну, конечно, «Солнышко», ну, конечно! Будь спокоенъ!

Я вижу въ его глазахъ тревожные огни. Лицо мамы-Нэлли тоже неспокойно.

Ахъ, я не могу отступить, родные мои! Не сердитесь на меня.

Когда извозчикъ отъѣзжаетъ, отецъ оборачивается еще разъ и кричитъ:

— Помните... Въ два часа ждемъ васъ въ управѣ. А то безпокоиться будемъ! Возвращайтесь скорѣй...

— Да, да, конечно! Поѣзжайте съ Богомъ!—кричу я весело и задорно.

Но тутъ новая остановка.

Мой младшій братишка, обожающій Варю, начинаетъ ревѣть во все горло.

— И я хочу! И я тоже съ вами на крестный ходъ!— картавитъ онъ, вырываясь изъ рукъ Эльзы, держащей его на колѣняхъ.

Варя подбѣгаетъ къ нему, обѣщаетъ принести игрушку, говоритъ что-то смѣшное и нервно держится за виски. Голова у нея сегодня съ утра горитъ и болитъ ужасно. Глаза — почти безумные отъ нестерпимаго физическаго страданія.

— Ну, идемъ же,—шепчетъ она мнѣ чуть слышно, когда, отчаянно гремя колесами, обѣ коляски исчезаютъ въ облакѣ пыли.

Пока мы шагаемъ по предмѣстью, насъ то и дѣло обгоняетъ запоздавшій изъ сосѣднихъ деревень народъ. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ толпа гуще и пестрѣе. Но вотъ смутный гулъ несется съ площади — тамъ огромная шумная толпа ждетъ процессіи. Здѣсь и горожане, и крестьяне, и нищіе—цѣлыя полчища нищихъ, калѣкъ и убогихъ. Кликуши выкрикиваютъ на разные голоса; блаженные и слѣпые выпѣваютъ дрожащими голосами мольбы о подаяніи. Дѣтскіе нѣжные голосенки изрѣдка пискливыми нотками прорѣзаютъ этотъ смутный гулъ, похожій на шумъ грознаго морского бурливаго прибоя.

Между ларьками, еще не окропленными святою водою до начала ярмарки, снуютъ подростки. Высокимъ

фальцетомъ черный худой монахъ, босой, въ растерзанной рясѣ, визгливымъ крикомъ разсказываетъ народу о томъ, какъ появилась впервые чудотворная икона Владычицы:

— Шведы осаждали крѣпость, отбитую у нихъ русскими... Наши дружины засѣли въ крѣпости, защищались съ особенной энергіей... Но съ каждымъ днемъ падали русскія силы и одолѣвала вражья рать... И вотъ кто-то замѣтилъ трещину въ крѣпостной стѣнѣ, точившую влагу. Разломали часть каменной ограды и видятъ: Пречистый образъ, замуравленный въ стѣнѣ, точитъ слезы... Чистыя святыя слезы на Ликѣ Богъ вѣсть откуда появившейся Царицы Небесной... И вспыхнули новымъ боевымъ духомъ русскія дружины. Помолились Владычицѣ, помѣстили ее въ крѣпостномъ соборѣ и съ новыми душевными силами ринулись на врага. И одолѣли, и покорили шведа... Съ тѣхъ поръ и празднуется годовщина этого великаго событія въ Ш., и тысячи, десятки, сотни тысячъ богомольцевъ стекаются сюда въ этотъ день...

Монахъ заканчиваетъ свое повѣствованіе краткимъ славословіемъ и начинаетъ снова.

— Идемъ на главную улицу, — шепчу я Варѣ; — здѣсь задавитъ толпа...

— Да, да, пойдемъ навстрѣчу процессіи... Уже скоро!—отвѣчаетъ она какимъ-то страннымъ, будто не своимъ, голосомъ.

Я оглядываюсь на Варю.

Какое удивительное лицо! Блѣдное, безъ кровинки и полное вдохновеннаго ожиданія... Каждымъ фибромъ она ждетъ...

— Варя,—говорю я,—ты вѣришь, что исцѣлишься?

— Безконечно вѣрю! — слышу я тотъ же глухой голосъ и тотъ же шопотъ, полный отчаянія и боли: — О, какъ я страдаю, если бы ты знала только, какая это невыносимая, адская боль! Но теперь уже не долго... я знаю... я увѣрена...

Мы съ трудомъ протискиваемся на главную улицу. Здѣсь не меньшая толпа. Посреди нея тянется узкая, длинная, безконечно длинная змѣя шеренги. Держась одинъ за другого, крѣпко ухватившись за платье другъ друга, стоятъ гуськомъ богомольцы. Голова этой живой многоликой змѣи, должно быть, далеко за городомъ, хвостъ — на противоположномъ концѣ, у самыхъ водъ бурной Ладоги. А кругомъ тѣснится народъ, образуя новыя и новыя теченія, новыя шеренги.

Распоряжается всѣмъ Наумскій со своими ссыльными — распоряжается умно и толково. И всѣ подчиняются ему.

— Полковницкая дочка пришла съ ихней бонной,— узнавъ меня, говоритъ рыжій староста и, растолкавъ кого-то, втискиваетъ насъ въ главную шеренгу.

Впереди меня Варя. Позади какая-то старуха въ черномъ платочкѣ, съ котомкой странницы на спинѣ. А

передъ нами и за нами безконечные зигзаги людей, которые сплелись въ длиннѣйшую гирлянду... Съ боковъ толпа, безпорядочно топчущаяся на мѣстѣ... Надъ головами синій куполъ съ разорваннымъ на немъ кружевомъ облаковъ и жгучее, жестоко палящее полуденное свѣтило. Свистки пароходовъ прорѣзываютъ то и дѣло торжественный, неумолкаемый звонъ колоколовъ, врѣзываясь доминирующимъ звукомъ въ безпорядочный гулъ ожидающаго процессіи народа. Изрѣдка слышится визгливый, полный ужаса и муки, вопль кликуши, или пѣвучій речитативъ сборщика подаяній на храмъ Божій.

— Идутъ! Идутъ! Близко Владычица! — неожиданно раздается чей-то громкій голосъ, и вся толпа по бокамъ шеренги, какъ стоглавая гидра, поддается впередъ.

— О, батюшки! Ой, угоднички! Задавили!—раздается чей-то придушенный голосъ, и мгновенно все смолкаетъ сразу.

Показывается голова процессіи... Ярко горя золотой ризой иконы, на высоко поднятыхъ носилкахъ, среди хоругвей и образовъ на древкахъ, плыветъ по воздуху Владычица Казанская. Издали слышатся церковные напѣвы... Сверкаютъ ризы духовенства... Бѣлѣетъ бѣлый клобукъ архіерея... Гремятъ звонкими голосами пѣвчіе. . И все это на фонѣ неумолкаемаго колокольнаго звона.

Владычица все ближе и ближе... Уже можно различить свѣтлый, пречистый обликъ Божественнаго, пре-

краснаго лица Страдалицы Матери и Малютки Бога-Человѣка, обреченнаго на жертву для искупленія людскихъ грѣховъ... Прямо передъ нами дивное дѣтское личико и скорбныя слезы Матери въ темныхъ очахъ...

Золото иконъ и хоругвей ослѣпительно въ солнечномъ іюльскомъ сверканіи...

Я невольно вскидываю глаза на Варю.

Вся ея сильная, широкоплечая фигура дрожитъ мелкой дрожью. Ея блѣдное, безъ кровинки, лицо видно мнѣ въ профиль. Помертвѣвшія губы ея шепчутъ:

— Исцѣли!.. Спаси!.. Исцѣли, Чистая, Прекрасная, Невинная!.. Избавь отъ муки рабу свою, Чистая, Прекрасная! Царица земли и неба! Спаси! Исцѣли! Отъ адской боли избавь, исцѣли меня!..

На ея рѣсницахъ нависли слезы. На мертвенно блѣдномъ лицѣ восторгъ, ужасъ, вѣра и мука слились въ одно цѣлое.

И вмигъ ея напряженіе передается мнѣ.

— Избавь, исцѣли Варю! — шепчу я вслухъ, забывшись, стискивая руки, такъ что мои тонкіе пальцы сплетаются до боли и хрустятъ въ суставахъ.

А Владычица все ближе и ближе... Теперь Ея кроткіе темные глаза и чистые дѣтскіе глазки Божественнаго ребенка точно глядятъ намъ прямо въ лицо... Уже тонкая струйка ладана и запахъ розоваго масла—миро, исходящіе отъ златотканныхъ покрововъ, устилающихъ носилки, доходятъ до насъ...

Вмигъ голубой туманъ застилаетъ отъ меня и головы народа, и золото иконъ и хоругвей, и блестящія ризы духовенства... и я вижу одни глаза... Только глаза Свѣтлой и Прекрасной Дѣвы, затуманенные слезами... Что-то подкатывается къ горлу, что-то душитъ его... А глаза все ближе, все яснѣе... Кружится голова... Запахъ ладона туманитъ мысль... Я почти лишаюсь сознанія отъ волненія, переполнившаго все мое существо.

— Головы наклоните!.. Головы!.. — кричитъ чей-то голосъ.

И я машинально склоняю голову, плечи, весь станъ...

Пѣвчіе поютъ:—«Радуйся, Благодатная!»

Что-то шуршитъ надо мною и розами райскихъ садовъ наполняется воздухъ, ихъ ароматомъ, тонкимъ и мистическимъ, окрыляющимъ мечту.

— Она здѣсь! Она надъ нами! Я чувствую! Я вижу, не глядя! — рвется въ моемъ мозгу послѣдняя сознательная мысль.

И снова легкое шуршанье, шелестъ шелка и старыхъ византійскихъ пеленъ-покрововъ. И безумный восторгъ и острая, какъ жало, сверлящая душу мольба къ Царицѣ.

— Исцѣли, Прекрасная, Варю! Исцѣли Ты, Могучая и Кроткая, Великая и Благая!..

* * *

Еще мигъ... еще... и, словно проснувшись, я оживаю.

Пронзительный выкрикъ кликуши позади и чей-то тихій, блаженный шопотъ...

Блѣдная, какъ смерть, Варя передо мною. Глаза — огромные на исхудавшемъ за часъ высшаго напряженія до неузнаваемости лицѣ. Порозовѣвшія губы шепчутъ:

— Не знаю, что это... но... но... я не чувствую боли... никакой боли... Ахъ, Лида, Лида!

Она протягиваетъ руки къ уплывшей далеко по воздуху на высокихъ древкахъ иконѣ и рыдаетъ... Рыдаетъ громко какимъ-то восторженнымъ счастливымъ рыданіемъ...

— Не чувствую боли! Нѣтъ! Нѣтъ! — повторяетъ Варя все такъ же блаженно и изумленно.

Потомъ хватаетъ меня за руку:

— Бѣжимъ скорѣе, скорѣе! Разсказать нашимъ... Нѣтъ боли! Пойми, исцѣлена! Исцѣлена я, Лида!

И опять рыданіе ликующее, безумное потрясаетъ ея грудь.

Мы схватываемся за руки и вырываемся изъ шеренги. Беремъ вправо — толпа; влѣво — толпа еще плотнѣе... Тогда черезъ силу пробираемся сквозь самую гущу туда, къ площади, гдѣ, кажется намъ, какъ будто меньше народа...

Но густая стѣна широкихъ спинъ заслоняетъ намъ путь. Крѣпкая стѣна, черезъ которую намъ не про-

биться. Кто-то сдавилъ мнѣ плечо до боли, до искръ, посыпавшихся изъ глазъ, кто-то нечаянно сильно ударилъ локтемъ въ грудь... И снова заколдованная стѣна обступила насъ тѣснѣй и жарче со всѣхъ сторонъ... Дыханіе сперлось въ моей груди, капли пота выступили на лбу... Похолодѣло въ спинѣ и въ кончикахъ пальцевъ.

— Насъ задавятъ! — мелькнуло въ моей головѣ тревожной и мучительной мыслью. — Варя! — сдавленнымъ шопотомъ бросила я моей спутницѣ.

Но ея уже не было около меня. Чьи-то чужія, потныя, багровыя отъ натуги лица окружали меня, чьи-то безтолково напирающія въ общей давкѣ спины сжимали все уже и уже кольцо крохотнаго пространства, въ центрѣ котораго я помѣщалась.

Кто-то крикнулъ въ паническомъ страхѣ.

— Батюшки, задавили!

И сразу я почувствовала, что мнѣ нечѣмъ дышать... Сдѣлала невѣроятное усиліе, поднялась на-цыпочки, потянулась... Но тутъ кто-то изъ близстоявшихъ изо всѣхъ силъ толкнулъ меня въ спину, затѣмъ меня сдавила, какъ обручемъ, со всѣхъ сторонъ толпа. Мои ноги отдѣлились отъ земли, и я повисла въ воздухѣ, сдавленная со всѣхъ сторонъ непроницаемой стѣной. Холодный потъ градомъ покатился у меня по лицу... Глаза заволакивало туманомъ...

— Сейчасъ упаду и меня раздавятъ... — послѣдней

мыслью пронеслось у меня въ мозгу.—Сейчасъ погибну...

Вдругъ мои вытаращенные отъ ужаса глаза увидѣли, въ десяти шагахъ разстоянія, знакомую маленькую головку на широкихъ плечахъ атлета, высившуюся надъ толпой, и, собравъ послѣднія силы, я прохрипѣла отчаянно:

— Большой Джонъ! Сюда!

* * *

Я очнулась внѣ города на зеленой лужайкѣ въ предмѣстьѣ.

Я лежала на травѣ поверхъ плаща, разостланнаго Большимъ Джономъ. Варя и Левка суетились около меня. Большой Джонъ держалъ мою руку, смотрѣлъ на меня тревожными глазами и улыбался черезъ силу.

— Ну, вотъ, наконецъ-то вы отошли! — услышала я его милый голосъ. — Теперь, какъ отдохнете, можно идти отыскивать вашихъ.

— Меня чуть не задавили, не правда ли, Большой Джонъ? — прошептала я.

— Слава Богу, этого не случилось!—произнесъ онъ уже спокойно. — Маленькая русалочка жива и здорова.

— Благодаря вашему вмѣшательству, — произнесла я, протягивая ему обѣ руки.

— Не моему участію, а участію Провидѣнія, — поправилъ онъ меня съ улыбкой.—Вѣдь если бы Богу не угодно было послать къ вамъ навстрѣчу такую высоченную каланчу, такого Донъ-Кихота, какъ я, можетъ быть,

маленькая русалочка и захворала бы, помятая въ этой ужасной давкѣ.

— То-есть умерла бы, Большой Джонъ, выражаясь точнѣе.

— А m-lle Варя! Вы слышали о m-lle Варѣ? — чтобы замять разговоръ, волновавшій насъ обоихъ, произнесъ Большой Джонъ, кивая въ сторону моей подруги. — Она чувствуетъ теперь себя прекрасно послѣ своей горячей молитвы... Счастливъ, кто можетъ такъ чисто и свято вѣрить въ великую силу Божества. Только вы, русскіе, съ вашими золотыми простодушными сердцами умѣете такъ вѣрить и молиться. И какъ я за это уважаю васъ всѣхъ! — закончилъ съ несвойственной ему серьезностью Большой Джонъ.

— А вы-то, Большой Джонъ, вы сами? — горячо вырвалось изъ моей груди.—Надо быть самому очень религіознымъ и вѣрующимъ, чтобы рѣшиться плыть на край свѣта и обращать на путь истины жалкихъ дикихъ людей. Или вы шутили тогда, когда говорили, что отправляетесь въ Америку миссіонеромъ?

— Нѣтъ, маленькая русалочка, — произнесъ онъ серьезно, и его ястребиные глаза, обычно такіе насмѣшливые и живые, приняли мечтательное, почти дѣтское выраженіе;—я съ малыхъ лѣтъ грезилъ о томъ, чтобы принести посильную помощь тѣмъ, кто нуждается въ этомъ. У меня создался свой собственный идеалъ, свой циклъ желаній, и на первомъ мѣстѣ ихъ—жгучая

потребность видѣть людей людьми, а не жалкими полудикими животными. А вѣдь тамъ, въ дебряхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, они рыщутъ безсознательными звѣрьми, безъ религіи, законовъ, безъ познанія истины. Это бѣдныя, жалкія, обиженныя рокомъ дѣти природы... Къ нимъ лежитъ мой путь. Сдѣлать ихъ людьми, посѣять въ ихъ сердцахъ вѣру, свѣточъ сознанія, разбудить въ нихъ жажду знаній, хотя бы самыхъ примитивныхъ и небольшихъ. Развѣ же это не счастье, маленькая русалочка?! Развѣ это не счастье?

— А если они убьютъ васъ, Большой Джонъ? — вырвалось у меня съ тревогой и страхомъ.

— О, маленькая русалочка! Поэтичная, экзальтированная головка! Времена Майнъ-Рида, Эмара и Купера прошли. Воинственныхъ краснокожихъ, что такъ плѣняютъ юношество, нѣтъ, и тѣ жалкіе дикари, послѣдніе отпрыски вымирающихъ племенъ, тѣ, увѣряю васъ, смотрятъ на насъ, какъ на бѣлыхъ боговъ, свѣтлыхъ вѣстниковъ мира...

— Ахъ, Большой Джонъ, если бы все это было такъ! — вырвалось у меня со вздохомъ.

— Какъ бы то ни было, маленькая русалочка, но я долженъ исполнить мою мысль. Моя бродячая душа уже тоскуетъ. О, Большой Джонъ—феноменальный бездѣльникъ, и никакое другое дѣло не улыбается ему!.. Черезъ мѣсяцъ, 8-го августа, мы уѣзжаемъ отсюда, я и Левка.

Не правда ли, Левка: удираемъ мы съ тобой скоро изъ здѣшнихъ прекрасныхъ мѣстъ?

— Стало быть удираемъ, Иванъ Ивановичъ! — съ веселой готовностью сорвалось съ устъ Левки.

— Ну, а теперь идемъ искать вашихъ, а то они должно быть измучились въ ожиданіи. У васъ хватитъ на это достаточно силъ, маленькая русалочка? А то я приведу коляску.

— Нѣтъ! Нѣтъ, Большой Джонъ! Я могу идти.

И опираясь на его руку, въ сопровожденіи Вари, словно пронизанной тихимъ счастьемъ, и Левки, мы отправились къ зданію управы разыскивать своихъ.

Отъѣздъ Большого Джона глухо волнуетъ мою душу. Я такъ привыкла къ дружбѣ этого большого, сильнаго человѣка, къ его братской привязанности ко мнѣ, къ его дружескимъ совѣтамъ и бесѣдамъ: одно представленіе о томъ, что скоро въ маленькомъ Ш. не будетъ Большого Джона, наполняетъ мое сердце, душу и мысль тяжелой, гнетущей тоской...

А колокола все еще заливаютъ своими звуками маленькій городъ, и смутно доносится до насъ пѣніе съ площади, гдѣ освѣщаютъ теперь лари торгашей.

* * *

Въ концѣ іюля погода неожиданно измѣнилась. Съ Ладоги подулъ сильный, рѣзкій сѣверный вѣтеръ. Зашумѣло бурливое синее озеро, закипѣла холодная быст-

рая рѣка. Бѣлые барашки волнъ запрыгали на поверхности. Холодный вихрь закружилъ надъ городомъ... Теперь цѣлыми днями идутъ дожди. Старыя сосны плачутъ подъ окнами, звенитъ протяжно и гулко рыдающая пѣснь бури, и въ мокрые влажные туманы одѣлись прибрежные лѣса.

Дѣти, вотъ уже двѣ недѣли, сидятъ въ комнатѣ. У Павлика кашель, у Саши то же. Малютка Ниночка здорова, но выглядитъ въ эту ужасную погоду такой вялой и хилой. У Эльзы флюсъ во всю щеку, но зато Варя... Что-то странное произошло съ Варей. Рѣзкій, протестующій характеръ Вари послѣ происшествія въ Казанскую круто измѣнился къ лучшему. Что-то новое, мягкое появилось во всемъ ея существѣ. Вмѣстѣ съ ея мучительной болѣзнью, казалось, исчезло въ ней и то грубоватое, что подчасъ отталкивало отъ нея окружающихъ.

Въ лицѣ Вари замѣтно новое выраженіе, и улыбка у нея другая, и вся она съ ея неугасимымъ постояннымъ сіяніемъ въ глазахъ стала женственнѣе, милѣе, лучше. И къ Эльзѣ она стала относиться много лучше: трогательно лечитъ ея больные зубы, приготовляетъ полосканіе отъ флюса, встаетъ по ночамъ кипятить маленькой швейцаркѣ ромашку и часто вслухъ мечтаетъ о монастырѣ, о своемъ намѣреніи, подъ старость лѣтъ, посвятить себя Богу.

— Ты вѣришь ли,—говоритъ она часто въ минуты

особенной откровенности: — ты вѣришь ли — въ тотъ моментъ, когда проплыла надъ моей головой чудесная икона, я почувствовала точно толчокъ во всемъ существѣ, и будто чья-то нѣжная-нѣжная рука коснулась моей головы, пылавшей отъ боли... И боль исчезла сразу, и чудная радость охватила все мое существо. Теперь я служу молебны, по сто поклоновъ кладу ежедневно, но этого мало, мало... Когда я не понадоблюсь больше дѣтямъ, то отдамъ себя всю, всю цѣликомъ, на служеніе Ей, Небесной Царицѣ... Какъ ты думаешь, хорошо это будетъ, Лида?

Что я могу ей отвѣтить? Какъ далека я отъ тѣхъ свѣтлыхъ порывовъ, которыми полна душа Вари! Моя собственная душа—это какая-то буря, какое-то сплошное возстаніе наперекоръ судьбѣ. Я хожу всѣ эти дни злая и негодующая и пишу такіе же злые, негодующіе стихи. Я злюсь на все: и на бурю, и на вѣтеръ, и на бунтующую рѣку, которая не подпускаетъ меня теперь къ себѣ, злюсь, что мнѣ нельзя вскочить въ лодку и уплыть далеко, какъ рѣчная царевна моихъ радужныхъ грезъ, нельзя выскочить подъ дождь и бурей пронестись по лѣсу.

Ахъ, какъ тоскуетъ по милой природѣ моя бунтующая душа! Но больше всего злюсь на Большого Джона, рѣшившаго уѣхать черезъ нѣсколько дней въ Америку. Его затѣя мнѣ кажется нелѣпой, почти смѣшной. Я эгоистка и не хочу терять друга изъ-за какихъ-то идей...

А дожди льютъ непрерывно. Ливнями разрыло дорогу, и мыза «Конкордія», чуть приподнятая надъ окрестностями, теперь кажется островкомъ.

* * *

Второе августа... Вечеръ... Всюду зажжены лампы. На улицѣ темень, слякоть и дождь — непрерывный, монотонный, однозвучный... И издали доносится гомонъ бунтующей рѣки...

Въ нижнемъ этажѣ, у нашихъ, гости. Играютъ въ карты, разсказываютъ новости. Мама-Нэлли два раза присылала за мною, но я категорически отказалась сойти внизъ, ссылаясь на головную боль. Терпѣть не могу чинно сидѣть въ гостиной и изображать свѣтскую барышню, говорить о погодѣ и о томъ, какъ не по днямъ, а по часамъ, дорожаетъ мясо, и что бѣглую партію ссыльныхъ водворили въ тюрьму... Не люблю выслушивать похвалы моимъ стихамъ и прозѣ (которыхъ никто не читалъ, но о которыхъ мама-Нэлли разсказала здѣшнимъ барышнямъ и дамамъ), и о томъ, что я правлю лодкой и гребу, какъ рыбацкій мальчишка, тоже не люблю распространяться. Идти внизъ и выслушивать сладенькіе комплименты моей «особенности» — благодарю покорно! Ужъ лучше посидѣть тутъ.

Какъ уютно и тепло въ большой дѣтской! За круглымъ столомъ разсѣлись мы, дѣвушки: Эльза, Варя и я съ дѣтворою. Варя дошиваетъ воздухъ-пелену къ

иконѣ Казанской; Эльза рисуетъ для Ниночки голову лошади, больше, впрочемъ, похожую на свиную; я забавляю мальчугановъ.

Мой репертуаръ скоро изсякаетъ сегодня. Я уже показала и «зайчика», и «молящуюся монашенку» на тѣни, и обыграла ихъ въ шашки, и разсказала сказку про царевну Бурю, въ одинъ мигъ создавшуюся въ моей головѣ, и снова заговорила о дикаряхъ Америки, къ которымъ направляется Большой Джонъ съ Левкой.

— Это нехорошо, что онъ уѣзжаетъ... Нехорошо, что оставляетъ отца, сестеръ и друзей... Гдѣ же тутъ братское чувство, привязанность, дружба?—говорю я съ глухимъ раздраженіемъ противъ Джона.

— Онъ человѣкъ идеи. Его влечетъ задача сдѣлать разумными существами людей-животныхъ!.. — возражаетъ Варя.

— Чепуха!.. Это высшій эгоизмъ! — протестую я снова. — Просто онъ желаетъ заставить о себѣ говорить весь міръ!

И глухое чувство негодованія къ поступку Большого Джона заливаетъ мою душу темной волной.

— Ахъ, вы не знаете его! — восклицаетъ по-французски до сихъ поръ молчавшая, маленькая Эльза. — Это такой человѣкъ, такой...—и она смолкаетъ внезапно.

— Если онъ «такой», такъ и сидѣлъ бы дома... Всѣмъ намъ онъ здѣсь нужнѣе, нежели какимъ-то ди-

карямъ. Миссіонеръ-проповѣдникъ въ 24 года! Смѣхъ! Просто не можетъ спокойно посидѣть на мѣстѣ, бродячая, кочевая душа.

Я выговариваю злыя слова злымъ голосомъ. Я, дѣйствительно, злюсь и негодую. Еще бы! Весь маленькій Ш. привыкъ къ доброму волшебнику, между тѣмъ онъ насъ покидаетъ. А я сама? Я не могу себѣ представить, что не придется дѣлиться моими радостями и невзгодами съ Большимъ Джономъ, моимъ другомъ, такимъ мудрымъ и духовно красивымъ, съ такой дѣтски-чистой, огромной душой...

А темная, злая сила все шире и шире разрастается въ моей груди...

* * *

— «Царица» утонула въ Ладогѣ!.. Пошла ко дну!.. Маленькая лодочка съ людьми, какъ щепка, носится по рѣкѣ... Ее выкинуло въ Неву... Народъ собрался у фабричной пристани... Лодка борется какъ разъ близъ нея...

Даша, только что сообщившая намъ эту новость, красная отъ возбужденія, отчаянно жестикулируетъ, остановившись на порогѣ дѣтской. И глаза у нея прыгаютъ отъ возбужденія и любопытства.

— «Царица»? Большой мачтовый пароходъ? Пошелъ ко дну? Не можетъ быть! — вырывается у насъ испуганными, изумленными возгласами.

— Ну, да... да... Слышали, съ маяка были сигналы?.. Выстрѣлы были весь вечеръ... Команда и пассажиры успѣли вскочить въ лодку... Мечутся сейчасъ по Невѣ... Крушеніе произошло чуть ли не у самаго устья... Вся фабрика на берегу. Говорятъ, лодку прибиваетъ къ пристани, да водоворотъ здѣсь въ порогахъ тормозитъ дѣло.

Даша задыхается, спѣша передать потрясающую новость. Дѣти волнуются. Варя и Эльза блѣднѣютъ.

— Тамъ люди гибнутъ! Это ужасно!—срывается съ устъ послѣдней, и она тихонько шепчетъ молитву.

— Вы говорите, противъ фабрики, Даша? Но у нихъ же есть катеръ?—срывается у меня.

— Ну, да... Катеръ есть... Но охотниковъ на вѣрную смерть мало... Волны, что въ морѣ, агромадныя... Совсѣмъ разгулялась наша Нева... Директорскій сынъ вызываетъ охотниковъ плыть за лодкой, да никто не рѣшается пока.

— Что?! Большой Джонъ?

Я выкрикиваю эту фразу во весь голосъ и сама чувствую, что блѣднѣю, какъ полотно.

— Сейчасъ сторожъ Ѳедотъ оттуда... Говоритъ, молодой баринъ фабричныхъ подговариваетъ снаряжать катеръ. А если, говоритъ, вы не согласны, я одинъ поѣду на своей душегубкѣ и по два человѣка всѣхъ перевезу на берегъ...—продолжаетъ разсказывать Даша.

— Онъ это говорилъ?! Онъ, Большой Джонъ?!

Мое сердце колотится такъ сильно, что вотъ-вотъ

разорветъ оно грудную клѣтку и выскочитъ изъ груди.

— Большой Джонъ самъ плыветъ спасать погибающихъ на своей душегубкѣ? Вы это знаете навѣрное, Даша? Да? Да? Да?

Но что-то внутри меня отвѣчаетъ за дѣвушку:

— «Большой Джонъ не былъ бы Большимъ Джономъ, если бы онъ этого не сдѣлалъ. Какой же здѣсь можетъ быть иной отвѣтъ?»

Что-то переворачивается въ моей груди, тяжелое и огромное, какъ камень. Острая до боли, ясно представляется потрясающая картина. Маленькая, хрупкая, какъ скорлупа, лодчонка и въ ней высокій человѣкъ среди бурно закипающихъ сѣдыхъ валовъ...

Нѣтъ! Нѣтъ! Этого нельзя допустить! Невозможно! Его надо отговорить во что бы то ни стало... О, Большой Джонъ!

Что-то закипаетъ во мнѣ... Что-то повелѣваетъ помимо моей воли мною.

— Плащъ, калоши и зонтикъ!.. Даша, вы пойдете со мною!—кричу я и, въ одномъ платьѣ, минуя лѣстницу, прыгая черезъ три ступени, выскакиваю на крыльцо...

* * *

Не знаю, чьи руки накинули на меня резиновый плащъ съ капюшономъ, кто развернулъ зонтикъ надъ моей головой, кто сунулъ подъ мои ноги низенькія калоши, кто свѣтилъ мнѣ маленькимъ ручнымъ фонаремъ,

поминутно гаснувшимъ въ пути, и чей голосъ шепталъ мнѣ вслѣдъ испуганнымъ звукомъ:

— Вернитесь, барышня, вернитесь! Какъ бы баринъ съ барыней не осерчали!

Ахъ, развѣ я могла вернуться, когда тамъ, впереди, собирался идти на вѣрную гибель мой большой другъ?

Дождь хлещетъ теперь съ удвоенной силой. Большимъ и широкимъ ручьемъ кажется дорога къ предмѣстью. Мои ноги и ноги моей спутницы тяжело хлопаютъ по водѣ. Жалобнѣе скрипятъ стволами деревья по краямъ дороги. Въ черныя тучи прячется небо, скрывшее звѣзды, мѣсяцъ, все прекрасное тамъ, въ вышинѣ.

Мы бѣжимъ такъ быстро, какъ только хватаетъ силы.

— Надо поспѣть... туда, къ фабрикѣ, на пристань... Надо не допустить этого безумія... Надо удержать, во что бы то ни стало, Большого Джона,—сверлитъ, пытая меня, мою душу, мозгъ и сердце, все та же неотвязная мысль.

И я прибавляю шагу съ каждой минутой, съ каждой секундой.

Вотъ и бѣлыя стѣны фабрики... Вотъ и черная, мокрая, скользкая пристань... И огромная толпа на берегу и на пристани.

Что такое!?

Люди кричатъ, размахивая руками, указывая по на-

правленію бушующей рѣчной стихіи... Но ихъ голоса покрываетъ страшный вой, вой грозящей выступить изъ береговъ и затопить городъ рѣки.

— Гдѣ господинъ Вилькангъ? Гдѣ господинъ Вилькангъ? Гдѣ молодой баринъ? — кричу я ближайшей группѣ фабричныхъ, напрягая всѣ силы своего голоса, который кажется жалкимъ цыплячьимъ пискомъ въ общемъ хаосѣ звуковъ, стона и грохота обезумѣвшей въ своемъ звѣрствѣ стихіи.

Меня не слышатъ, не отвѣчаютъ, продолжая галдѣть свое, указывая на рѣку, размахивая руками.

— Тамъ баринъ Вилькангъ. Тамъ.

— О!..

Я сжимаю руками горло, чтобы не вырвался изъ груди моей жуткій потрясающій стонъ.

— Опоздали! Мы опоздали! Онъ уже уплылъ на своей душегубкѣ!

На рѣкѣ черно, какъ въ могилѣ, и только сѣдыя волны бѣлѣютъ остро во тьмѣ... Тотъ же вой... Тѣ же всплески... И изрѣдка человѣческіе крики, доносящіеся призывно съ середины рѣки...

Я сажусь на мокрый камень и слушаю, какъ во снѣ, отрывки людскихъ разговоровъ.

— Ни за что не хотѣлъ слушать... Уговаривали — куда тутъ... Вскочилъ въ свою душегубку... Эхъ, Иванъ Ивановичъ!.. Молодъ-зеленъ, душа терпѣть не умѣетъ... Пропадать тебѣ, видно. Ни за грошъ пропадать.

— Кому пропадать? Зачѣмъ?—неясно колышетъ мой мозгъ туманная мысль. — Ахъ, да, Большой Джонъ. На рѣкѣ... О немъ говорятъ эти люди. Зачѣмъ, зачѣмъ мы не отговорили его, зачѣмъ пришли такъ поздно?!..

* * *

Кто это рыдаетъ около меня? Кто стоитъ подлѣ такъ близко?

Это Алиса Вилькангъ и Елена—двѣ гордыя дѣвушки, всегда нѣсколько пренебрежительно относившіяся ко мнѣ. Зачѣмъ онѣ плачутъ? Или уже поздно, и то страшное, роковое уже свершилось съ ихъ братомъ? Ужасъ! Ужасъ!

Всегда гладенько причесанныя, корректныя и тихоспокойныя, «невозмутимыя альбіонки», какъ я ихъ мысленно окрестила, теперь онѣ такъ доступны, понятны моей душѣ съ ихъ человѣческимъ страданіемъ, съ ихъ отчаяніемъ и любовью къ старшему брату.

— О, Джонъ! Джонъ! Безумный, несчастный, милый!—рыдаютъ онѣ срывающимся голосомъ, произнося слова по-англійски, потрясенныя, несчастныя, испуганныя на смерть.

Ихъ отецъ, вмѣстѣ съ толстенькимъ Беномъ и длиннымъ Джоржемъ, мечутся по берегу, умоляя фабричныхъ снарядить катеръ.

Директоръ, обычно важный и недосягаемо-величавый, теперь жалокъ и несчастенъ, какъ и его дочери. Это—

печальный, убитый горемъ отецъ, изнывающій отъ страха за жизнь сына.

— Верните его! Верните! — срывается съ устъ этого высокаго, сѣдого старика, похожаго на стариннаго лорда.

Но фабричные нерѣшительно мнутся на мѣстѣ. Снарядить катеръ, чтобы погибнуть въ бушующихъ волнахъ!.. У каждаго изъ нихъ дома семья, дѣти. Нельзя жертвовать жизнью. Это безуміе. Нельзя.

Вдругъ заколыхалась огромная толпа, и изъ нея выступаетъ Наумскій съ частью своей команды.

— Баринъ! Ваше высокородіе, не сумлѣвайтесь! — говоритъ онъ хриплымъ басомъ.—Мы на катерѣ поплывемъ, вели готовить катеръ. Онъ, Иванъ Ивановичъ то-есть, многихъ изъ насъ человѣками сдѣлалъ, на фабрику опредѣлилъ, помогъ многимъ... Такъ ужели же не помочь ему, родимому, дать погибнуть? Да что мы звѣри, либо люди? Готовьтесь, братцы! Кто за мною? Либо на жизнь, либо на смерть!

— Я, дядя Наумскій!

— Я за тобою!

— Терять нечего, возьмите и меня!

И вотъ тонкій, еще дѣтскій голосъ покрываетъ всѣ остальные.

— А меня, староста, что же забылъ?

Это Левка, Богъ вѣсть гдѣ пропадавшій весь вечеръ и появившійся только сейчасъ на берегу.

— Ладно, паря, коли такъ, послужи своему благодѣтелю тоже...

И толпа ссыльныхъ бросается къ рѣкѣ. Минута, двѣ — и уже всѣ суетятся у катера, стараясь подвести его къ пристани. Уже катеръ прыгаетъ на волнахъ. Въ полумракѣ суетятся. Младшія сестры Джона бѣгаютъ съ распущенными мокрыми волосами и кричатъ, и плачутъ, простирая руки къ Невѣ.

— Джонъ! Джонъ! Милый!

Внезапно отчаянный вопль, острымъ, мучительнымъ звукомъ покрывая стихійный гулъ бури, повисъ надъ рѣкою...

Голосъ Большого Джона. Его вопль. Его призывный, мучительный крикъ. И чей-то отвѣтный стонъ съ берега. Крикъ, полный ужаса, отчаянія и горя.

— Поздно! Душегубка перевернулась! Поздно теперь

* * *

Какой-то жуткій черный кошмаръ окуталъ толпу на берегу, какое-то оцѣпенѣніе. Люди не метались и не кричали больше. Во тьмѣ не видно было рѣки. Но чувствовалось, что свершилось что-то непоправимое, страшное, отъ чего пахнуло смертью. Гибель пронеслась въ мокромъ воздухѣ. Чья-то смерть пролетѣла надъ головами толпы.

Гребцы на катерѣ работали изступленно... Люди выбивались изъ силъ, спѣша къ человѣку, который бился, погибая въ борьбѣ съ рѣкой...

Окаменѣвъ, безъ движенія, съ глазами, пронизывающими толпу, безъ воли, безъ чувствъ и желаній, вся одно сплошное ожиданіе, я сижу на камнѣ... Я ничего не вижу кругомъ... Вся душа ушла въ зрѣніе, которое ничего не видитъ. На моихъ колѣняхъ чья-то мокрая отъ дождя голова...

Это Молли—подруга сестеръ Большого Джона, другъ дѣтства молодого Вильканга. Почему такъ рыдаетъ она, эта надменная дѣвушка, горделиво рѣзавшая меня еще такъ недавно?.. Она пришла сюда раздѣлить свое горе съ моимъ?

Да полно, горе ли? Быть не можетъ, чтобы онъ погибъ, такой свѣтлый, ликующій, мудрый и честный!

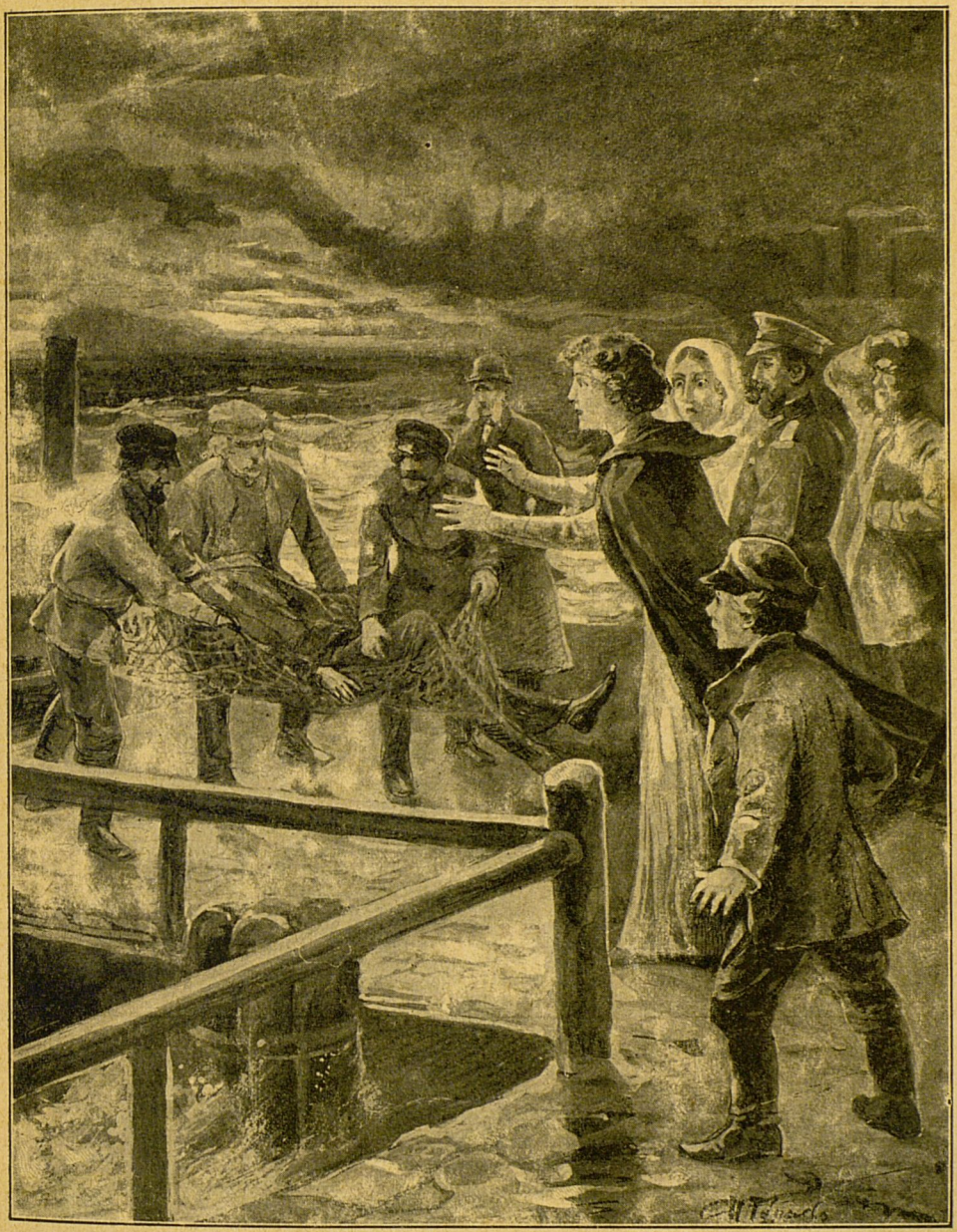
А цѣпенѣющее ожиданіе все длится, длится... Глуше ропщетъ рѣка въ сѣромъ разсвѣтѣ. Послѣдній даетъ новый колоритъ потрясающей картинѣ... Постепенно расплывается черная муть ночи... Брезжетъ утро... Въ сѣромъ туманѣ возвращается катеръ. Что-то тяжелое и большое распростерто по серединѣ его.

Неводъ! Зачѣмъ неводъ?

Я подхожу къ борту пристани въ ту самую минуту, когда толпа людей, поднявъ то большое и черное, что запутано въ сѣти, раскачиваетъ его за два конца.

— Большой Джонъ! — кричу я не своимъ голосомъ, и кровь леденѣетъ въ моихъ жилахъ.

На мгновенье я вижу сквозь мокрую сѣть блѣдное неподвижное лицо со стеклянными, широко раскрытыми



— Большой Джонъ!—кричу я не своимъ голосомъ..

глазами и раскрытый ротъ въ неподвижной мертвой улыбкѣ... Это все, что осталось отъ моего друга, еще нѣсколько часовъ тому назадъ живого, добраго и веселаго!

— Большой Джонъ! Большой Джонъ! — повторяю я тихо, стономъ, и почва медленно выскальзываетъ изъ-подъ моихъ ногъ...

Чей-то крикъ, похожій на стонъ бури, чье-то рыданіе, потрясающее толпу... Затѣмъ склоненныя надо мною, озабоченныя лица «Солнышка» и мамы-Нэлли, — это является послѣднимъ проблескомъ въ моей помутившейся головѣ.

Я безъ слезъ и жалобъ даю увести себя, доставить домой и уложить въ постель. Я дрожу съ головы до ногъ мелкой дрожью, но мнѣ не холодно. Что-то безгранично тяжелое придавило душу.

— «Опоздала! Опоздала! Не успѣла отговорить!» — выстукиваютъ одно и то же въ виски, въ сердце и въ темя маленькіе сверлящіе молоточки, сотрясающіе душу и мозгъ.

Эльза горько рыдаетъ въ своей постели. Она не вѣритъ, что Большой Джонъ погибъ. Но онъ погибъ— это несомнѣнно. Душегубка опрокинулась въ ту минуту, когда катеръ благополучно доставилъ къ противоположному берегу Невы спасшихся пловцовъ. Душегубка же перевернулась, и Большой Джонъ пошелъ ко дну... Теченіемъ не отнесло его къ порогамъ, такъ какъ Наумскій успѣлъ забросить захваченную въ катерѣ рыболовную

сѣть. И въ ней его доставили на берегъ, уже безъ признаковъ жизни...

И не стало на землѣ прекраснаго Большого Джона...

Бѣдный другъ! Какъ могла я считать тебя безпечнымъ и веселымъ кочевникомъ, цыганской бродячей натурой,—тебя, отдавшаго жизнь за другихъ! Какъ могла я не понять тебя, самоотверженнаго, погибшаго во славу любви къ ближнимъ!..

Тупое раскаяніе гложетъ меня... Я страдаю безъ слезъ той невыносимой мукой утраты, которой ничто не можетъ помочь.

* * *

Буря отбушевала и умолкла... Страшная стихія, проглотившая жертву, затихла, точно удовлетворенная ею...

Послѣ ужасной ночной катастрофы водворился штиль на рѣкѣ и озерѣ. Снова улыбнулось золотое солнце, снова засверкали голубыя небеса, снова знойно засіяло лѣто, и красивый царственный августъ сулилъ, повидимому, теплые дни.

Большой Джонъ лежалъ въ гробу, въ маленькой часовнѣ, среди умирающихъ лилій и туберозъ.

Обезумѣвшіе отъ горя отецъ и сестры рѣшили везти его тѣло въ Петербургъ, гдѣ на англиканскомъ кладбищѣ былъ фамильный склепъ семьи Вилькангъ.

* * *

Эльза ѣздила на похороны и вернулась, чуть живая отъ горя.

Мои родители были тамъ тоже. А я не могла. Большой Джонъ, прости меня, мудрый и свѣтлый, за то, что, желая запечатлѣть твой образъ такимъ, какимъ онъ былъ для меня, не хочу разрушить его обаянія новымъ впечатлѣніемъ, которое получится отъ мертваго Джона. Прости, дорогой братъ и товарищъ!.. Я вѣчно буду молиться за тебя... И помнить, вѣчно помнить такимъ, какимъ я тебя знала: добрымъ, мудрымъ, веселымъ, исполненнымъ радости и жажды жизни...

* * *

Золотое солнце горитъ надъ маленькимъ городомъ. Синее небо голубѣетъ ясно. Мечутся по нему бѣлые кораблики облаковъ; чиликаютъ птицы, предчувствуя скорое прощаніе съ лѣтомъ. Синѣютъ сосновые лѣса, и ропщетъ вѣчно глухое сказаніе — огромная, какъ море, Ладога.

Я и Левка идемъ на кладбищенскую гору и молчимъ. Молчимъ и думаемъ, каждый порознь, о Большомъ Джонѣ.

— Онъ любилъ на фабрикѣ собственноручно пускать въ ходъ машину,—неожиданно срывается у Левки, похудѣвшаго до неузнаваемости со дня гибели Большого Джона.

— Онъ хотѣлъ отдать свой трудъ, свой мозгъ, свое

сердце людямъ тамъ, далеко-далеко, и отдалъ здѣсь за другихъ самую жизнь! — говорю я, глядя въ голубыя небеса.

Левка валится на песокъ и беззвучно рыдаетъ. Я вижу, какъ сотрясается тѣло мальчика, какъ вздрагиваютъ его широкія плечи.

Счастливецъ Левка, онъ можетъ плакать. А вотъ моя душа замерла отъ горя, и цѣпенѣетъ и молча тоскуетъ сердце — и нѣтъ слезъ въ моемъ угнетенномъ печалью существѣ...

Приходить на кладбищенскую гору и вслухъ думать о Джонѣ — для насъ съ Левкой потребность. Однажды Левка явился сюда и началъ прямо, безъ обиняковъ:

— Барышня Алиса вернулась изъ Питера, позвала къ себѣ и сказала: «оставайся у насъ, Левка; тебя покойный Джонъ какъ брата берегъ, и мы беречь будемъ», обняла и заплакала. Остаться? Ты что думаешь? А?

— Останься. Она сдержитъ слово. Тебѣ будетъ хорошо, — говорю я послѣ минутнаго раздумья.

Вечеромъ отправляюсь къ семьѣ Вилькангъ. Въ первый разъ послѣ того жуткаго, что такъ жестоко ворвалось въ нашу жизнь, я подхожу къ бѣлой фабрикѣ, и сердце мое рвется отъ тоски. Какъ тихо и печально у нихъ въ домѣ! Шесть блѣдныхъ дѣвушекъ въ черныхъ платьяхъ молча встрѣчаютъ меня и жмутъ мою руку у порога дома. Какая скорбь въ ихъ глазахъ... Сколько тоски въ вы-

мученныхъ улыбкахъ... Сидимъ и молчимъ, глядя черезъ открытыя окна въ садъ.

— У насъ есть что-то передать вамъ,—говоритъ старшая, Елена, выходитъ на минуту изъ комнаты и приноситъ небольшой, обвитый крепомъ по рамкѣ, портретъ.

Какъ живо глядитъ на меня бодрое, жизнерадостное и свѣтло улыбающееся лицо Большого Джона. Его ястребиные глаза, его крошечная головка на широкихъ плечахъ атлета.

Алиса, тихо плача, говоритъ:

— Мы знали, что вамъ это будетъ пріятно и пересняли съ его фотографіи для васъ...

О, милыя дѣвушки, спасибо! И я могла когда-то васъ презирать!..

Слезы мгновенно обжигаютъ мнѣ грудь, глаза и горло — желанныя слезы. Наконецъ-то вы пришли! Мы рыдаемъ всѣ вмѣстѣ, какъ близкія, какъ сестры, и раздѣленное горе мягчитъ печаль.

Уходя, я благодарю за Левку.

— Какъ вы добры! — шепчу я, пожимая холодные пальцы дѣвушки.

— Нашъ Джонъ желаетъ этого, я слышу его волю съ неба, — отвѣчаетъ она съ подкупающей простотой.

* * *

Сѣрые дни тянутся тоскливо. Я брожу по лѣсу, катаюсь по рѣкѣ въ лодкѣ и жадно ловлю первые

признаки увяданія природы... Листья падаютъ и кружатся по вѣтру. Скупѣе ласкаютъ землю солнечные лучи. Осень дышитъ первымъ легкимъ дыханіемъ и въ золотисто-багряной мантіи вступаетъ на землю.

Сентябрь сухъ и холоденъ въ этомъ году. Въ длинные вечера «Солнышко» собираетъ насъ вокругъ круглаго стола въ гостиной и, подъ аккомпанементъ вѣтра, читаетъ «Мертвыя души». Но геніальный юморъ Гоголя трогаетъ меня мало теперь... Большого Джона нѣтъ съ нами... Большой Джонъ въ могилѣ... Все та же мысль... все та же...

Я не могу, не въ состояніи его забыть... Его высокая фигура съ маленькою головою, съ улыбающимся, всегда жизнерадостнымъ лицомъ, постоянно стоитъ передъ моимъ взоромъ... Я точно вижу его, и мнѣ не вѣрится, что никогда, никогда намъ не суждено больше услышать изъ его устъ милыя слова:

— Что, маленькая русалочка, опять взгрустнули?..

* * *

Черезъ недѣлю мы переѣзжаемъ съ мызы, переселяемся въ самый Ш. на городскую квартиру. Начнется зима, тоскливая, мертвая, въ тихомъ, пустынномъ городкѣ, гдѣ нѣтъ ни библіотекъ, ни театровъ, гдѣ сообщеніе со станціей производится на лошадяхъ: 60 верстъ лѣсомъ на взмыленной тройкѣ. И рѣка замерзнетъ, и занесетъ снѣгомъ окрестные лѣса.

Я вижу по лицамъ окружающихъ, что и имъ зимнее время не сулитъ особыхъ радостей. Всѣ ходятъ мрачные, озабоченные и точно чего-то ждутъ.

Мама-Нэлли и «Солнышко» часто шепчутся о чемъ-то и поглядываютъ на меня тревожными глазами. А иногда ихъ губы улыбаются съ робкой надеждой и точно желаютъ что-то важное и значительное сообщить мнѣ. Безусловно здѣсь кроется какая-то тайна.

Я ломаю голову — какая это тайна, спрашиваю „Солнышко“, маму, — но въ отвѣтъ получаю лишь... улыбки.

* * *

Такъ вотъ оно что! Вотъ что скрывалось отъ меня такъ долго и усердно, что ожидалось моими родными съ такой радостью и надеждой!

«Солнышко» получаетъ назначеніе въ Царское Село, въ мое милое Царское, гдѣ подрастала когда-то я,—я, маленькая принцесса изъ Бѣлаго дома.

Мое дорогое Царское! Моя родина! Мой любимый, желанный городъ! Возможно ли, что я снова поселюсь подъ тѣнью твоихъ роскошныхъ парковъ, среди чудесныхъ озеръ, каналовъ, водопадовъ, красивыхъ затѣй, бесѣдокъ и мостиковъ, отъ которыхъ вѣетъ глубокой исторической стариной!

Воспоминанія дѣтства!.. Воскресшая пестрая сказка!.. Радужные сны маленькой принцессы!.. Я переживу васъ

снова! Я, уже семнадцатилѣтняя дѣвушка, я возвращаюсь къ вамъ!

Черезъ двѣ недѣли мы переѣзжаемъ. Самое большее черезъ мѣсяцъ я увижу знакомыя родныя мѣста. Какое счастье! Какая радость!

И впервые со дня смерти Большого Джона глаза мои загораются снова, и слабая улыбка появляется на лицѣ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЫ въ Царскомъ Селѣ.

Моя милая родина, наконецъ-то я снова подъ арками твоихъ тѣнистыхъ садовъ, на берегу красиваго озера, среди мостиковъ и затѣй, въ таинственной глуши очаровательныхъ старинныхъ парковъ!

Непредвидѣнныя случайности замедлили нашъ переѣздъ изъ маленькаго Ш. въ этотъ царственно красивый городокъ, и, вмѣсто начала октября, мы попадаемъ сюда съ первымъ ноябрьскимъ снѣгомъ. Городъ встрѣчаетъ насъ бѣлый и пушистый, блестящій и сверкающій жемчужными сѣтями инея, запорошившаго деревья.

Въ сопровожденіи Эльзы, восторженно ликующая, съ сильно бьющимся сердцемъ, бросаюсь я въ парки.

На каждомъ шагу воспоминанія... Воскресаетъ прошлое... Поднимаются милые призраки давно минувшихъ дней...

Стройныя, прямыя, какъ стрѣлы, аллеи убѣгаютъ въглубь парковъ. По нимъ я бѣгу часъ, другой, третій; мое сердце стучитъ. Эльза едва поспѣваетъ за мною.

Вотъ небольшое прозрачное озеро. Оно уже покрылось легкой ледяной корой. Лѣтомъ здѣсь плаваютъ гордые бѣлые лебеди, которыхъ я такъ часто кормила въ дѣтствѣ. А вотъ и «Голландія» съ ея сторожемъ-матросомъ, разгуливающимъ у входа. Тотъ ли это старый знакомый, у котораго «Солнышко» такъ часто бралъ лодки, чтобы катать по озеру свою маленькую принцессу, или новый, другой?..

Ахъ, какъ много воды утекло за эти долгіе годы!

— Скорѣе! Скорѣе къ Бѣлому дому, Эльза!.. Извозчикъ, на дачу Малиновскаго! — кричу я, вдругъ сразу измѣнившимся голосомъ подзывая возницу.

Мы садимся и ѣдемъ.

Маленькая Эльза, видя мое возбужденное настроеніе, молчитъ, чуткимъ сердцемъ угадывая, что должна я переживать, возвращаясь на старое пепелище.

Безконечное, какъ кажется мнѣ, шоссе приводитъ меня въ отчаяніе. По краямъ шоссе тянутся казармы, дома, казенныя строенія. И бѣлыя, въ жемчужной фатѣ инея, деревья сообщаютъ всему какой-то новый, фантастическій видъ.

— Вотъ, наконецъ-то! Стойте, извозчикъ!

Наскоро плачу я возницѣ и бѣгу по знакомой дорогѣ.

Вотъ Бѣлый домъ, гдѣ живутъ офицерскія семьи

Я смотрю на домъ...

стрѣлковъ, среди которыхъ я такъ веселилась въ дѣтствѣ. Вотъ домикъ-флигель, гдѣ жили мои друзья — Леля, Анюта, Боба и Коля *). А вотъ и...

Мое сердце вздрагиваетъ и замираетъ... Передо мною «нашъ» домъ съ палисадникомъ... «Мой» домъ и «мой» милый прудъ, «моя» рощица, «гигантки»... Все, все по-старому, только все это сейчасъ кажется мнѣ такимъ маленькимъ, такимъ мизернымъ... Или это лишь потому, что сама я выросла за эти годы?..

Въ «моемъ» домѣ живутъ чужіе. У окна сидитъ какой-то сѣдой дѣдушка съ книгой. По саду бѣгаютъ дѣтишки.

Я бросаюсь къ пруду и, ставъ подъ защиту старой корявой ивы, на которую часто влѣзала въ дѣтствѣ, прячась въ ея пушистыхъ вѣтвяхъ, теперь бѣлыхъ отъ снѣга, смотрю на домъ затуманенными глазами. И кажется мнѣ, что вотъ-вотъ высунется въ форточку знакомое, милое лицо тети Лизы, одной изъ четырехъ «моихъ фей», и знакомый голосъ крикнетъ:

— «Иди домой. Холодно, Лидюша...»

Воспоминанія такъ цѣпко охватываютъ меня, что я невольно переселяюсь въ прошлое. Я снова маленькая Лидюша, воображающая себя принцессой, обожаемая отцомъ и четырьмя воспитательницами, сестрами моей матери. То радостныя, то печальныя картины проплываютъ въ моей головѣ...

---

*) См. повѣсть «За что?»

Я стою подъ старой ивой до тѣхъ поръ, пока не коченѣютъ мои озябшія ноги и плаксивый голосъ Эльзы не будитъ меня:

— Allons, allons, m-elle Lydie.

И я просыпаюсь...

«Мой» домъ—уже не мой больше... Четыре добрыя феи-тети за эти семь лѣтъ сошли, одна за другой, въ могилу и лежатъ зарытыя на кладбищѣ, глубоко въ землѣ... И маленькой принцессы изъ Бѣлаго дома уже не существуетъ больше... Есть молодая особа, Лида Воронская, уже столкнувшаяся съ первыми жестокими утратами, потерявшая свои прежніе дѣтскіе, золотые сны...

— Идемъ же домой, идемъ, Эльза...

* * *

Наша жизнь очень измѣнилась со дня переѣзда изъ Ш. Тамъ мы жили тихо, скромно; здѣсь же, въ Царскомъ, положеніе отца требуетъ вести жизнь болѣе открытую. «Солнышко» и мама-Нэлли заводятъ знакомыхъ изъ важныхъ, аристократическихъ жителей Царскаго Села. На конюшнѣ у насъ появляются лошади, въ сараѣ экипажи. Съ лошадьми живетъ старый бородатый козелъ Сенька, предметъ ужаса всего женскаго населенія дома; особенно, какъ огня, боятся его Эльза и Даша. И когда кучеръ Иванъ выпускаетъ Сеньку прогуляться по двору, Эльза, взвизгивая не своимъ голосомъ, бѣжитъ въ домъ:

— Ah, ce monstre! Il est là! Il est là!

Казенный домъ, гдѣ мы поселились, омеблированъ нарядно, почти роскошно. Передъ окнами залы — небольшой прудъ, и шипящій, брызжущій водопадъ прыгаетъ день и ночь по мокрымъ каменьямъ. На кухнѣ готовитъ поваръ, замѣнившій кухарку. Въ комнатахъ — высокій выѣздной лакей Михайла, безшумно шаркая подошвами, тѣнью скользитъ по пушистымъ коврамъ.

Моя комната выходитъ на улицу, и это грустно. Я не вижу природы изъ окна.

Мама-Нэлли постоянно о чемъ-то таинственно совѣщается съ портнихой. Я предчувствую неотвратимую бѣду: придется «выѣзжать въ свѣтъ». О, что можетъ быть хуже этого несчастія! Съ нимъ связано все самое ужасное въ моихъ глазахъ. Нарядныя тѣсныя платья, неумолкаемая французская трескотня, манеры «кисейной барышни» и почтительные, строго выдержанные разговоры въ обществѣ. О, какая это скука! Какая тоска! Слава Богу, что наши выѣздные костюмы еще не готовы.

Цѣлые дни я съ дѣтьми, Варей и Эльзой провожу въ паркѣ, а вечеромъ пишу стихи и наброски. Здѣсь, на моей родинѣ, подъ наплывомъ острыхъ воспоминаній, они льются изъ души моей свободно и легко. И каждую ночь, ложась въ постель съ затуманенной образами головою, съ неулегшимся еще приливомъ вдохновенія, я говорю сама себѣ:

— Что-то случится завтра? Неужели нельзя будетъ

работать, какъ нынче, какъ вчера? И злосчастная портниха принесетъ ихъ наконецъ, эти ужасные наряды?.. И неужели же завтра меня, рабу Божію, повезутъ, какъ узницу, напоказъ свѣтской толпѣ?..

* * *

О, злосчастный день! Онъ наступилъ-таки въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ мои усердныя мольбы...

— Завтра мы ѣдемъ съ визитами, Lydie, — сказала мнѣ мама-Нэлли наканунѣ.

Полъ-ночи я не спала, конечно, а вторую половину грезила какими-то кошмарными снами, въ которыхъ «визиты» являлись одухотворенными маленькими существами въ видѣ крошечныхъ гномовъ, добросовѣстно колотившихъ меня своими молоточками. Благодарю покорно за такое угощеніе...

Утромъ, едва успѣвъ умыться и причесаться, я бросилась къ своему письменному столу и, хватаясь какъ утопающій за соломинку, начертала на листѣ почтовой бумаги дрожащей отъ волненія рукой:

Я готова Пиѳагора
И Евклида вновь зубрить,
Рѣки всего свѣта, горы
Вновь готова повторить.
Все я выучу усердно,
Если будемъ послѣ квиты...
Мама! Будьте милосердны
И избавьте отъ визитовъ.

Вкладываю стихи въ конвертъ, надписываю адресъ и звоню Дашу.

— Вотъ, милая, снесите мамѣ.

А сама замираю отъ ожиданія. Авось стихи возымѣютъ свое дѣйствіе, и я спасена!

Какъ долго тянется, однако, время. Минуты идутъ, а Даша не возвращается съ отвѣтомъ.

Наконецъ-то легкіе шаги.

Ахъ, это сама мама-Нэлли.

— Ну, что?—безъ словъ говоритъ мое лицо, и руки тянутся съ мольбой ей навстрѣчу.

Ея сѣрые глаза загораются искорками юмора, и губы дрожатъ улыбкой.

— Увы, Lydie! — говоритъ она съ этимъ своимъ обаятельнымъ смѣхомъ, отъ котораго дрожитъ все ея красивое молодое лицо. — Увы! Ѣхать съ визитами мы должны, моя дѣвочка, все-таки... хотя стихи твои очень милы, и я ихъ спрячу на память отъ тебя.

Все пропало! Рѣшительно все!

* * *

Широкія сани съ медвѣжьей полостью, съ огромнымъ Михайлой на запяткахъ, уносятъ насъ по молодой еще снѣжной дорогѣ къ лучшимъ кварталамъ города. На мнѣ и мамѣ-Нэлли нарядныя ротонды съ пушистымъ мѣхомъ и красивыя «выѣздныя» шляпы. Подъ моей шубой изъ мѣха тибетской козы — ловко сшитое сизое

платье, отдѣланное бѣлымъ сукномъ. Красивое платье. Но мнѣ не нравится этотъ слишкомъ модный покрой. Если бы это зависѣло отъ меня, я бы носила греческія туники, свободныя, легкія, не стѣсняющія движеній, или римскія тоги, свободно и пышно драпирующія фигуру...

Нашъ первый визитъ къ баронессѣ Фрункъ, женѣ начальника города.

Сани останавливаются у роскошнаго подъѣзда. Въ большомъ вестибюлѣ два лакея бережно разоблачаютъ насъ. Въ высокомъ трюмо отражается на мгновеніе моя тонкая, высокая фигура, сизое съ бѣлымъ, нелѣпое, какъ мнѣ кажется, платье и кудрявая голова съ мальчишескимъ лицомъ.

Пожилая, сѣдѣющая, маленькаго роста, но важнаго вида дама встрѣчаетъ насъ посреди гостиной.

— Toujours belle et posée! — любезно обращается баронесса Фрункъ къ мамѣ-Нэлли. Потомъ, слегка сжимая мою руку и повернувшись къ лакею, приказываетъ кратко:

— Попросите сюда молодую баронессу.

Гдѣ-то, черезъ двѣ комнаты, лаетъ собака. Затѣмъ раздаются легкіе шаги по коврамъ и тонкій шелестъ шелковыхъ юбокъ.

— Вотъ познакомьтесь. Вы сверстницы и, конечно, подружитесь, — произноситъ пожилая дама.

Баронесса Татя красива той картинной спокойной

красотой, которую такъ любятъ изображать художники старинныхъ гравюръ. Вся она прямая, какъ стрѣлка, свѣжая и розовая.

Съ нею входитъ старая англичанка. Татя крѣпко жметъ мою руку и низко присѣдаетъ передъ мамой-Нэлли.

Батюшки мои! А я-то и не «окунулась» передъ ея матерью! Какое непростительное упущеніе!

— Вы учились въ институтѣ?—чинно освѣдомляется Татя, сложивъ на колѣняхъ свои нѣжныя ручки, съ тонко отполированными ногтями. — У васъ было тамъ много подругъ?

Юная баронесса Татя такъ исключительно безупречно корректна, такъ увѣрена въ себѣ, въ своемъ тактѣ, такъ спокойна, что мнѣ безконечно захотѣлось вдругъ заставить на мигъ выглянуть изъ этой свѣтской скорлупки настоящую живую Татю, какая она есть на самомъ дѣлѣ, «всамомдѣлешняя», какъ у насъ говорилось въ институтѣ. Что, если отвѣтить на ея вопросъ «по-своему», напримѣръ, «да, подругъ у меня была цѣлая куча» или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Ого! Было бы на что полюбоваться! Я мысленно разражаюсь смѣхомъ, и необузданная шаловливость овладѣваетъ мною.

Но глаза мамы-Нэлли вскользь останавливаются на моемъ лицѣ, и, сдержавъ себя черезъ силу, я «замираю»...

— Здѣсь очень весело проводятъ время,—ровнымъ, нѣжнымъ голосомъ говоритъ Татя. — Въ стрѣлковыхъ частяхъ устраиваются танцовальные вечера, на большомъ озерѣ устроенъ катокъ. Мои братья правовѣды будутъ скатывать насъ съ горъ на санкахъ. Очень интересно. Въ особенности вечера...

О, ужасъ! Вечера! Мнѣ предстоятъ еще и вечера! Чинное круженіе подъ музыку и не менѣе чинные разговоры о погодѣ и театрѣ! Всѣ ихъ промѣняю на катанье по рѣкѣ въ лодкѣ или на бѣганье въ лѣсу на лыжахъ. Зато катокъ приходится мнѣ по вкусу.

— На каткѣ у насъ самое избранное общество. Туда пускаютъ исключительно по рекомендаціи,—говоритъ Татя.

Вотъ тебѣ разъ! А я-то мечтала бѣгать взапуски съ братишкой на бѣговыхъ конькахъ!

По дорогѣ къ другимъ знакомымъ мама-Нэлли освѣдомляется у меня:

— Ну, какъ тебѣ понравилась молодая баронесса?

— Она прелестна, — говорю я. — Но... но увы, мамочка, мы съ нею никогда не сойдемся.

— Это очень грустно,—серьезно отвѣчаетъ мнѣ моя молодая мать.

Въ самомъ ли дѣлѣ грустно — не знаю.

* * *

У генерала Петрова три дочери. Онѣ щебечутъ, какъ птички, перебивая одна другую. Это цѣлый концертъ.

Барышни тормошатъ меня, разспрашивая наперерывъ объ институтѣ, о жизни въ Ш., ужасаются пустяками, восторгаются пустяками. Отъ ихъ птичьихъ голосовъ и восторженнаго настроенія въ головѣ получается какой-то винегретъ. И притомъ всѣ трое «съ талантами»: старшая, Нина, рисуетъ, средняя, Зина «артистически» играетъ на роялѣ и младшая, Римма, поетъ.

Нина тотчасъ же приноситъ намъ свои рисунки, толстѣйшій альбомъ съ набросками. Зина садится за рояль и меланхолически играетъ баркароллу Чайковскаго, а Римма поетъ очень мило своимъ птичьимъ голосомъ.

Когда музыка и пѣніе прекращаются, дѣвицы снова окружаютъ меня.

— Вѣдь хорошо? Вамъ нравится? Скажите!

— Прекрасно!—говорю я серьезно и прибавляю съ грустью:—какъ жаль, что у васъ нѣтъ еще четвертой сестры!

— Но почему? Почему?—такъ и всколыхнулись дѣвицы.

— О, она навѣрное станцовала бы намъ что-нибудь! — говорю я простодушно и ловлю на моемъ лицѣ въ тотъ же мигъ предостерегающій взглядъ мамы-Нэлли.

Слава Богу, барышни не поняли моей мысли. Съ тѣмъ же птичьимъ щебетомъ онѣ провожаютъ насъ въ переднюю.

— До свиданья! До свиданья! До свиданья!—поютъ онѣ хоромъ.—Скоро мы увидимся на каткѣ! Скоро!

У меня разболѣлась голова во время этого визита, и я рада-радехонька вырваться на воздухъ. А еще сколько впечатлѣній впереди!.. Бррр!.. Жутко и страшно!

* * *

Въ огромномъ домѣ предводителя тоже три барышни. Сама хозяйка, мадамъ Раздольцева, знала меня ребенкомъ.

Младшая, Дина или Надюша, приводитъ меня положительно въ восторгъ. Она — непосредственна, игрива и смѣла, шаловлива и дерзка подчасъ. Совсѣмъ въ моемъ вкусѣ... Тонкимъ юморомъ звучатъ рѣзкія рѣчи этой миловидной пятнадцатилѣтней дѣвчурки. Старшія сестры то и дѣло останавливаютъ ее.

— У Петровыхъ были?—лукаво прищуривая одинъ глазъ, освѣдомляется она и вдругъ начинаетъ пищать голосомъ младшей изъ трехъ сестричекъ.

— Ахъ, Петербургъ! Ахъ, институтъ! Ахъ, катокъ! Чудесно, прелестно, сладко, какъ мармеладка!

И хохочетъ, взвизгивая на высокихъ ноткахъ. Потомъ вскакиваетъ и козликомъ перебѣгаетъ комнату. Какъ жаль, что она моложе меня и состоитъ еще на положеніи подростка. Вотъ съ нею-то мы бы уже навѣрное сошлись.

Нравится мнѣ и дочь сановника Ягуби, Маша (куда мы ѣдемъ затѣмъ), веселая, жизнерадостная дѣвушка со вздернутымъ носомъ и густой русой косой. Она лю-

битъ природу, весела, мила и простодушна. Заразительно смѣется, показывая то и дѣло ослѣпительные зубы, и бредитъ деревней и троечной ѣздой.

— Сама бы правила тройкой, если бы можно было, да вотъ бѣда—мама боится, — признается она мнѣ съ милымъ простосердечіемъ.

Отъ Ягуби мы ѣдемъ къ Медвѣдеву. Онъ вдовецъ-сенаторъ, живущій на покоѣ. У него четверо дѣтей: одна изъ дочерей смуглая, черноглазая Ларя, молчаливая, задумчивая, углубленная въ себя; вторая—бѣлокурая, кокетливая и легкомысленная, свѣженькая Соня и третья—маленькая Шура, которая еще учится въ гимназіи. Старшій сынъ кончаетъ правовѣдѣніе. Это умный, съ гибкимъ умомъ юноша, очень остроумный и подчасъ злой на языкъ. Его зовутъ Вольдемаромъ.

Больше всѣхъ мнѣ нравятся Ларя и Вольдемаръ. Первая своей поэтичностью, второй забавнымъ юморомъ и весельемъ. Сестры откровенно обожаютъ брата, всѣ трое.

Во время этого визита я устаю отъ массы впечатлѣній до того, что путаю имена и начинаю говорить явную чепуху къ ужасу мамы-Нэлли. По дорогѣ оттуда она подбодряетъ меня.

— Еще одинъ домъ, и все кончено,—говоритъ она и тутъ же прибавляетъ не безъ лукавства:—но этимъ визитомъ, я надѣюсь, ты не останешься недовольна.

Сани берутъ влѣво, выѣзжаютъ на шоссе, и мы

несемся по его снѣжной скатерти нѣсколько минутъ и подкатываемъ къ Бѣлому дому. Высаживаемся, входимъ. Я опомнилась лишь тогда, когда чьи-то нѣжныя руки обвивали мою шею, а ласковый голосъ шепталъ у моего уха:

— Боже мой, Лидочка, какъ выросла! Измѣнилась!

Внѣ себя отъ радости, я обнимаю Марью Александровну Рогодскую, знавшую меня еще ребенкомъ, и замираю на мгновенье въ этомъ тепломъ родственномъ объятіи.

— Дѣвочка моя милая!—говоритъ она ласково, и ея кроткіе каріе глаза улыбаются сквозь слезы.

Мы держимся за руки, смотримъ въ глаза другъ другу и молчимъ... И рой воспоминаній витаетъ между нами. Она вспоминаетъ свою молодость, я—свое дѣтство. И сладки, и длительны эти хорошія, свѣтлыя минуты.

— Бѣдныя тети ваши, дѣточка, какъ рано онѣ покинули васъ!—говоритъ она своимъ милымъ голосомъ и потомъ, помолчавъ съ минуту, прибавляетъ:—а моя Наташа уже учится въ институтѣ.

Затѣмъ говоримъ о старыхъ знакомыхъ—сослуживцахъ и знакомыхъ моего отца. Не осталось почти никого. Сами Рогодскіе переводятся съ новымъ «повышеніемъ» въ другую стрѣлковую часть, здѣсь же въ Царскомъ Селѣ.

— Мы часто будемъ видѣться, не правда-ли?—обра-

щается ко мнѣ Марья Александровна при прощаньѣ и потомъ, цѣлуясь съ мамой-Нэлли, прибавляетъ:

— Вы будете, надѣюсь, отпускать вашу дѣвочку ко мнѣ? У насъ съ нею столько старыхъ воспоминаній!

Я бросаюсь къ ней на шею и цѣлую безъ конца это милое, худенькое лицо.

Потомъ, полуживая отъ усталости, выхожу на подъѣздъ, окидываю глазами знакомый дворъ милой Малиновской дачи и сажусь при помощи Михайлы въ сани.

Медвѣжья полость запахнута. Лошади трогаютъ съ мѣста. Сани скользятъ, а за ними скользитъ и рой мыслей въ моей утомленной впечатлѣніями головѣ...

* * *

Погожій зимній денекъ. Точно январь на дворѣ, а между тѣмъ это середина ноября только. Сверкаетъ солнце, сіяетъ снѣгъ своими сугробами, синѣетъ плотный ледъ на безчисленныхъ царскосельскихъ озерахъ и канавахъ. Такой ранней зимы не запомнитъ никто. А деревья, разубранныя, какъ невѣсты, чистыя и гордыя, подъ ихъ бѣлой фатой до того красивы, что хочется броситься къ нимъ, обвить ихъ крѣпкіе, стройные стволы руками и глядѣть, безъ конца глядѣть на жемчужные уборы ихъ прихотливыхъ сверкающихъ вершинъ.

Тщательно расчищенной главной аллеей парка, гдѣ всегда царитъ полутьма отъ густо разросшихся дубовъ,

я, Эльза и Павликъ идемъ на катокъ, позвякивая коньками. Эльза не умѣетъ кататься, смущенно смѣется и заранѣе труситъ. Павликъ по этому поводу всю дорогу трунитъ надъ нею. Потомъ съ важностью взрослаго снисходитъ:

— Eh bien, я васъ выучу кататься.

И при этомъ какое очаровательное, гордое выраженіе! Какая прелесть—это синеокое личико, окаймленное темными волосами, выбивающимися изъ-подъ теплой матросской фуражки, разрумяненное морозцемъ! Милый маленькій матросикъ, что-то дастъ тебѣ жизнь лѣтъ черезъ десятокъ-другой?..

Мы идемъ, громко болтая и непринужденно смѣясь. Совсѣмъ провинціалы.

А на каткѣ уже гремитъ музыка, носятся пары подъ ея призывно ликующіе звуки, и веселье кипитъ во-всю. Въ толпѣ нѣсколькихъ военныхъ и статскихъ я замѣчаю миссъ Грай, Татину англичанку, бѣлаго шпица Тати, ея братьевъ-правовѣдовъ и цѣлое общество молодежи—кавалеровъ и барышень.

Надюша Раздольцева машетъ намъ издали обѣими руками.

— Одѣвайте скорѣе коньки и присоединяйтесь къ намъ. У насъ превесело.

Потомъ неожиданно подхватываетъ злого шпица Мутона, Татину собственность, и катится на конькахъ съ нимъ вмѣстѣ, отчаянно размахивая свободной рукой. Совсѣмъ мальчишка.

— Оставьте Мутона въ покоѣ. За что вы его такъ мучите!—говоритъ Татя такимъ тономъ и съ такимъ лицомъ, какъ будто Дининъ поступокъ ей какъ нельзя болѣе по вкусу.

Быстро сбрасываю въ теплой кабинкѣ ботики и туфли и даю сторожу зашнуровать высокіе сапоги съ конъками. А еще черезъ двѣ минуты уже несусь стрѣлою по зеркальной поверхности пруда и врѣзываюсь въ самую середину толпы.

Тамъ уже баронесса Татя, въ темно-синемъ костюмѣ съ бѣлой горностаевой опушкой, съ такой же муфтой и шапочкой на пышныхъ пепельныхъ волосахъ, и ея старшій братъ Олегъ, передѣланный въ Лелю, высокій красивый мальчикъ, лѣтъ восемнадцати. У него лицо поэта и безконечно добрые, грустные глаза. Здѣсь же маленькій Коко, забавный и очаровательный въ своей зеленой курточкѣ малолѣтняго правовѣда. Онъ знакомится съ подоспѣвшимъ сюда за мною Павликомъ, и, взявшись за руки, они важно несутся по льду, оба гордые, маленькіе, хорошенькіе и смѣшные.

Сестрички Петровы, Нина, Зина и Римма, встрѣчаютъ меня обычной птичьей трескотней.

— Какъ вы прекрасно бѣгаете на конькахъ.

— А намъ нельзя. Мы не умѣемъ.

— Папочка запрещаетъ.

— Папочка боится за насъ.

— За мой голосъ,—важно вставляетъ Римма.

— Катанье безполезное, даже вредное занятіе,—лепечетъ Зина.

— Можно простудиться и заболѣть,—отзывается Нина.

— И умереть,—басомъ вставляетъ Вольдемаръ, братъ Медвѣдевыхъ, Лари и Сони, которыя тоже присутствуютъ на каткѣ.

Всѣ смѣются.

Сестрички хмурятся, не зная, обидѣться ли имъ, или захохотать.

— А зачѣмъ же вы на ледъ пришли?—снова подхватываетъ Вольдемаръ и неожиданно запѣваетъ молодымъ баритономъ цыганскій романсъ:—«Не ходи ты на ледъ, тамъ провалишься».

— Вы злой! — сердито тянетъ Римма и надуваетъ губки.

— Караулъ! — взвизгиваетъ не своимъ голосомъ Надюша Раздольцева. — Караулъ! Спасите! Помогите! Караулъ!

— Что такое?! Зашибли ногу? Да говорите же! — окружая ее, волнуется молодежь.

— Не то, не то! Вонъ моя «мучительница», глядите!

И мальчишескимъ жестомъ Надюша тычетъ пальцемъ по направленію къ береговой аллеѣ.

Высокая фигура медленно двигается тамъ, направляясь къ катку. «Мучительница» оказывается Надиной гувернанткой. Это почтенная особа изъ Саксоніи, знающая безподобно почти всѣ европейскіе языки.

— И коровій даже, — таинственно присовокупляетъ Дина, дѣлая уморительное лицо.—Потому что, когда она сердится, то мычитъ...

Гувернантка появляется на льду, приближается къ намъ и, величественно кивнувъ намъ всѣмъ головою, говоритъ Надѣ по-англійски:

— Вы сегодня наказаны и должны часомъ раньше идти съ катка.

— Наказана! Фю-фю-фю! Вотъ тебѣ разъ!—протяжно свиститъ Вольдемаръ Медвѣдевъ. — Ай да m-elle Дина!

— Allons!—рѣшительно переходитъ на французскій языкъ нѣмка и хватаетъ Надюшу за руку.

— Одинъ только туръ!—молитъ шалунья, складывая руки и дѣлая «овечьи», ничего не понимающіе глаза.

И не успѣла почтенная дама ей отвѣтить, какъ Надя уже мчится стрѣлою по сине-хрустальному кругу катка. За первымъ туромъ идетъ второй, за вторымъ третій...

За Диной несется Мутонъ съ оглушительнымъ лаемъ, норовя схватить шалунью за платье.

— Дѣти мои, догоняйте меня!—кричитъ дѣвочка, и зубы ея и глаза ослѣпительно сверкаютъ.

Почтенная нѣмка волнуется, багрово краснѣетъ отъ досады, идетъ навстрѣчу Динѣ, нелѣпо растопыривая руки, боясь поскользнуться и упасть и въ то же время изо всѣхъ силъ стараясь поймать Дину.

Но быстрая, какъ ртуть, дѣвочка проскальзываетъ у

нея подъ самыми локтями и преспокойно обѣгаетъ озеро чуть не въ десятый разъ.

— Помогите мнѣ!—молитъ, наконецъ, обращаясь къ намъ всѣмъ, саксонка.

— Съ условіемъ. За плату, — неподражаемо баситъ Вольдемаръ.

— Wie so!—срывается у нѣмки на ея родномъ языкѣ.

— Очень просто. Мы вамъ словимъ бѣглянку и потребуемъ за это награды. Только и всего.

— Gut! Gut! — киваетъ она головой, выставляя впередъ желтые зубы, и прибавляетъ уже по-русски:

— Надѣ надо домой, она наказана—она на книжкѣ перевода нарисовала такой ушасный шерный бѣсъ.

— Это ужасно! — говоритъ Вольдемаръ снова, и непонятно: смѣется онъ или же серьезно это говоритъ.

Затѣмъ, кратко пригласивъ насъ ловить Надюшу, легко несется за дѣвочкой на конькахъ.

Черезъ минуту шалунья уже стоитъ передъ гувернанткой.

— Фуй, фуй! — цѣдитъ та сквозь свои длинные зубы. — И не стыдно вамъ? Идемъ, — неожиданно прибавляетъ она, хватая за руку дѣвочку.

— Какъ идемъ!? А награда? — вступается Вольдемаръ. — Мы вамъ помогли водворить m-elle Nadine и за это требуемъ: во-первыхъ, оставить ее на каткѣ еще полчаса, по крайней мѣрѣ, и, во-вторыхъ, избавить ее отъ наказанія.

— Да, да! — подхватываемъ мы всѣ хоромъ. — Пожалуйста, просимъ васъ такъ поступить.

Нѣмка смущена, но ей хочется быть любезной, и она соглашается, скрѣпя сердце, а мы ликуемъ.

Я безъ словъ схватываю Надюшу за обѣ руки, и мы уносимся стремительно и быстро по ровному, блестящему и гладкому льду.

* * *

По дорогѣ Надя сжимаетъ мнѣ руку и говоритъ просто:

— Не выношу сентиментовъ, всякихъ миндальностей съ сахаромъ, но вы мнѣ понравились съ перваго раза ужасно, m-elle Лида!

— Вотъ какъ!

— Вы не какъ всѣ здѣшнія кисейныя дѣвицы, заводныя куклы. Вы—свой братъ, славный малый. Жаль, что вы не моя сестра.

И, подумавъ, прибавляетъ:

— А изъ мальчишекъ одинъ славный только, Володя Медвѣдевъ.

— А Леля?

— Леденецъ.

— Что?

— Леденецъ вашъ Лелька. Тихій, воды не замутитъ, барышня да и только. Нарядила бы его въ юбку.. Изъ дѣвицъ — вотъ еще Маша Ягуби молодецъ; жаль, что нѣтъ ея на каткѣ сегодня.

Затѣмъ она шепчетъ, заглядывая мнѣ въ глаза своими большими любопытными глазами:

— А правда, что вы стихи пишете?

— А что? — вопросомъ на вопросъ отвѣчаю я.

— По-моему, глупо это... Лучше бы прозу... Или ужъ если стихи, такъ сатиру, какъ у Гоголя. Ахъ, голубушка! — неожиданно, совсѣмъ по-дѣтски, добавляетъ она, — напишите вы сатиру на мою «мучительницу», въ ножки вамъ поклонюсь.

— Милая вы моя Надюша, — говорю я, смѣясь, — никакихъ я сатиръ писать не умѣю. А вотъ лучше проѣдемся-ка голландскимъ шагомъ сейчасъ.

Она соглашается, и двѣ наши тонкія фигуры, плавно раскачиваясь на ходу, мчатся по сверкающему ледяному лону.

— Маша Ягуби! — кричитъ Надя неожиданно и, вырвавъ свои руки, виснетъ на шеѣ усмѣющейся Маши, неожиданно появившейся на каткѣ.

Съ нею высокій стрѣлковый офицеръ, ея двоюродный братъ Невзянскій, и компаньонка-подруга, миссъ Грей.

— Вы бѣгаете на конькахъ прекрасно,—говоритъ Маша и крѣпко, по-мужски, трясетъ мою руку.

— Браво! Браво! Вотъ это бѣгъ, настоящій бѣгъ!— кричитъ Вольдемаръ.—Вы давно катаетесь?

— Съ восьми лѣтъ. Начала на пруду у Малиновской дачи.

— Прелестно!—соглашается и Татя.

— Вотъ это по-моему,—перекрикиваетъ всѣхъ Надя:—стремительность, быстрота и смѣлость,—совсѣмъ по-мальчишески.

— Покорно благодарю,—хохочу я.

— Господа, я предлагаю снять коньки и скатиться на «семейныхъ» саняхъ всей оравой съ горы,—предлагаетъ, внезапно осѣненная вдохновеніемъ, шалунья Надя.

— «Орава!» Какое выраженіе однако!—щебечутъ возмущенныя сестрички Петровы, бросая на дѣвочку косые взгляды.

— Что она сказала? Что она сказала?—допытывается саксонка.—Что это такое «о-о-ра-ва»?

— Это значитъ высшее общество. Не безпокойтесь, m-elle!—находится Вольдемаръ, въ то время какъ мы всѣ опускаемъ глаза въ землю и кусаемъ губы отъ смѣха.

— Отличная идея! Браво! Чудесно придумано! Надя, за такую прекрасную мысль я дѣлаю васъ своимъ пажемъ!—смѣется Маша Ягуби, и веселыя ямочки играютъ у нея на щекахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ...—Надины глаза раскрываются широко,—если бы я и хотѣла взять на себя роль пажа, то только вотъ чьего,—и она беретъ меня за руку и такъ сжимаетъ пальцы, что мнѣ хочется вскрикнуть отъ боли.—У насъ родственныя натуры,—неожиданно выпаливаетъ съ необычайнымъ апломбомъ дѣвочка.

Всѣ заливаются смѣхомъ на ея слова.

— Поздравляемъ васъ. Чудесное пріобрѣтеніе, — подъ шумокъ язвятъ меня три сестрички Петровы, которыя про Надю иначе, какъ съ презрѣніемъ, не говорятъ.

— А мнѣ, напротивъ, она очень нравится,—отвѣчаю я, дерзко глядя имъ прямо въ глаза.

И чувствую, что этимъ пріобрѣла трехъ недоброжелательницъ сразу.

— На гору! Господа, на гору! Нечего терять золотое время!—слышатся вокругъ меня веселые голоса.

Я окидываю катокъ однимъ взглядомъ.

Вонъ Павликъ бѣгаетъ теперь наперегонки съ маленькимъ барономъ Коко, въ то время какъ старшій его братъ Леля, съ неподражаемымъ терпѣніемъ и ангельской кротостью, водитъ Эльзу, едва переступающую по катку трясущимися и поминутно разъѣзжающимися на скользкомъ льду коньками и повторяющую ежеминутно:

— Ахъ, какъ это трудно! Какъ это трудно!

Потомъ я спѣшу за другими на гору.

* * *

Какая высокая гора! Синій ледъ огромными глыбами ведетъ, постепенно повышаясь, въ хрустальный теремокъ, на самую вершину. Изъ этого теремка видно все прекрасное Царское Село, какъ на ладони. Золоченые купола собора и дворцовыхъ церквей и самыя

крыши дворцовъ, утонувшихъ среди бѣлаго моря запушенныхъ снѣгомъ деревьевъ. Какъ удивительно красиво! Точно скованное снѣжное царство царевны Снѣгурки. Какъ великолѣпна эта ранняя, пушистая, снѣжная зима!

— Ну-съ, разсаживайтесь, господа. И денегъ не возьму, провезу лихо... прямо въ сугробъ,—говоритъ Вольдемаръ.

Три сестрички пищатъ единовременно:

— Какъ въ сугробъ?! Не согласны. Не поѣдемъ.

— И отлично, меньше лишняго багажа,—шепчетъ въ мою сторону Медвѣдевъ, дѣлая гримасу.

— Ну, кто же садится? Не задерживайте же, ради Бога, господа. Не видите развѣ, вонъ лѣзетъ сюда моя «мучительница». Пропала моя головушка!—съ отчаяніемъ, чуть не плачетъ Дина.

— И въ самомъ дѣлѣ, занимайте ваши мѣста, mesdames et messieurs.

Маленькій ростомъ, худенькій Вольдемаръ, съ невозмутимымъ лицомъ и нарочно баситымъ голосомъ, очень смѣшонъ, когда съ умышленно неуклюжими движеніями усаживается на переднемъ мѣстѣ широкихъ саней.

— Кто не противъ меня, тотъ со мною,—объявляетъ онъ мрачно.

Съ шумомъ, хохотомъ и шутками всѣ разсаживаются по мѣстамъ: баронесса Татя, Дина, я, Маша Ягуби съ ея

двоюроднымъ братомъ, офицеромъ. Въ послѣднюю минуту выражаютъ желаніе прокатиться и сестры Вольдемара, бѣлокурая Соня и черноокая Ларя «Карменъ».

— Ой, не много ли будетъ? Это называется немножко черезчуръ множко.

И Медвѣдевъ тревожно взглядываетъ на завѣдующаго санями сторожа-пожарнаго, который отвѣчаетъ невозмутимымъ голосомъ:

— Да вѣдь все едино, много аль немного, а сбавить нельзя.

— Вѣрно, что нельзя, это ты правильно, братецъ,— и онъ берется за управитель, торчащій впереди, въ видѣ руля.

— Nadine! — неожиданно доносится снизу, — я запрещай вамъ катиль на гора. Я запрещай. Ни единовъ разъ! Ни единовъ!

Это кричитъ «мучительница».

— Да мы не на гору вовсе, мы подъ горку,—невинно утѣшаетъ ее Вольдемаръ самымъ умильнымъ тономъ.

— Все рафно. Я запрещай.

— Ахъ, да что вы медлите?—снова съ отчаяніемъ срывается съ устъ Дины, и она, прежде нежели кто-либо успѣваетъ удержать ее, даетъ сильный толчокъ санямъ впередъ.

— Ай! — вырывается испуганнымъ крикомъ изъ чьей-то взволнованной груди.

Сани стремительно летятъ внизъ, съ сокрушающимъ трескомъ переворачиваясь нѣсколько разъ на спускѣ, и... съ грохотомъ, визгомъ и точно стономъ раскалываются пополамъ. Что-то сильно ударяетъ мнѣ въ голову, и въ тотъ же мигъ острая, нестерпимая боль въ рукѣ заставляетъ меня испустить протяжный, жалобный стонъ...

Сани расщеплены... Мы лежимъ посреди ледяной дорожки... Кто-то стонетъ еще... Кто-то смѣется... Къ намъ бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, освѣдомляясь, не ушиблись ли мы, не сломалъ ли кто-нибудь ногу, все ли благополучно.

— Пріѣхали!—мрачно произноситъ Вольдемаръ, потерявшій фуражку по дорогѣ.

Онъ и офицеръ Невзянскій спѣшно помогаютъ намъ подняться. Надя, попавшая въ сугробъ, вылѣзаетъ оттуда со сконфуженнымъ видомъ.

— Вы не ушиблись?—освѣдомляется она у меня съ убитымъ лицомъ и тутъ же отскакиваетъ отъ меня, и въ ея глазахъ четко выражается ужасъ.

— Кровь! Кровь! Почему это кровь на вашей рукѣ?

Въ глазахъ моихъ мутится отъ боли, и темные круги расплываются передо мною. Но у меня однако хватаетъ силы шепнуть дѣвочкѣ:

— Ради Бога не испугайте Эльзы и Павлика, они, кажется, не видѣли ничего... Они въ кабинкѣ... А я побѣгу домой.

Я наскоро киваю всѣмъ головою и несусь, какъ на крыльяхъ, съ злополучнаго катка, не слушая совѣтовъ, просьбъ и предостереженій, которые мчатся слѣдомъ за мной.

Алая полоса крови уже успѣла просочиться сквозь платокъ, которымъ я второпяхъ обмотала руку. Боль, нестерпимая боль въ рукѣ заставляетъ подкашиваться мои ноги...

Нѣтъ, въ такомъ видѣ положительно невозможно появиться передъ глазами «Солнышка» и мамы-Нэлли. Я должна хоть немного отойти...

Въ паркѣ масса гуляющихъ въ этотъ короткій сверкающій полдень, и всѣ они съ удивленіемъ смотрятъ на блѣдную высокую дѣвушку съ окровавленной рукой. Не дай Богъ, встрѣтится еще кто-нибудь изъ знакомыхъ. Начнутся разспросы, выраженія сочувствія, соболѣзнованія...

А боль становится съ каждой минутой все нестерпимѣе, все сильнѣе.

Ахъ, уйти бы отсюда подальше, въ дальнюю нерасчищенную часть парка, которая тамъ далеко незамѣтно переходитъ въ лѣсъ, гдѣ никого нѣтъ и гдѣ я могу пережить одна непріятныя минуты.

Я уже не могу не осуществить разъ явившуюся у меня идею. И, быстро свернувъ въ глухую аллейку, почти бѣгомъ устремляюсь впередъ.

* * *

Бѣлое море инея наверху, бѣлый океанъ снѣга внизу, и жемчужныя деревья, завороженныя волшебникомъ-морозомъ, окружаютъ меня своей царственно-величавой толпой.

Шумный паркъ съ массою гуляющихъ остался теперь далеко за мною. Впереди темная аллея огромнаго «дальняго» парка, который начинается сразу за грандіозной аркой воротъ и тамъ дальше, уже за городской чертой, незамѣтно переходитъ въ лѣсъ. Теперь въ этомъ пустынномъ паркѣ-лѣсу мнѣ впору заняться своей пораненной рукой.

Быстрыми шагами уношусь я въ самую глубь чащи. Здѣсь уже нѣтъ расчищенныхъ дорожекъ; одна глухая тропа ведетъ въ лѣсную глушь. Слѣды заячьихъ лапокъ четко отпечатываются на снѣжныхъ сугробахъ. Какая дичь сейчасъ вокругъ меня! И какъ она красива! Дикимъ запустѣніемъ и тайной лѣса вѣетъ отовсюду. Съ глухимъ звукомъ ударяется большая, еловая шишка о древесный пень. Желтая бѣлочка, кокетливо помахивая пушистымъ хвостомъ, близко, совсѣмъ близко отъ меня перебѣгаетъ дорогу.

Ахъ, милый, робкій, граціозный звѣрекъ! Никто тебя не тронетъ, не спѣши такъ въ свою зимнюю норку, не бойся.

Солнце спряталось, словно утонуло въ бѣлоснѣжныхъ вершинахъ деревьевъ. Легкій сумракъ окутываетъ лѣсъ. Зимній день коротокъ. Надо спѣшить, а то опоз-

даю домой къ обѣду. Вѣроятно, Эльза и Павликъ уже хватились меня и бьютъ тревогу.

Усаживаюсь я на обрубкѣ толстой сосны, предварительно смахнувъ съ нея снѣгъ теплой перчаткой, и, обнаживъ руку повыше кисти, набираю снѣгу въ другую и тщательно смываю съ израненной руки кровь.

Сначала нестерпимая боль выдавливаетъ на глаза мои невольныя слезы, затѣмъ словно огнемъ охватываетъ руку, и боль стихаетъ. Я быстро обматываю больное мѣсто платкомъ и вздыхаю съ облегченіемъ. Теперь сижу на пнѣ и любуюсь, какъ медленно падаютъ на землю сумерки короткаго зимняго дня.

И таинственная прелесть лѣса зажигаетъ какія-то неясныя рифмы, нестройные образы въ моемъ мозгу. Я чувствую притокъ знакомаго вдохновенія, и розовыя грезы поютъ во мнѣ, складываясь въ стихи...

* * *

— У-у-у-у...

Что это—сосны скрипятъ такъ жалобно, или вѣтеръ играетъ въ чащѣ?

Странный звукъ повторяется къ моему полному изумленію еще и еще разъ. Затихаетъ не сразу... На смѣну ему слышатся быстрые тяжелые шаги... Хруститъ сухой валежникъ, трещатъ сучья деревьевъ.

Я зорко вглядываюсь въ чащу.

Что это? Человѣкъ? Люди? Гуляющіе, забредшіе въ эту глухую часть парка-лѣса? Нѣтъ, это не могутъ

Огромная бурая голова высовывается изъ-за кустовъ...

быть человѣческіе шаги. Нѣтъ, люди такъ не ходятъ. А между тѣмъ они приближаются, странные, тяжелые, непонятные. Рѣзче, сильнѣе трескъ валежника, и хрустъ сучьевъ, и этотъ странный звукъ «у-у-у-у...»

Не то воркотня безплодныхъ усилій, не то стоны и вздохи, слегка напоминающіе человѣческіе. И вдругъ мгновенный ревъ оглушаетъ чащу. На этотъ разъ громко и протяжно раздражительнымъ ропотомъ несется на весь лѣсъ:

— У-у-у...

Я хватаюсь рукою за стволъ дерева, и колючая струйка ужаса проползаетъ по моей спинѣ. Мгновенно колетъ мозгъ услужливая мысль:

— Вѣдь это медвѣдь! И ревъ медвѣжій!

И холодный потъ выступаетъ у меня на лбу...

И точно въ отвѣтъ на мою догадку снова гудитъ по всему лѣсу ужасный рыкающій протяжный вой.

Въ тотъ же мигъ съ трескомъ раздѣляются кусты, и огромная бурая голова съ маленькими глазами высовывается изъ-за нихъ, изъ зарослей, стряхивая снѣжный дождь съ гибкихъ вѣтокъ.

* * *

— Медвѣдь!

Новый ужасъ холодной струйкой разливается теперь уже по всему моему тѣлу, забѣгаетъ во всѣ уголки его, отъ самаго темени до оконечностей онѣмѣвшихъ отъ волненія пальцевъ.

Страшная бурая голова нѣсколько секундъ нюхаетъ воздухъ, затѣмъ маленькіе глазки останавливаются на мнѣ, и огромное, какъ мнѣ кажется, туловище бураго медвѣдя на заднихъ лапахъ бросается въ мою сторону...

Крикъ замираетъ на моихъ помертвѣвшихъ губахъ... Я закрываю глаза и прирастаю къ мѣсту... Чувствую, не поднимая вѣкъ, теплое дыханіе надъ своимъ лицомъ и тотъ острый медвѣжій запахъ, который знакомъ мнѣ по одному изъ отдѣленій зоологическаго сада, куда меня водили въ дѣтствѣ.

— Вотъ-вотъ конецъ. Онъ разорветъ меня на части, задушитъ въ своихъ удашныхъ лапахъ,—мелькаетъ въ моей головѣ послѣдняя сознательная мысль, и что-то тяжелое наваливается мнѣ на плечи...

* * *

— Пожалуйста, не бойтесь. Это ручной Мишка. Онъ не причинитъ вамъ вреда... Онъ еще очень молодъ и вздумалъ по глупости поиграть съ вами. Глупый Мишукъ! Назадъ!

Я открываю глаза и замираю отъ изумленія. Гдѣ же мой страшный врагъ, заставившій меня умирать со страха?! Передо мной теперь два живыхъ существа вмѣсто одного.

Подлѣ страшнаго медвѣдя, вовсе не кажущагося теперь такимъ страшнымъ и большимъ, какъ мнѣ это показалось въ первую минуту (теперь, когда онъ стоитъ

на четверенькахъ — онъ ростомъ не выше обыкновеннаго сенъ-бернара), находится средняго роста человѣкъ, такой же мохнатый, какъ и его спутникъ Мишка.

На человѣкѣ какая-то мудреная, вывернутая наружу куртка поверхъ высокихъ валенокъ, на головѣ мохнатый треухъ. Изъ рамки темнаго мѣха выглядываетъ его лицо, блѣдное, какъ снѣжная скатерть лѣса и дороги, не имѣющее и признака румянца, несмотря на морозъ. Изъ-подъ черныхъ, слегка нависшихъ бровей, глядятъ большіе черные же глаза, блестящіе, угрюмые и печальные въ одно и то же время. Вертикальная морщина пересѣкаетъ лобъ. Губы наполовину скрыты густыми черными усами, и на всемъ лицѣ, угрюмомъ и печальномъ, лежитъ какъ будто печать неудовольствія и затаеннаго раздраженія.

Такія лица не знаютъ улыбки. Они вѣчно замкнуты, какъ таинственныя башни тѣхъ сказокъ, которыя я разсказываю братьямъ и сестрѣ.

Молодъ или старъ этотъ человѣкъ, рѣшить трудно. Волосы его скрыты подъ треухомъ, а сурово печальнымъ глазамъ какъ будто незнакома юность. И голосъ его, глуховатый и отрывистый, не звучитъ, какъ звучатъ обыкновенно молодые свѣжіе голоса.

— Пожалуйста, не бойтесь моего друга. Онъ скорѣе забавный, нежели страшный, — говоритъ еще разъ незнакомецъ и хмуритъ густыя черныя брови... — Но что это съ вашей рукой и какъ вы попали въ эту глушь?—

неожиданно задаетъ онъ мнѣ вопросъ, бросая бѣглый взглядъ своихъ мрачныхъ глазъ на мою обвязанную платкомъ руку.

Я не успѣваю ему отвѣтить, потому что Мишка въ эту минуту поднимается неожиданно на заднія лапы и кладетъ снова обѣ переднія мнѣ на плечи раньше, нежели я успѣваю отъ него отскочить. И вмигъ его горячій красный шершавый языкъ облизываетъ мой лобъ, носъ, щеки и губы.

— Ой! — невольно вырывается у меня со смѣхомъ, и, защищаясь отъ непрошеной ласки, я взглядываю на незнакомца.

И точно другой человѣкъ стоитъ передо мною. Улыбка играетъ на его лицѣ. Большіе бѣлые зубы сверкаютъ въ этой улыбкѣ, и блестятъ, какъ темныя маслины послѣ дождя, большіе глаза, разомъ потерявшіе свою недавнюю угрюмость. Какое простодушное, почти дѣтское выраженіе сейчасъ на мрачномъ за минуту передъ тѣмъ и суровомъ лицѣ незнакомца! Какъ измѣняетъ его улыбка!

— О, вы еще не знаете, что это за проказникъ мой Мишка, — звучитъ милыми нотами его глуховатый голосъ. — Сейчасъ я покажу вамъ, какъ онъ умѣетъ бороться. Хотите?

— Откуда онъ у васъ?..

— Мнѣ привезли его однажды съ двумя другими крошками-медвѣжатами въ корзинѣ. Его мать убили на облавѣ. Двухъ другихъ Мишекъ я отдалъ знакомымъ,

а этого оставилъ себѣ. Отпоилъ его молокомъ, выкормилъ, вырастилъ и теперь, видите сами, что это за красавецъ. Ну, Мишукъ, покажи барышнѣ, какъ ты умѣешь со мною бороться!—весело закончилъ онъ, слегка смазавъ медвѣдя по мордѣ своей темной рукавицей.

И, прежде нежели Мишка, неуклюжій, толстый и все время громко и самодовольно ворчавшій себѣ подъ носъ, успѣваетъ предпринять что-либо, мой незнакомецъ дѣлаетъ прыжокъ и толкаетъ его въ сугробъ.

Нѣсколько минутъ Мишка, облѣпленный и запушенный снѣгомъ, трясетъ головою и забавно отфыркивается и пыхтитъ. Затѣмъ, неуклюже перебирая ногами, несется на своего противника. Завязывается борьба. Мишка очень смѣшонъ. У него что ни движеніе, то умора.

Забывъ недавнія переживанія, страхи и боль въ рукѣ, я хохочу доупаду, глядя на нихъ обоихъ.

Незнакомецъ въ своей короткой курткѣ лапландца строенъ и ловокъ; зато Мишка, въ его природной бурой мохнатой шубѣ—одно сплошное карикатурное явленіе. Однако, его долго нельзя побѣдить. Когда же человѣкъ неожиданно быстрымъ движеніемъ бросаетъ его въ рыхлый сугробъ и тонетъ въ немъ вмѣстѣ со звѣремъ, Мишка начинаетъ скулить съ видомъ обиженнаго ребенка и третъ лапой глаза.

— Онъ, очевидно, недоволенъ, что его побѣдили. Совсѣмъ, какъ капризный мальчикъ. Ха-ха!—говоритъ незнакомецъ со смѣхомъ.

Борьба вызвала легкую краску на его блѣдныя щеки, продольная морщинка между бровей исчезла, и лицо его стало свѣжо, молодо и красиво. Ему нельзя сейчасъ дать болѣе двадцати пяти лѣтъ.

— Какая прелесть! — говорю я, глядя на Мишку. — Можно его погладить?

— Конечно.

— Вы его любите? Да?

— Онъ мой единственный другъ,—слышу я странный отвѣтъ, холодный и гордый.

И вмигъ исчезаетъ краска молодости съ лица моего собесѣдника. Улыбка меркнетъ въ глазахъ и на губахъ. Угрюмый тяжелый взглядъ упирается въ землю. Не надо было, должно быть, задавать этого вопроса.

Чтобы скрыть свое смущеніе, я ласкаю теплый мѣхъ живой медвѣжьей шкуры. Мишка довольно урчитъ и сладко прищуриваетъ глаза, совсѣмъ какъ большая дворовая собака, когда ее ласкаютъ.

— Кто вы? — спрашиваю я, чтобы прервать слишкомъ долгое молчаніе.

Брови моего собесѣдника высоко поднимаются надъ угрюмыми глазами, и въ угрюмыхъ глазахъ — вопросъ.

Мнѣ дѣлается неловко и стыдно отъ моего любопытства.

— Вы повелитель здѣшняго лѣса—лѣсной царекъ,— говорю я, принужденно смѣясь.—Вы живете среди самой чащи этого хмураго лѣса, окруженный его четверо-

ногими обитателями... Медвѣди, лисы, волки, зайцы и бѣлки составляютъ вашу покорную свиту, и съ нею вы прячетесь отъ людей... Когда здѣсь въ лѣсу все зелено, ясно, солнечно и красиво, — вы играете на свирѣли, и звѣри пляшутъ подъ вашу музыку... Это звѣриный праздникъ. Но на него не возбраняется приходить и лѣсовикамъ козлоногимъ, и лѣсовичкамъ въ зеленыхъ одеждахъ изъ березъ, и маленькимъ лѣснымъ гномамъ. Всѣ пляшутъ до изнеможенія, пока поетъ свирѣль... Потомъ вы угощаете вашихъ гостей медомъ цвѣтовъ, хрустальными капельками росы съ подорожниковъ. И на ложахъ изъ мха ваши слуги приготовляютъ имъ постели. А зимою... Сама природа устраиваетъ вамъ ледяной теремъ изъ хрустальнаго ажурнаго льда. Ледяной теремокъ-дворецъ въ самой чащѣ...

Я продолжаю свою длинную импровизацію до тѣхъ поръ, пока угрюмые глаза моего собесѣдника не загораются снова и лицо не дѣлается опять простодушно-мягкимъ и дѣтски довѣрчивымъ.

— Милое дитя,—говоритъ онъ,—если бы то, о чемъ вы разсказываете вашу блестящую сказку, могло осуществиться, я бы считалъ себя счастливѣйшимъ изъ людей.

— Почему?

— Чѣмъ дальше отъ людей, отъ ихъ суетнаго общества, отъ ихъ мелочности, придирчивости, зависти и злобы, — тѣмъ лучше. Вы еще такъ юны, жизнь улы-

бается вамъ, и вы меня не поймете. Но я много видѣлъ горя въ жизни, и поэтому меня тянетъ или въ зеленыя дебри лѣса или въ мой хрустальный теремокъ. Однако уже поздно. Я выведу васъ на дорогу и провожу до города. Можно?

И, не дожидаясь моего отвѣта, онъ бросилъ медвѣдю:

— Ну, Мишка, идемъ!

Тотъ не заставилъ повторять приглашенія, всталъ на заднія лапы и съ тою же лаской-воркотней закинулъ одну изъ переднихъ на плечо своего двуногаго друга, словно обнялъ его, и, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу, зашагалъ о бокъ съ нимъ, какъ товарищъ-спутникъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ у входа въ городъ лѣсъ снова превращается въ паркъ съ его разбѣгающимися аллеями, мы разстаемся.

— Кто вы, странный человѣкъ? Скажите мнѣ ваше имя по крайней мѣрѣ. Кто вы?—срывается помимо воли съ моихъ нетерпѣливыхъ устъ.

— Зачѣмъ? Вы сказали, что я лѣсной царекъ, и пусть такимъ лѣснымъ царькомъ я и останусь въ вашей памяти, милое дитя съ радостными глазами.

Я смотрю на него еще съ минуту. Какой странный, какой непонятный, особенный человѣкъ...

— Прощайте, — говорю я, наконецъ.—Спасибо, что вывели меня на дорогу. Уже сумерки. Я могла легко запутаться въ лѣсу.

— И вамъ спасибо...—слышу я отвѣтъ, сопровождаемый вздохомъ, — за то, что не испугались, не побоялись моего угрюмаго вида. За это васъ благодарю.

И опять тотъ же взглядъ, суровый и печальный.

Онъ долженъ быть очень несчастливъ, этотъ человѣкъ.

* * *

По возвращеніи домой я выдерживаю цѣлую бурю.

— Гдѣ ты была такъ долго? Что съ рукою? Развѣ можно такъ пугать?

Эльзѣ сдѣланъ выговоръ за то, что отпустила меня одну въ глухую часть парка. У мамы-Нэлли и у «Солнышка» встревоженный видъ, испуганные глаза. Они безпокоились обо мнѣ ужасно. Въ результатѣ мнѣ запрещено кататься съ горъ и гулять одной.

— Это не Ш., гдѣ насъ знали всѣ и гдѣ мы всѣхъ знали,—подтверждаетъ съ недовольнымъ видомъ отецъ.

Потомъ я разсказываю имъ о своей встрѣчѣ съ незнакомцемъ.

— Лѣсной царекъ... Хочется вѣрить, что это такъ...

— Фантазерка,—смѣется мама-Нэлли, — и когда ты спустишься на землю и не будешь витать со своими грезами въ облакахъ!?

А вечеромъ, передъ сномъ, я беру мою завѣтную тетрадку и набрасываю въ ней новыя риѳмы въ честь лѣсного царька и его четвероногаго друга. И съ захватывающимъ волненіемъ читаю ихъ Варѣ.

* * *

На дворѣ крутитъ и поетъ декабрьская вьюга. Въ комнатѣ мамы-Нелли, передъ огромнымъ трюмо, зажжены свѣчи, а поверхъ ковра разостлана большая, чистая бѣлая тряпка.

Я стою передъ трюмо неподвижная, какъ кукла. Бѣлое воздушное платье красиво клубится вокругъ моей хрупкой фигуры. Два цвѣтка бѣлой лиліи запутались въ густыхъ русыхъ волосахъ.

Мама-Нэлли, въ темно-гранатовомъ бархатномъ платьѣ, съ брильянтовой бабочкой въ искусно причесанныхъ черныхъ волосахъ, сидитъ въ удобномъ широкомъ креслѣ и, вооружась лорнетомъ, подробно «инспектируетъ» мой нарядъ.

Варя, уложивъ дѣтей, пришла посмотрѣть на сложную процедуру бальнаго одѣванія. Эльза, Даша и портниха ползаютъ вокругъ меня, подкалывая что-то у трена и пристегивая послѣдними стежками нечаянно распустившійся воздушный воланъ.

Нѣсколько дней тому назадъ, Марья Александровна Рагодская пріѣзжала приглашать насъ на большой вечеръ въ одну изъ стрѣлковыхъ частей, куда только что перевели ея мужа. Мнѣ сильно не хотѣлось ѣхать на этотъ вечеръ, тѣмъ болѣе, что никого еще почти изъ танцующей молодежи я не знала здѣсь, въ Царскомъ.

— Пустяки,—успокоивала меня мама,—во-первыхъ, ты знакома со многими сверстницами-барышнями, кото-

рыя не замедлятъ представить тебѣ своихъ братьевъ, родственниковъ и знакомыхъ. Во-вторыхъ, ты знаешь молодого барона Фрункъ, Медвѣдева и Невзянскаго. Да, кромѣ того, и Марья Александровна не позволитъ тебѣ скучать.

Ахъ, вотъ именно этого-то я и не хочу! Будутъ подводить незнакомыхъ людей, которые въ свою очередь съ глухимъ чувствомъ неудовольствія станутъ изъ вѣжливости кружить въ вальсѣ чужую, незнакомую имъ барышню. Лучше бы не ѣхать. И мои глаза съ мольбою останавливаются на лицѣ мамы-Нэлли.

— А что, если остаться? Право, я прекрасно бы провела время съ Варей и Эльзой. Можно?

Я вкладываю въ эту мольбу всю имѣющуюся въ душѣ моей нѣжность.

Минутная пауза. Затѣмъ энергичный отрицательный кивокъ черной головки, отъ котораго брильянтовая бабочка загорается милліонами бѣлыхъ огней. Сѣрые глаза щурятся и розовое лицо загорается ярче.

— Если ты хочешь сдѣлать мнѣ непріятность, дѣвочка, оставайся... — звучитъ милый голосъ.—Вотъ, скажутъ добрые люди, сама вырядилась, на балъ пріѣхала, а падчерицу дома оставила, по всему видно — мачеха. Прелестно. Нечего и говорить.

Что? Мачеха? Падчерица?

О, эти слова сжимаютъ мнѣ сердце. Чтобы кто-либо осмѣлился такъ сказать!

Я вырываюсь изъ рукъ меня одѣвавшихъ и необузданно обнимаю маму-Нэлли.

— Ѣду! Въ такомъ случаѣ, ѣду!

И спустя полчаса вороная пара уже мчитъ насъ на дальній конецъ города.

* * *

Въ большую залу Стрѣлковаго Собранія я вхожу точно приговоренная къ смерти. Вспоминается другой вечеръ въ тѣсномъ маленькомъ Ш., на которомъ присутствовалъ Большой Джонъ. Воспоминанія о немъ такъ сильно захватили мою душу, что я вхожу въ бѣлую «подъ мраморъ» залу Собранія съ печальнымъ похороннымъ лицомъ.

Насъ встрѣчаетъ Марья Александровна съ цѣлою гурьбою молодыхъ стрѣлковыхъ офицеровъ. Слѣдуютъ имена, фамиліи, чины и опять имена. Разумѣется, я не запоминаю ни единаго. Всѣ лица (о, сколько ихъ!) сливаются воедино. Отъ золотого шитья мундировъ рябитъ въ глазахъ.

Молодежь щелкаетъ шпорами, приглашая на контрдансы. Ахъ, какая это пытка для молоденькой дикарки, обожающей природу, рѣку, поле и лѣсъ!..

Тамъ, въ дальнемъ углу зала, вижу «Солнышко», который пріѣхалъ сюда получасомъ раньше. Онъ стоитъ въ группѣ болѣе солидныхъ офицеровъ и незамѣтно издали ободряюще-ласково улыбается мнѣ своей милой улыбкой.

Неудержимо хочется кинуться къ нему или крикнуть во все горло:

— Увези меня, пожалуйста, отсюда, я чувствую себя здѣсь пренесносно! Пожалуйста, увези!

Но звуки вальса военнаго оркестра не даютъ мнѣ, къ счастью, привести въ исполненіе этой мысли.

Я вижу Татю Фрункъ, порхнувшую по залѣ съ блестящимъ адъютантомъ, дальше—Машу Ягуби, кружащуюся со своимъ кузеномъ-стрѣлкомъ. Вонъ три сестрички Петровы одновременно пускаются въ плясъ. Счастливицы! Онѣ чувствуютъ себя совсѣмъ въ своей тарелкѣ. А я?... Что за нелѣпое удовольствіе, придуманное людьми, эти балы!..

Кругомъ танцуютъ. Мама-Нэлли съ Марьей Александровной заходятъ за колонну, оживленно разговаривая между собой. Я готова уже юркнуть за другую, чтобы исчезнуть съ поля зрѣнія всѣхъ этихъ господъ въ расшитыхъ золотымъ шитьемъ мундирахъ, какъ кто-то неожиданно преграждаетъ мнѣ дорогу.

— На туръ вальса, м-lle.

Быстро вскидываю глаза.

Совсѣмъ еще юный, безусый офицерикъ, немногимъ развѣ старше меня, стоитъ передо мною. Глаза его дѣтски веселы и здоровы, а улыбка растягиваетъ чуть ли не до ушей припухлый, румяный, мальчишескій ротъ.

— Ахъ, слава Богу!—говорю я успокоенная.

— Почему—слава Богу? — изумленно спрашиваетъ онъ, приподнимая брови.

— А потому что это вы, а не взрослый офицеръ, приглашаете меня.

— То-есть, какъ это не взрослый офицеръ?

Юный офицерикъ, видно по всему, очень обиженъ и начинаетъ усиленно крутить несуществующіе усы.

— Ахъ, пожалуйста, не обижайтесь,—срывается у меня совсѣмъ уже по-дѣтски.—Вы, разумѣется, не похожи на тѣхъ важныхъ господъ съ усами, которые держатся прямо, точно проглотили аршинъ. Ха-ха-ха!

— Да и я не горбатый, слава Тебѣ, Господи,—протестуетъ онъ.—И у меня гм... гм... будутъ тоже усы, увѣряю васъ, даже очень скоро.

— Не раньше, какъ черезъ четыре года, однако.

— Ну, вотъ еще! Гораздо раньше.

— Ну, тогда черезъ пять.

— А вы злая. Ха-ха-ха!

Мы кружимся нѣсколько минутъ молча. Потомъ юноша неожиданно говоритъ:

— Пляшете вы превосходно и легко, какъ перышко. А фигуры вальса умѣете дѣлать?

— Что за вопросъ! Понятно!

Мы останавливаемся посреди залы и продѣлываемъ нѣсколько фигуръ.

Мой кавалеръ въ восторгѣ. Здѣсь мало кто танцуетъ такой вальсъ.

— Это новость. Гдѣ вы выучились всему этому?— освѣдомляется онъ, отводя меня на мѣсто.

— Въ институтѣ, конечно.

— А-а-а!

Онъ опять покручиваетъ невидимые усики и, лукаво прищуривъ глаза, прибавляетъ:

— А правда, что институтки обожаютъ ламповщика, а свинью, извините ради Бога за выраженіе, именуютъ ветчиной?

Я вспыхиваю.

— Сами-то вы обожаете ламповщика!—сердито говорю я, но уже мигъ спустя прорываюсь хохотомъ:

— Смотрите, смотрите на трехъ сестричекъ!

— Ха-ха-ха!

Посреди залы стоитъ высокій офицеръ съ самодовольнымъ видомъ, съ длинными усами и красивымъ важнымъ лицомъ. Вокругъ него суетятся три сестрички Петровы: Нина, Зина и Римма.

— Я вамъ спою, — возбужденно звонко кричитъ Римма, точно офицеръ совсѣмъ глухой.—Пойдемте въ библіотеку, я вамъ спою.

— Мосье Линскій, — перекрикиваетъ ее старшая, Нина,—я нарисую вашъ профиль, хотите?

— А я сыграю вамъ Моцарта. Въ маленькой залѣ есть рояль,—вторитъ ей средняя, Зина.

Осажденный съ трехъ сторонъ, Линскій всячески

хочетъ избавиться отъ порядочно-таки надоѣвшихъ ему сестрицъ.

— Пойду спасать его,—смѣясь, говоритъ мой юный кавалеръ.—А потомъ вернусь къ вамъ, и будемъ плясать съ вами кадриль. Ладно?

— Ладно, — откликаюсь я весело, сразу почуя въ этомъ юношѣ «своего брата», безъ фальшиваго «бальнаго» тона и свѣтскихъ прикрасъ. Но если бы это «ладно» услышалъ «Солнышко» или мама-Нэлли!..

— Кстати, меня зовутъ подпоручикъ Тимофей Зубовъ,—говоритъ онъ, щелкая шпорами, — но, по молодости лѣтъ, всѣ меня называютъ Тима Зубовъ. Называйте и вы меня Тимой... Ладно?

— Ладно, буду называть Тимой,—хохочу я.

Онъ бѣжитъ вприпрыжку и раскланивается передъ группой трехъ дѣвушекъ.

Нина и Римма одновременно опускаютъ ему свои лѣвыя руки на плечи. Зина тоже тянетъ свою. Но—увы!—у молоденькаго офицера только два плеча, и танцовать онъ одновременно можетъ, конечно, только съ одною. Поэтому онъ кружится со старшей, въ то время какъ двѣ младшія надуто поджимаютъ губки.

— Ухъ, заморился! — и запыхавшійся Тима снова передо мною.—А вы, я замѣтилъ, тоже танцовали.

Я, дѣйствительно, танцовала въ его отсутствіе съ двумя какими-то офицерами.

— Слышите? Кадриль! Пора становиться въ пары.

И онъ предлагаетъ мнѣ руку, свернутую калачикомъ.

Во время кадрили Тима незамѣнимъ. Онъ не молчитъ ни минуты.

— Не люблю трехъ сестричекъ, грѣшенъ,—смѣется онъ, понижая голосъ.—Ужъ очень прилипчивы. Одна играетъ, другая поетъ, третья рисуетъ. Бррр, сколько талантовъ! За единственное прощаю имъ многое — варенье дивно варятъ. Я у нихъ какъ-то два фунта въ одинъ присѣстъ съѣлъ. Очень ужъ вкуснымъ показалось. А вы не варите варенья?

— Никогда,—съ дѣланнымъ ужасомъ говорю я.

— И не рисуете?

— Ни-ни.

— И не поете?

— Ни.

— И не играете?

— Увы, нѣтъ. То-есть да, но очень плохо.

— Такъ что же вы умѣете, однако?

— Ахъ, Ты, Господи, вотъ такъ экзаменъ!—хохочу я.—Во-первыхъ, бѣгаю на конькахъ, во-вторыхъ, правлю лодкой, въ-третьихъ, катаюсь на лыжахъ, въ-четвертыхъ...

— А вы стихами не грѣшите?

Лицо Тимы принимаетъ выраженіе лукавой кошачьей мордочки.

— А вы откуда это выудили?—вопросомъ на вопросъ лукаво отвѣчаю я.

— Такъ, показалось...

— А вы перекреститесь, чтобы не казалось, — смѣюсь я и немножко краснѣю.

Потомъ Тима начинаетъ сыпать анекдотами изъ солдатской жизни. Представляетъ заику-солдата, потомъ другого, который никакъ не можетъ привыкнуть къ мундиру послѣ деревенской жизни, третьяго, черезчуръ близорукаго, который принимаетъ за офицера стрѣлковую мишень, и т. д.

— Нехорошо смѣяться надъ физическими недостатками, — говорю я степенно, тономъ классной дамы.

— Такъ, вѣдь, это анекдотъ! — оправдывается Тима и путаетъ фигуру.

Визави наше—баронесса Татя и высокій адъютантъ. Татя раскраснѣлась отъ танцевъ и еще больше похорошѣла. Но ни въ одной черточкѣ ея прелестнаго лица не отражается то веселое бальное оживленіе, которое такъ свойственно ея нѣжному возрасту.

— Какая красавица! — шепчу я моему кавалеру. — Не правда ли?

— Красавица? Не знаю. По-моему, она кукла, свѣтская кукла и только, — горячится онъ.

— Ну, ужъ не знаю, если она не хороша, то кто же вамъ нравится послѣ этого? — возмущаюсь я.

— Вы, — просто говоритъ Тима. — Ей Богу, вы. Потому что я тоже, какъ и вы, и коньки, и лодку обожаю, и лыжи, и верховую ѣзду. Вѣдь рѣдко барышню встрѣтишь, которая бы предпочла баламъ всю эту пре-

лесть. Всѣ онѣ на выѣздахъ и нарядахъ помѣшались. А вы нѣтъ. Вѣдь, правда? Я отгадалъ?

— Отгадали, пожалуй.

— Эхъ, досада, что вы не свой братъ, офицеръ... Мы бы съ вами такія экскурсіи совершили! — И онъ захлебнулся даже отъ восторга, говоря это.

Потомъ мы вскочили по командѣ дирижера и закружились въ общемъ grand rond.

* * *

Въ уютной и прохладной библіотекѣ, превращенной въ третью «дамскую» гостиную, толпилось нѣсколько дѣвицъ съ блюдечками мороженаго и со стаканами прохладительнаго питья въ рукахъ. Три сестрички, Маша Ягуби, баронесса Татя, двѣ сестры Медвѣдевы (ихъ братъ Вольдемаръ, какъ и старшій братъ Тати, Леля, не присутствовалъ на вечерѣ) сгруппировались вокругъ широкой софы.

— Ахъ, какъ весело! — кричала, обмахиваясь вѣеромъ, Маша Ягуби.—Жаль только, что Дины Раздольцевой нѣтъ. Она вноситъ особенное оживленіе во всѣ вечера.

— Ей еще рано выѣзжать, она малышка, — важно цѣдитъ сквозь зубы Нина Петрова,—ей только пятнадцать лѣтъ.

— Неужели же ей ждать до тридцати? — лукаво щурится Маша, отчего лицо старшей сестрички заливается румянцемъ.

Мы всѣ знаемъ, что ей подъ 30 лѣтъ, но что она тщательно скрываетъ это и старается держаться наивнаго тона подростка-дѣвочки.

— А вамъ весело, m-lle? — любезно обращается ко мнѣ Татя. — Я видѣла, какъ васъ смѣшилъ Тима во время кадрили.

— Что? Тима? Но кто же будетъ танцовать съ Тимой? Вѣдь онъ мальчикъ. Ему 18 лѣтъ,—возмущеннымъ тономъ восклицаетъ Римма.

— Да вы сами танцовали, кажется, очень охотно съ Тимой, — простодушно смѣется Маша Ягуби.

— За неимѣніемъ лучшихъ кавалеровъ, конечно,— язвительно говоритъ Нина.—Но Тима годенъ только для дѣтворы.

И она кидаетъ въ мою сторону уничтожающій взглядъ.

— Ахъ, напротивъ, съ нимъ очень весело, онъ такой забавный, — говорю я, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ эту минуту въ дверяхъ залы появляется блестящій адъютантъ — дирижеръ танцевъ на этомъ вечерѣ.

— На вторую кадриль, m-lles, прошу пожаловать въ залу.

И, звеня шпорами, онъ подаетъ руку Машѣ Ягуби и выбѣгаетъ изъ гостиной.

* * *

Вторую кадриль я танцую съ Невзянскимъ. Это умный и веселый молодой человѣкъ.

— Ну, какъ ваша рука? — освѣдомляется онъ. — Помните, какъ угораздило насъ всѣхъ тогда свалиться?

— Еще бы не помнить! — смѣюсь я.

За второю кадрилью идетъ безконечный котильонъ, затѣмъ мазурка. Я танцую теперь безъ передышки. Тима перезнакомилъ меня со всѣми своими сослуживцами, и у меня нѣтъ минутки посидѣть спокойно.

Мазурку я танцую съ моимъ новымъ пріятелемъ. Онъ носится въ ней, какъ на крыльяхъ, звенитъ шпорами, вертится волчкомъ, стучитъ каблуками. Всю свою подвижную, живую, какъ у мальчика-подростка, огневую натуру Тима вкладываетъ въ этотъ танецъ.

— Теперь дамы должны выбирать кавалеровъ!—заглушая звуки музыки, звонъ шпоръ и шелестъ платьевъ, звенитъ голосъ дирижера.

И всѣ пары, словно вкопанныя, останавливаются посреди залы.

Кого же мнѣ выбрать?

Пытливыми глазами обвожу огромную комнату. Нѣтъ, не могу лукавить, не могу остановить своего вниманія на человѣкѣ, котораго совсѣмъ не знаю. Не могу даже въ шутку.

И вдругъ глаза мои вспыхиваютъ, задержавшись на миломъ, миломъ лицѣ, такомъ дорогомъ и любимомъ, безконечно любимомъ и дорогомъ. Еще секунда — и я

останавливаюсь, смущенная и смѣющаяся, передъ статной фигурой въ военномъ мундирѣ.

— Удостойте, «Солнышко»!—сопровождая низкимъ реверансомъ свои слова, говорю я смѣясь.

Мой отецъ, съ обворожительной усмѣшкой, подаетъ мнѣ руку и безъ малѣйшаго колебанія вступаетъ въ танцующіе ряды.

«Солнышко» пляшетъ мазурку, какъ природный полякъ. Не даромъ его мать—полька изъ Варшавы. Его стройная высокая фигура, его гордо приподнятая голова и гибкія, полныя огня и жизни движенія восхищаютъ всѣхъ. Съ неподражаемой граціей и достоинствомъ ведетъ онъ въ танецъ свою юную даму.

Намъ горячо аплодируютъ. «Солнышко» дѣлаетъ ловкій неподражаемый поворотъ на мѣстѣ, щелкаетъ шпорами и, закруживъ меня, сажаетъ на мѣсто, при чемъ не забываетъ поцѣловать мнѣ руку, какъ у «настоящей» взрослой дамы.

Я дѣлаю страшное усиліе надъ собою, чтобы не кинуться ему на шею и не расцѣловать милое, чудное, оживленное лицо моего дорогого папы.

— Вы, видно, очень любите вашего отца?—освѣдомляется у меня Тима, слѣдившій за нами со своего мѣста.

— А вы развѣ не любите вашего?—почти кричу я задорно.

Онъ не успѣваетъ отвѣтить мнѣ, такъ какъ передо

мною появляется тонкая фигурка Маріи Александровны Рагодской.

— Ну, что? Веселитесь, милая дѣточка? — ласково освѣдомляется она. — Раскраснѣлась-то какъ. Ну и отлично, не скучно, значитъ. А вотъ вамъ еще кавалеръ, хотя и не танцующій. Но онъ просилъ меня представить его вамъ. Вотъ познакомьтесь: Борисъ Львовичъ Чермиловъ.

Я вскользь взглядываю на подошедшаго и невольно отступаю назадъ.

Кто это? Да неужели!..

Передо мною блѣдное, хмурое лицо; суровые глаза, продольная морщинка между бровями; черные усы, черные же, небрежно закинутые назадъ волоса; плотная, нѣсколько согнувшаяся фигура въ мундирѣ гвардейской стрѣлковой части.

— Неужели это вы, «лѣсной царекъ»?—говорю я съ непонятнымъ мнѣ самой чувствомъ радости.

— Какой тамъ «лѣсной царекъ»! Просто тѣнь отца Гамлета. Не видите развѣ? — остритъ Тима.

Чермиловъ смотритъ сурово, безъ улыбки и молча пожимаетъ мою руку. И подъ его суровымъ взглядомъ исчезаетъ веселье Тимы и мое.

— Такъ вы офицеръ? А я и не знала, — стараясь вовлечь его въ бесѣду, начинаю я.

Но онъ, повидимому, не разговорчивъ.

— А какъ поживаетъ мой знакомый, Мишка?—продолжаю я.

— Благодарю васъ. Хорошо, — глухо срывается у него.

За ужиномъ мы сидимъ рядомъ, и оба молчимъ. Если бы не Тима, можно было бы умереть со скуки. Милый мальчикъ старается во-всю, развлекая меня. Но на Чермилова онъ поглядываетъ сурово. Да и всѣ здѣсь какъ-то точно сторонятся «лѣсного царька».

— Мрачная личность...—шепчетъ мнѣ на его счетъ подъ шумокъ Тима.

Но мнѣ почему-то жаль Бориса Львовича. Не можетъ же безъ причины быть одинокимъ и грустнымъ такой еще молодой человѣкъ. И когда «Солнышко», прощаясь съ высыпавшими на подъѣздъ провожать насъ офицерами, приглашаетъ ихъ заглядывать къ намъ. я шопотомъ напоминаю ему о Чермиловѣ.

И его приглашаютъ тоже.

* * *

Теперь каждое воскресенье у насъ «журфиксы». Полъ-города собирается въ нашей гостиной. Старшіе играютъ въ карты, въ шахматы; «Солнышко»—ярый шахматистъ и предпочитаетъ игру въ шахматы всѣмъ другимъ развлеченіямъ.

У насъ бываютъ офицеры: Невзянскій, Тима Зубовъ, Линскій и Чермиловъ; бываютъ знакомыя барышни — мои сверстницы и ихъ братья.

Молодежь устраиваетъ шумныя игры, поетъ хоромъ,

читаетъ «кружкомъ» новую повѣсть или танцуетъ подъ фортепіано.

Душою общества всегда является Дина Раздольцева. Она еще подростокъ и не выѣзжаетъ на настоящіе вечера, но къ намъ ее отпускаютъ въ сопровожденіи ея длинной саксонки, фрейлейнъ Вульфъ.

Дина всегда ураганомъ влетаетъ въ нашу оливковую гостиную, внося съ собою непремѣнно какую-нибудь новость. Научить нашихъ ребятишекъ какой-нибудь шалости, подсыпать въ чай нѣмкѣ табаку, раздразнить яростнаго козла Сеньку на кухнѣ — вотъ ея обычныя проказы. Дѣти отъ нея въ восторгѣ. Съ ея появленіемъ начинается бурная суета въ нашемъ домѣ. Я, Вольдемаръ Медвѣдевъ съ его младшей сестричкой Соней, веселая Маша Ягуби и Тима Зубовъ присоединяемся къ скачущей, бѣснующейся и безудержу веселой Динѣ. Оба мои братишки не отстаютъ отъ насъ... Въ сущности, мы взрослые, такія же дѣти, не далеко ушли отъ нихъ и съ неменьшимъ удовольствіемъ играемъ въ жмурки, визжимъ и бѣснуемся точно ребята.

Татя всегда корректна и въ мѣру оживлена въ такія минуты. Сдержанными и какъ будто негодующими кажутся три сестрички Петровы.

— А вы, m-lle, очень подходите къ Динѣ,—язвитъ старшая.

— О, вы такъ схожи натурами,—вторитъ средняя.

— Вы не перейдете на «ты»?—невинно выпѣваетъ младшая.

И слѣдятъ за нашей возней темнѣющими отъ неудовольствія глазами.

— Присоединяйтесь къ намъ!—кричу я имъ съ невиннымъ видомъ.

— Какъ это можно! Мы не маленькія, чтобы бѣситься.

— Старыя дѣвы! — довольно громко говоритъ Дина и презрительно оттопыриваетъ губы.

— Ну ихъ! Не зовите ихъ, Лидокъ. Безъ нихъ веселѣе, — рѣшаетъ она.

Но я, отлично помня слова мамы-Нэлли держать себя равно любезной хозяйкой и съ симпатичными, и съ несимпатичными мнѣ людьми, присаживаюсь, скрѣпя сердце, къ сестричкамъ и завожу съ ними разговоръ на «высокія» темы объ искусствѣ.

А изъ угла комнаты на меня устремлена пара настойчивыхъ черныхъ глазъ, упорныхъ, угрюмыхъ и суровыхъ.

Борисъ Львовичъ Чермиловъ цѣлые вечера просиживаетъ молча въ нашей гостиной, перебирая альбомы и односложно отвѣчая на предлагаемые ему вопросы. Намъ рѣдко приходится перебросится съ нимъ двумятремя словами, но его глаза всюду и постоянно слѣдятъ за мною. И этотъ упорный, угрюмый и печальный взглядъ невольно будитъ во мнѣ сочувствіе и жалость.

Бѣдный юноша! Какое горе таится у него на сердцѣ

подъ этимъ расшитымъ галуномъ гвардейскимъ мундиромъ? — думаю я.

— Monsieur Тима, всегда онъ былъ такимъ?—обращаюсь я къ своему новому пріятелю, зачинщику всяческихъ шалостей и проказъ.

— Вы про тѣнь отца Гамлета? Что и говорить, мрачная личность,—отвѣчаетъ онъ и машетъ рукою.

— О, какой онъ таинственный и необыкновенный!— восторгаются три сестрички.

— Ого!—хохочетъ Вольдемаръ.—А по-моему, козелъ Сенька много таинственнѣе. Ужъ этотъ-то не говоритъ ни слова.

— Перестаньте,—сержусь я.—У Чермилова какое-то горе, а надъ горемъ смѣяться грѣшно и стыдно.

— Ну, ужъ и горе! Сомнительно что-то. Да онъ и въ колыбели былъ такимъ.

— А вы его знали въ колыбели? — подскакиваетъ Дина.

— Батюшки, испугался! Караулъ!

И Володя Медвѣдевъ со смѣхомъ лѣзетъ подъ диванъ съ дѣланнымъ испугомъ.

* * *

— Господа! Въ среднихъ губерніяхъ голодъ. Крестьяне и ихъ дѣти ѣдятъ хлѣбъ съ мякиной. И я предлагаю къ Рождеству устроить благотворительный базаръ, вещи же для этого базара дѣлать собственными руками.

И Дина, вся запушенная снѣгомъ, влетаетъ въ прихожую въ сопровожденіи своей длинной саксонки.

У насъ собралось цѣлое общество: Медвѣдевы, Фрункъ, Петровы, Ягуби и офицеры.

Я побѣдоносно, съ плохо скрытымъ торжествомъ, оглядываюсь на сестричекъ.

— Ага, — думаю я, — вотъ вамъ и «безманерная» Дина!

Никакія манеры не замѣнятъ отсутствія сердца, а оно у нея чистый брильянтъ.

— Ай, да m-lle Дина! Отличная идея! — подхватываетъ «Солнышко». — Жаль, что мы съ Лидюшей слабоваты насчетъ женскихъ рукодѣлій, а то и я бы вамъ помогъ.

— Мы также плохо шьемъ, — говорятъ три сестрички, — но зато... — Зина, средняя, изображаетъ любезную улыбку на своемъ лицѣ,—я буду вамъ играть, пока вы будете работать, я все время буду играть.

— А я срисую съ каждой изъ васъ по портрету,— предлагаетъ Нина.

— А я спою что-нибудь для вашего развлеченія,— щебечетъ Римма.

— О, смилосердуйтесь, mademoiselles! — съ патетическимъ ужасомъ вскрикиваетъ Вольдемаръ, вскидывая руки къ небу. — Мы развѣсимъ уши отъ столькихъ пріятныхъ удовольствій и не наработаемъ ничего.

— Увы!—срывается у меня грустно.—Насчетъ ра-

боты я, дѣйствительно, «швахъ», «Солнышко» правъ: я умѣю только вязать изъ шерсти на двухъ спицахъ.

— Вотъ и отлично. А я умѣю только дѣлать шапочки изъ пуха, — обрадовалась Дина.

— Господа! Пусть никто не стѣсняется и дѣлаетъ все, что въ его силахъ.

— Я буду выпиливать изящныя вещицы, — предложилъ Тима.

— Я недурно рисую акварелью, — вставилъ Линскій.

— Представьте себѣ, что я шью, какъ заправская портниха, — неожиданно выпалилъ Вольдемаръ. — Спросите сестеръ. Честное слово! Сонѣ я такой однажды лифъ соорудилъ, что мое почтеніе! Ха-ха-ха!

— И вотъ, господа, мы наработаемъ много-много всякой всячины къ Рождеству, а во время городской елки разложимъ въ залѣ ратуши всѣ наши вещи и распродадимъ, деньги же пошлемъ голодающимъ крестьянамъ.

— А я беру на себя миссію объѣздить весь городъ и собрать у нашихъ обывателей въ помощь вашему дѣлу все, что только возможно, — вставила мама-Нэлли, за что я, Дина и Маша Ягуби на радостяхъ едва не задушили ея въ нашихъ необузданныхъ объятіяхъ. — И весь мой старый гардеробъ къ вашимъ услугамъ... — среди отчаяннаго града поцѣлуевъ, спѣшитъ договорить она.

— Вы ангелъ! — кричитъ Дина. — Вы небожительница!

— Вы восторгъ!

— Ach, mein Gott! — роняетъ саксонка, очень мало понявшая изъ всей нашей оживленной болтовни.

А Вольдемаръ уже летитъ въ сопровожденіи мамы-Нэлли, вмѣстѣ съ Соней Медвѣдевой, Машей и мною на антресоли, гдѣ у насъ хранятся старые, вышедшіе изъ моды костюмы и самое разношерстное тряпье.

Мы роемся въ немъ съ полчаса, потомъ возвращаемся въ гостиную, нагруженныя каждая до подбородка старыми платьями и кусками шелка, бархата и кружевъ.

— Господа, смотрите! Здѣсь такая масса вещей, что изъ нихъ можно костюмы накроить и понашить для дѣтишекъ голодныхъ кофточки теплыя, капора и все такое. Чудесно! — кричитъ съ порога ликующая Дина.

Насъ встрѣчаютъ громкими возгласами восторга. Всѣ оживлены, одухотворены предстоящей работой. Желаніе принести пользу захватило всѣхъ. Быстро разбираемъ матеріалъ, кроимъ, поремъ, сшиваемъ.

Я смѣюсь и болтаю взапуски съ Диной, увлеченная горячкой работы не меньше другихъ, но неожиданно смолкаю, встрѣтивъ на своемъ лицѣ взглядъ угрюмыхъ, печальныхъ глазъ.

Передо мною стоитъ Борисъ Львовичъ Чермиловъ. Его губы кривятся въ усмѣшкѣ, глубокая морщинка бороздитъ лобъ. Какое у него несчастное лицо въ эту минуту!

Всѣ мы заняты...

— Вы знаете,—глухо звучитъ его голосъ,—я совершенно лишній здѣсь, потому что рѣшительно не обладаю никакими талантами, которыми я могъ бы принять участіе въ задуманныхъ здѣсь работахъ, но... но... я внесу свою лепту въ ваше предпріятіе. Объ этомъ не безпокойтесь.

И, сдѣлавъ одинъ общій поклонъ, Чермиловъ удалился, несмотря на усиленныя просьбы «Солнышка» и мамы-Нэлли.

Странный человѣкъ!

* * *

Наши вечера пріобрѣли за дѣломъ какую-то особенную прелесть. Большой обѣденный столъ играетъ теперь роль рабочаго стола. Молодыя головы, склоненныя надъ работой, свѣжія юныя лица, добрыя шутки и веселый смѣхъ—это какъ-то особенно подошло къ свѣтлой идеѣ полезнаго труда, которую внесла впервые веселая маленькая Дина.

Всѣ мы заняты, всѣ приносимъ пользу по мѣрѣ силъ и возможности. Я вяжу безконечныя одѣяла на деревянныхъ спицахъ, розовыя, желтыя, бѣлыя и голубыя. Тремъ сестричкамъ дали работу полегче: подрубать изящные галстуки и носовые платки, которыми изобилуетъ наше имущество. Впрочемъ, младшая разрисовываетъ еще и фарфоровыя тарелки. Карменъ, то-есть старшая Медвѣдева, Ларя, вмѣстѣ съ братомъ сооружаетъ удвоенными силами какую-то умопомрачительную

накидку изъ кружевъ, тюля и лентъ, и трудно рѣшить, у кого она выходитъ искуснѣе. Кажется, пальма первенства принадлежитъ Вольдемару. Тима Зубовъ помогаетъ сматывать шерсть и шелкъ, то-есть, попросту говоря, мы безсовѣстно пользуемся его растопыренными пальцами, съ которыхъ сматываемъ шерстяныя и шелковыя нитки. При этомъ восемнадцатилѣтній офицерикъ, къ общему смѣху, непремѣнно путаетъ матеріалъ настолько, что его приходится потомъ долгое время приводить въ порядокъ. Кто-нибудь изъ офицеровъ, Линскій, Невзянскій или юный баронъ Леля, читаетъ. Мы слушаемъ, затаивъ дыханіе, то безсмертные «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», то «Русскихъ женщинъ», то «Дворянское гнѣздо».

Иногда неожиданно и всегда быстро появляется молчаливый Чермиловъ.

— Прямо изъ лѣсу. Отъ васъ хвоей пахнетъ. Прелесть, какъ важно,—восторгается Дина и, глядя любопытными глазами въ лицо молодому человѣку, освѣдомляется быстро:—ну, а вашъ сюрпризъ? Приготовили его для базара?

«Лѣсной царекъ» въ такія минуты мычитъ что-то неопредѣленное себѣ въ носъ.

Вольдемаръ хохочетъ.

— А m-lle Дина совсѣмъ не любопытна. О, нѣтъ!

Борисъ Львовичъ, хмурый и угрюмый, не улыбается даже и молча садится въ свой уголъ.

Я снова вижу пару черныхъ блестящихъ глазъ,

устремленныхъ на меня оттуда. Онъ точно присматривается ко мнѣ, точно изучаетъ мои движенія, лицо, походку. И мнѣ становится какъ-то жутко и не по себѣ подъ этимъ настойчивымъ взглядомъ. Потомъ онъ такъ же быстро и безшумно уходитъ, какъ и появляется, не простившись ни съ кѣмъ.

— Не люблю я этой тѣни отца Гамлета,—смѣется Маша Ягуби, покачивая ему вслѣдъ головой.

— Пари держу, что онъ опять въ лѣсъ удралъ,— вторитъ ей Володя Медвѣдевъ.

— Неужели онъ никогда не смѣется?—срывается у его младшей сестры, Сони.

— Нѣтъ, какъ же!—отзывается Тима.—Разъ я видѣлъ его хохочущимъ, когда его Мишка съ солдатомъ боролся: совсѣмъ какъ будто другой человѣкъ.

— Ахъ, правда!—едва не вырвалось у меня.—Вѣдь и я видѣла этого мрачнаго человѣка добродушно, ребячески довольнымъ въ обществѣ его мохнатаго друга.

— Господа, прошу вниманія,—возглашаетъ Линскій, мастерски читающій стихи, и возвышаетъ свой красивый баритонъ.

Гурзуфъ живописенъ.
Въ роскошныхъ садахъ
Долины его потонули...

— Господа, кто стащилъ мою иголку?

— Дина! Тссс!.. Штрафъ!..

За помѣху въ чтеніи взимается штрафъ въ пользу тѣхъ же голодающихъ.

И платимъ-таки мы штрафъ съ особеннымъ удовольствіемъ и охотой.

А работа быстро подвигается впередъ. Да и время:—на дворѣ стучится рождественскій сочельникъ.

* * *

Наконецъ-то! Вонъ онъ, давно ожидаемый свѣтлый праздникъ! Дождались-таки Рождества!

Огромная елка стоитъ въ нашей гостиной. Запахъ свѣжей хвои наполняетъ всѣ комнаты. Нарядныя веселыя дѣтишки порхаютъ въ нихъ, какъ пестрые мотыльки. Гремитъ весь вечеръ рояль подъ искусными руками Эльзы. Варя безъ конца выдумываетъ игры, увеселяя маленькихъ хозяевъ и ихъ гостей.

Я съ удовольствіемъ принимаю участіе въ дѣтскихъ забавахъ, а сама нѣтъ-нѣтъ да поглядываю на часы: послѣ дѣтской елки мы съ «Солнышкомъ» и мамой-Нэлли ѣдемъ на «нашъ» знаменитый базаръ въ городскую ратушу—«нашъ» базаръ, устроенный нами, молодежью... Тамъ же и нашъ костюмированный вечеръ заодно.

Прелестный костюмъ цвѣточницы съ корзиною живыхъ цвѣтовъ разложенъ со всяческими предосторожностями у меня на кушеткѣ, и черная полумаска ждетъ тамъ же на столѣ. Рѣшено, что я войду немного позднѣе въ залу, чтобы никто не узналъ Лиды Воронской по сопутствующимъ ей роднымъ.

Эта оригинальная затѣя костюмированнаго базара принадлежитъ Володѣ Медвѣдеву.

— Гораздо интереснѣе не знать, у кого покупаешь. Забавнѣе во сто разъ,—увѣрялъ онъ.

По окончаніи базара рѣшено ѣхать кататься въ мокшанахъ.

— Будемъ заѣзжать въ знакомые и незнакомые дома,—блестяще развиваетъ дальше эту идею Тима.

— Ахъ, вотъ чудесно! Восторгъ! — пищатъ барышни.

— Какъ хотите, а дочку я съ вами безъ себя не пущу,—рѣшительно заявилъ тутъ же «Солнышко».

Поднялись суматоха, охи, протесты и буря ропота.

— А вы вотъ что, Алексѣй Александровичъ, вы поручите вашу дочь мнѣ. Будьте покойны, довеземъ въ сохранности,—неожиданно заявилъ Тима.

— Что?! Вамъ?! Тимочка, не обижайтесь, голубчикъ, да вамъ самому гувернантку надо.

И мой отецъ, знавшій Зубова еще въ дѣтскіе годы, расхохотался самымъ безобиднымъ смѣхомъ.

— Ну, а безъ Лидочки я не поѣду,—рѣшительно заявила Маша Ягуби.

— А васъ-то пускаютъ самое, Надюша?—обратились къ Динѣ.

— Увы, нѣтъ! Безъ нѣмки нельзя, а нѣмка не хочетъ ни за что,—чуть не плача говоритъ Дина.

Наконецъ, рѣшено было, что «Солнышко» поѣдетъ съ

нами. Для этой цѣли со дна сундука былъ извлеченъ костюмъ боярина, въ которомъ онъ когда-то участвовалъ въ одномъ великосвѣтскомъ спектаклѣ.

Къ общему восторгу юной компаніи удалось заполучить согласіе моего отца, который являлся «душой» всякаго общества, веселый, жизнерадостный, неисчерпаемый на всякія затѣи.

* * *

Въ семь часовъ вечера съ трудомъ удалось развезти компанію малышей, ни за что не хотѣвшихъ разъѣзжаться по домамъ. Нѣкоторые изъ маленькихъ гостей устроили форменный концертъ въ передней, пока бонны, няни и гувернантки превращали всю эту юную публику въ безформенные свертки теплыхъ шубокъ, шалей и одѣялъ.

Наступила и моя очередь веселиться.

Костюмъ цвѣточницы, распущенные по плечамъ локоны и большая благоухающая корзина живыхъ цвѣтовъ, которые я должна буду продавать у своего кіоска одновременно съ изящными вещицами туалета и не менѣе изящными, собственноручно нами сооруженными, бездѣлушками... Черная полумаска дѣлаетъ меня совершенно неузнаваемой, и только по высокой хрупкой фигуркѣ, да по стремительнымъ движеніямъ можно узнать въ нарядной цвѣточницѣ Лиду Воронскую.

Я вхожу въ залу ратуши какъ разъ въ ту минуту,

когда духовой оркестръ играетъ тушъ, и торговля на базарѣ уже началась.

— Лидочка, я васъ сразу узнала. Спѣшите къ вашему кіоску, скорѣй, скорѣй!

И хорошенькій подвижной чертенокъ въ бархатной полумаскѣ хватаетъ меня за руку.

— Дина!—со смѣхомъ вырывается у меня.

— Тссс! Не смѣть открывать моей тайны!—шепчетъ чертенокъ и грозитъ мнѣ пальцемъ.—А впрочемъ, по моей «тѣни» каждый узнаетъ меня.

И Дина сердито киваетъ въ сторону долговязой саксонки, дѣйствительно не отступающей отъ нея ни на шагъ. Потомъ быстро наклоняется къ моему уху и шепчетъ лукаво, задыхаясь отъ смѣха:

— Нѣтъ, вы подумайте только: я ей привидѣніемъ посовѣтовала нарядиться, а она вздумала обидѣться, эта прелесть...

И она со смѣхомъ бросается къ своему кіоску.

Зала ратуши уже полна самою изысканною публикой. Я мелькомъ окидываю кіоски взглядомъ и съ трудомъ узнаю своихъ друзей.

Тима Зубовъ или не онъ?

Бѣлый, съ красными пуговицами, клоунъ вертится волчкомъ подлѣ Маши Ягуби, одѣтой цыганкой-гадальщицей.

Баронесса Татя—Коломбина. Ея братъ Олегъ—пестрый арлекинъ. Невзянскій—бандитъ. Карменъ и Соня

олицетворяютъ собою зиму и лѣто. Три сестрички Петровы вѣрны себѣ: онѣ изображаютъ трехъ музъ съ лирами въ рукахъ; у третьей, Риммы, почему-то за плечами крылышки херувима.

Но кто это тамъ въ углу?

Боже мой! Да вѣдь это самъ «лѣсной царекъ» съ всклоченной зеленой бородою, въ одеждѣ изъ коры березы, съ сучковатыми руками въ видѣ древесныхъ же вѣтокъ, со спутанными зелеными волосами. Вмѣсто пояса у него длинная цѣпь со многими концами, и на каждомъ изъ нихъ прикрѣплено по маленькому живому неуклюжему медвѣжонку.

Неужели это онъ, „лѣсной царекъ“? Такъ вотъ какова его дань нашему благотворительному дѣлу! Не имѣя возможности помочь намъ работой, онъ рыскалъ по лѣсу, пока не нашелъ берлоги медвѣдицы, и, можетъ быть, съ опасностью для жизни извлекъ оттуда этихъ прелестныхъ четырехъ медвѣжатокъ.

Я обожаю звѣрей немногимъ развѣ менѣе растительной природы и поэтому, предоставивъ моему помощнику Линскому вести дѣло продажи у своего кіоска, лечу на дальній конецъ залы, гдѣ на соломенныхъ подстилкахъ лежатъ четыре милые звѣрька у ногъ «лѣсного царька».

— Борисъ Львовичъ, что за великолѣпная идея пришла вамъ въ голову!

Онъ вздрагиваетъ отъ неожиданности и дергаетъ цѣпь, заставивъ милыхъ «Мишуковъ» поднять головенки

и испуганно оглянуться вокругъ сонными маленькими глазенками.

— Вы?!—срывается съ его устъ такъ тихо, что я только одна слышу это. Черные молодые глаза радостно смотрятъ на меня изъ-подъ нависшихъ зеленыхъ бровей зеленобородаго лѣсного дѣда.

Я долго забавляюсь чудесными звѣрюшками, потомъ отхожу къ своему кіоску.

— За лѣнивую и нерадивую работу слѣдовало бы штрафовать,—нарочно сердитымъ голосомъ гремитъ невысокій пилигримъ, Володя Медвѣдевъ.

— Святой отецъ, я невиновна въ этомъ,—декламирую я, смиренно складывая руки на груди и преклоняя передъ нимъ голову.

— Хотите, я сейчасъ на рукахъ пройдусь отъ радости. Вѣдь какъ торгуемъ-то!—совсѣмъ уже по-дѣтски радуется Вольдемаръ.

— Нѣтъ, а Чермиловъ-то каковъ!—подскакивая къ намъ, смѣется Тима.—Просто клоунъ: четырехъ медвѣжатъ приволокъ. Каково! Доставалъ, говоритъ, за тридцать верстъ отсюда, едва живой отъ медвѣдицы ушелъ.

— Эка невидаль медвѣжата! Да я вамъ слона приволоку изъ Индіи для будущаго базара,—острить Володя.

— Нѣтъ, ужъ лучше крокодила,—хохочетъ подоспѣвшая Дина.

— Ну, и крокодила!—великодушно соглашается тотъ.

А торговля между тѣмъ идетъ прекрасно. Всѣ жи-

тели Царскаго знаютъ симпатичную цѣль базара и всячески стараются поддержать ее. Кіоски осаждаются, какъ говорится, съ боя. Тима и Вольдемаръ зазываютъ къ себѣ, какъ настоящіе торговцы, подъ общій хохотъ.

— Къ намъ пожалуйте-съ. У нихъ не покупайте-съ! Ихній товаръ гнилой, нашъ первый сортъ, самый лучшій! Покупали за гривенникъ—продаемъ за рубль, безъ торгу-съ!

Съ непривычки мы, барышни, путаемся, конфузимся, но оправляемся вскорѣ, и дѣло идетъ, какъ по маслу: товаръ, менѣе чѣмъ въ два часа, раскупленъ весь.

Раскуплены любителями и четыре косолапыхъ Мишки. Чермиловъ, освобожденный отъ обязанности торговца, присоединяется къ моему кіоску.

— Правда, что вы проникли въ логовище звѣря и унесли оттуда Мишекъ?—ошарашиваю я его сразу вопросомъ.

— Правда,—говоритъ онъ просто.

— Но у васъ было, конечно, оружіе?

— Да, короткій охотничій ножъ.

— Какъ! А ружье?

— Зачѣмъ? Я бы могъ ранить имъ нечаянно одного изъ этихъ милыхъ звѣрюшекъ.

— Но если бы она... медвѣдица...

Я не доканчиваю. Дыханіе замираетъ у меня въ груди.

— Я бы защищался моимъ ножомъ, — отвѣчаетъ онъ еще проще.

Я смотрю на него новыми глазами. Какъ онъ смѣлъ, этотъ тихій, молчаливый человѣкъ! Какая у него цѣльная, неисчерпанная натура! Большой Джонъ и этотъ... Какъ они тождественны и разны между собою!.. И, позабывъ все въ эту минуту, я начинаю говорить Борису Чермилову о покойномъ Джонѣ. Я вкладываю въ свои слова столько чувства и нѣжности къ ушедшему другу, что мой собесѣдникъ проникается особеннымъ вниманіемъ къ нему.

— Когда вы къ намъ придете, я вамъ покажу его портретъ,—заканчиваю я свою хвалебную рѣчь въ память Большого Джона.

— Я приду,—говоритъ Чермиловъ, и подъ зелеными наклеенными усами его улыбаются почти не знающія улыбки губы.

* * *

— Садитесь же, господа, садитесь. А то не успѣемъ и знакомыхъ объѣхать. Уже ночь на дворѣ.

Къ подъѣзду ратуши подали широкія, огромныя, человѣкъ на пятнадцать, розвальни-сани—мокшаны.

Съ хохотомъ, шутками и веселымъ говоромъ мы размѣщаемся въ нихъ. Вольдемаръ, точно кормчій большого корабля, стоитъ на главномъ мѣстѣ, мѣшаетъ всѣмъ разсаживаться и дирижируетъ руками, какъ заправскій капельмейстеръ оркестра...

— Господинъ полковникъ, вы сюда, на предсѣдательское мѣсто! — усаживаетъ онъ «Солнышко»,—а дочка

рядомъ. Другого сосѣда, прелестная цвѣточница, благоволите сами себѣ избрать.

— Меня выберите,—шепчетъ мнѣ Тима.

— Нѣтъ, ужъ если на плутовство дѣло идетъ, такъ меня!—громко кричитъ Вольдемаръ, разслышавшій его слова.

— А по-моему, узелки тянуть,—предлагаетъ кто-то.

— Борисъ Львовичъ, пожалуйте къ намъ. «Лѣсной царекъ», къ намъ!—зову я громко Чермилова.

— Вотъ тебѣ разъ! А почему бы не меня? — морщась, тянетъ тономъ капризнаго дитяти Вольдемаръ.— А я,—я за-пла-а-а-чу.

И онъ принимается завывать въ голосъ.

Молодой парень-ямщикъ поворачиваетъ къ нему широко осклабившееся лицо.

— Ништо, барченокъ, не реви... Ступай лѣзь сюды на козла; ты парень дошлый, сейчасъ видать, править могишь,—предлагаетъ онъ юношѣ.

— Могишь! могишь!—закивалъ и зарадовался Вольдемаръ и, повернувъ къ намъ смѣющееся лицо, сдѣлалъ комически недоумѣвающую гримасу. — А что, дошлый и дохлый, пардонъ за выраженіе, не одно и то же будетъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! Успокойтесь, нѣтъ!—смѣясь, хоромъ отвѣчаемъ ему мы.

Около молоденькаго, всегда тихаго, уступчиваго и корректнаго барона Лели группируются три сестрички.

— Ахъ, мы боимся ѣздить въ мокшанахъ. На поворотахъ вывалятъ вдругъ,—пищатъ онѣ.

— Не бойтесь, на снѣгу мягко, — утѣшаетъ ихъ Вольдемаръ, уже взгромоздившійся на козлы.

— Чуръ! Господа, уговоръ дороже денегъ. Насчетъ «опрокидоносовъ» изъ саней я рѣшительно не согласенъ.

И веселое, оживленное лицо «Солнышка» выглядываетъ своими молодыми глазами изъ-подъ боярской шапки.

— Нѣтъ, нѣтъ, г-нъ полковникъ, вы на насъ упадете, мягко будетъ,—высовываетъ изъ-подъ воротника своей офицерской шинели юное, почти дѣтское лицо Тима.

— А Дину-то не пустили! Вотъ жалость!—волнуется Маша Ягуби.

— Мы ей завтра сочувственный адресъ пошлемъ,— отзывается Вольдемаръ съ козелъ, а вслѣдъ затѣмъ взвываетъ дикимъ кучерскимъ выкрикомъ:

— Эй, родимые, вывози!

Лошади, испугавшись, сразу берутъ съ мѣста чуть ли не галопомъ, и тяжелыя мокшаны наклоняются въ бокъ.

— Эге, да у васъ, юноша, кучерскія способности не то чтобы очень,—смѣется «Солнышко», въ то время какъ его сильная рука подхватываетъ меня на случай паденія.

— Это сначала только. Увѣряю васъ, что больше трехъ разъ мы не вывалимся,—утѣшаетъ его Медвѣдевъ.

— Га-га-га!—гогочетъ ямщикъ, которому пришелся

по сердцу веселый баринъ, успѣвшій его уже угостить папироской.

— Ай! Ай! Мы не согласны!—пищатъ барышни, въ то время какъ баронесса Татя спокойно улыбается сдержанно красивой улыбкой.

— Володька! Гадкій! Не смѣй! — горячится Соня.

— Да не бойтесь же...

Мокшаны накреняются на другой бокъ подъ новый визгъ и неумолкаемый хохотъ.

— Ну, юноша, еще такой опытъ, и вы будете уволены съ козелъ, — шутливо поднимаетъ голосъ «Солнышко».—Я у васъ за старшаго, въ нѣкоторомъ родѣ начальство, и извольте слушаться. Да-съ.

— Только для васъ, господинъ полковникъ.

И, принявъ смиренный видъ, Вольдемаръ уже серьезно занимается лошадьми.

А сверху глядитъ темное бархатное небо, испещренное золотыми точками звѣздъ. Звѣзды словно улыбаются намъ, кивaютъ и зажигаютъ такую же «звѣздную» радость на землѣ.

Звенятъ колокольчики подъ дугою. Крѣпчаетъ декабрьскій морозъ. Но мнѣ тепло: съ одной стороны теплая шуба «Солнышка» грѣетъ меня, съ другой—такая же теплая «лѣсного царька». Черные глаза глядятъ изъподъ наклеенныхъ бровей. Тайнами лѣса и жутью одинокой человѣческой души полонъ этотъ взглядъ, такой

задумчивый и угрюмый, такой значительный и печальный при общемъ весельѣ...

* * *

Стопъ!..

Мокшаны останавливаются передъ освѣщенными окнами дома князя Б. Семью князя уже предупредили, что къ нимъ пріѣдутъ сегодня ряженые. Насъ встрѣчаютъ денщики и лакеи, выбѣжавшіе на подъѣздъ.

Впопыхахъ надѣваемъ маски и входимъ въ ярко освѣщенную залу.

Насъ ждали. Въ столовой столъ, уставленный яствами; въ залѣ—хоръ трубачей и пѣсенниковъ. Солдаты позваны пѣть исключительно для насъ. Позднѣе, давъ намъ наслушаться пѣнія и музыки, княгиня садится за рояль, и мы танцуемъ. Князь же, высокій, красивый старикъ, подходитъ къ каждому изъ насъ, стараясь узнать, кто мы.

Смѣхъ, шутки, догадки.

Узнали только «Солнышко» и баронессу Татю. Вольдемаръ же пресерьезно увѣряетъ князя, что онъ переодѣтая барышня, и тотъ вѣритъ ему къ общему восторгу.

Къ намъ присоединяется племянникъ князя, молоденькій гусаръ, одѣтый монахомъ, и мы уѣзжаемъ подъ безконечныя привѣтствія хозяевъ.

Отъ князя Б. мы поѣхали къ Рагодскимъ.

Маша Ягуби, какъ истая цыганка, гадаетъ всѣмъ

на ладони. Оказывается, Марья Александровна должна, согласно линіямъ руки, прожить сто лѣтъ, быть прабабушкой и при этомъ не потерять ни одного зуба; а ея дочь, тоненькая, стройная и тихая Наташа, пріѣхавшая на рождественскія каникулы изъ института домой,— выйти замужъ за владѣтельнаго принца.

Нашумѣвъ и наболтавъ чепухи, мы исчезаемъ подъ общій хохотъ.

Послѣдній визитъ нашъ къ купцу-милліонеру И. Но «самого» нынче нѣтъ дома, а «сама» ряженыхъ и покойниковъ боится больше всего на свѣтѣ. Мы слышимъ еще въ прихожей, какъ она кричитъ на весь домъ:

— Акулина! Домна! Перепетуя! Убери польты съ вѣшалокъ сичасъ! Кто ихъ знаетъ, ряженыхъ-то, изъ какихъ они будутъ! Вонъ намедни, баютъ въ газетахъ, такіе же ряженые въ Питерѣ дочиста у купца Митрофанова весь домъ обобрали. Польты-то, да одежу, какая получше, убери. Да молодцамъ вели для всякаго случая наготовѣ стать у воротъ, да...

— Вотъ такъ пріемецъ!—не удержался кто-то изъ насъ, и всѣ остальные съ хохотомъ бросились къ мокшанамъ.

Одинъ «Солнышко» остался успокоивать не въ мѣру трусливую старуху и въ концѣ концовъ сбросилъ маску и откланялся ей.

— Охъ, батюшки мои! Что-жъ это ты раньше-то мнѣ, ваше высокородіе, не отлекимендовался? Да я такихъ

гостей дорогихъ и посадить-то не знаю гдѣ... Акуля! Домна! Перепетуя! Тащи все, что дома есть... Чаю, кофею, щеколадъ, пастилы, орѣховъ, винца... Ахти, срамота какая!—кричала она снова, раскраснѣвшись отъ волненія.

— Нѣтъ ужъ, покорно васъ благодарю за всю честную компанію, матушка; намъ домой пора.

И, едва удерживаясь отъ смѣха, мой отецъ ретировался слѣдомъ за нами на крыльцо.

— Вотъ такъ обласкали!—надрывался Вольдемаръ на козлахъ.—За грабителей приняли! Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!—отозвались мы ему веселымъ смѣхомъ.

— Тсс! Mesdames et messieurs! Я прошу слова.

И мой отецъ поднялъ руку надъ головой, призывая всѣхъ насъ къ порядку и вниманію.

— Что? Что такое, Алексѣй Александровичъ?

— А то, что, вмѣсто столь неудачнаго визита, я бы посовѣтовалъ вамъ заѣхать къ Раздольцевымъ, навѣстить бѣдную m-elle Дину, которая, вѣроятно, тоскуетъ дома, лишенная пріятной прогулки.

— Вотъ, это идея! И покружиться, кстати, тамъ можно. У нихъ дивная зала для танцевъ,—съ восхищеніемъ роняла Соня, хлопая въ ладоши.

Милый «Солнышко»! Онъ всегда, по свойственной ему ангельской добротѣ, думалъ доставить радость другимъ!

Мнѣ неудержимо захотѣлось броситься на шею высокому боярину.

Мнѣ неудержимо захотѣлось обвить руками шею дорогого моего отца и шепнуть ему на ухо тихо, чтобы не разслышалъ никто:

— «Папа, золото мое! Какъ я люблю тебя за твою доброту и чуткость! Вѣдь мы всѣ позабыли въ своемъ собственномъ эгоистичномъ весельѣ о бѣдной Динѣ. Ты одинъ захотѣлъ и сумѣлъ утѣшить бѣднаго подростка, милый, ласковый, хорошій, «Солнышко» мое!»

Но я стѣснялась осуществить мое желаніе въ присутствіи столькихъ людей и только крѣпко сжала руку отца, понявшаго и безъ словъ это мое пожатіе.

У Раздольцевыхъ мы провели остатокъ вечера. Пѣли цыганскія пѣсни хоромъ, плясали, играли.

Нечего и говорить, что Дина была въ восторгѣ и прыгала какъ маленькій ребенокъ, забывъ свои почти «взрослыя» пятнадцать лѣтъ.

* * *

— Пойдемъ гадать на перекрестокъ, Варя.

Бѣшеная святочная недѣля уже на исходѣ. Вчера мы встрѣчали Новый годъ въ обществѣ нашихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Сегодня «Солнышко» и мама-Нэлли отправились на вечеръ къ князю Б. Звали и меня съ собою, но я отказалась.

Я не люблю этихъ блестящихъ баловъ съ милліардами люстровыхъ огней, съ громомъ оркестра и чопорнымъ обществомъ «большого свѣта». Среди бальной

залы я чувствую себя такой маленькой и ничтожной. Да и вообще, вся эта свѣтская сутолока не по мнѣ. Она отвлекаетъ меня отъ моего любимаго дѣла, которое совершается тихо-тихо подъ сѣнью моей скромной комнатки, невѣдомое никому.

Я пишу институтскія воспоминанія. Передо мною чередой проходятъ знакомыя лица: блѣдная черкешенка, похожая на черную розу, порывистая, экзальтированная княжна Ю. съ Кавказа, сгорѣвшая въ три мѣсяца отъ злѣйшей чахотки, тихая, кроткая Лиза М. и другія — цѣлый рядъ женскихъ силуэтовъ, которые я заношу на страницы моего дневника. Кто знаетъ, быть можетъ, когда-нибудь они и пригодятся мнѣ для болѣе серьезной работы... Потомъ пишу стихи. Музыка риѳмъ опьяняетъ меня. Напряженная мысль творитъ образы... Вѣроятно никогда не увидятъ свѣта эти ничтожные неправильные обрывки моей души, но отказаться мечтать надъ ними нѣтъ мужества и силъ дерзкой, восторженной дѣвочкѣ... Сегодня никто не мѣшалъ за весь вечеръ. Гостей не было, и я погружаюсь въ мои грезы. Ахъ, если бы можно было уйти далеко, въ какіе-нибудь заповѣдные лѣса, въ глухія зеленыя трущобы, носить шкуру звѣрей на плечахъ, питаться лѣсными плодами и пить хрустальную воду изъ ручья... цѣлыми днями носиться на дикой лошади по дебрямъ, какъ древняя амазонка, натягивать тетиву лука и ночью... ночью, слушая природу, творить образы и пѣсни и сочныя строфы легендъ...

— Ха-ха-ха! Недурное желаніе! — слышу я веселый смѣхъ Вари.

— Какъ, неужели я мечтала вслухъ?!

— Конечно... И знаешь ли, удивительные проекты! Но что бы ты стала дѣлать зимою, когда вода замерзаетъ, а подъ снѣгомъ умираютъ лѣсные плоды?

— Дѣйствительно, — соглашаюсь я съ растерянной улыбкой.—Пойдемъ лучше гадать на перекрестокъ, Варя.

Ея свѣтлыя брови хмурятся, она поджимаетъ тонкія губы и цѣдитъ едва-едва:

— Грѣховное это занятіе, противное Богу.

— Ахъ, Варя, ты совсѣмъ монахиней стала.

— А ты не смѣйся,—сурово говоритъ она,—каждому свое. Ты мечтаешь сдѣлаться писательницей, а я, глупая, неученая, бездарная, пожалуй, буду монашкой.

По ея искривленнымъ губамъ я чувствую, что она сердится.

— Перестань, милая Варя, я же не хотѣла тебя обидѣть... А по поводу писательства оставь: я ни о чемъ не мечтаю, ничего не жду... Но вѣришь ли, Варя, я не могу жить безъ большого, захватывающаго дѣла, не могу жить такъ, какъ живутъ наши барышни изъ общества... Ахъ, Варя, ужасно умереть, не принесши пользы никому, — ни пользы, ни счастья, не оставивъ никакого слѣда за собою.

— Не говори глупостей. У тебя все впереди, — го-

воритъ она глухо:—молодость, здоровье, богатство, всеобщая любовь и... талантъ.

— Талантъ? Ты говоришь, талантъ, Варя? — визжу я, кидаясь ей на шею.

— Тише, сумасшедшая, дѣтей разбудишь.

— Талантъ! Талантъ! Талантъ! — припѣваю я, кружась по комнатѣ и раздувая юбки.

Какъ жаль, однако, что мой талантъ признается одной только Варей. И никто не знаетъ о немъ, ни единая душа.

— Пойдемъ же гадать, «слушать» на улицу, Варюша. Мы узнаемъ, по крайней мѣрѣ, есть ли у меня талантъ или нѣтъ.

— Гадать? Ни за что!

— Ну, тогда, оставь меня. Я буду гадать одна передъ зеркаломъ.

— Ага! Не боишься! А если тебѣ привидится «онъ»?

И она дѣлаетъ пугающіе, таинственные глаза, говоря это.

— Кто это онъ, позвольте узнать? — освѣдомляюсь я насмѣшливо.

— Да тотъ, кого ты твоимъ богоотступнымъ дѣломъ собираешься тѣшить.

— А... monsieur Нечистый! Такъ бы и говорила. Ничего я не боюсь, Варя. Ты научи меня только, какъ это гадаютъ передъ зеркаломъ.

— И не подумаю, грѣховодница. Выдумала тоже!

— Тогда обойдусь и безъ твоей помощи... Даша! Даша! — кричу я, забывшись, на весь домъ.

Веселая, разбитная горничная стоитъ передо мною. Варя презрительно фыркаетъ и исчезаетъ.

— Совсѣмъ испортились онѣ карахтеромъ опять за послѣднее время. А еще въ монашки собираются! Куда имъ! — подмигиваетъ ей вслѣдъ Даша.

— Научите, какъ это гадаютъ передъ зеркаломъ, Даша, — прошу я ее.

— А не боитесь, барышня?

— Ничуть.

— Тогда, извольте-съ.

* * *

Я сижу передъ овальнымъ зеркаломъ, поставленнымъ на столѣ въ маленькой гостиной. Противъ него—другое маленькое зеркальце. Двѣ свѣчи поставлены между ними. Всѣ другіе огни потушены въ этой комнатѣ и въ другихъ, расположенныхъ длинной амфиладой до самой передней.

Я совершенно одна... Дѣти спятъ... Варя читаетъ въ дальней комнаткѣ Эльзы житіе святыхъ. Эльза уѣхала еще съ утра въ Петербургъ къ своимъ знакомымъ. За окнами бушуетъ мятелица. Дико завываетъ вѣтеръ, и этотъ бѣшеный вой отдается въ трубахъ печей и камина. Въ холодномъ стеклѣ зеркала отражается цѣлый коридоръ безчисленныхъ огней. Это мои двѣ свѣчи, повторенныя безконечное число разъ въ его гладко отполированной хрустальной поверхности. Ни тѣни страха

Я сижу передъ зеркаломъ...

во мнѣ — одно жгучее, острое любопытство... Вспоминаются институтскіе годы. Моя подруга Зина Бухарина всегда гадала такъ въ крещенскіе вечера. Увѣряла, что видѣла одинъ разъ Евгенія Онѣгина, другой — инспектрису, третій—черную корову... Посмотримъ, что-то увижу я. Мои глаза погружаются снова въ отполированную гладь стекла.

Безконечная свѣтовая галлерея убѣгаетъ вдаль, туда, гдѣ таинственно пріютилась темнота... Глухо воетъ за окнами вьюга... Мои глаза смотрятъ теперь остро и напряженно... Мои уши чутко слушаютъ тишину...

Разъ... Два... Три...

Это часы въ гостиной мѣрно отбиваютъ удары... Девять...

И снова тишина. Вѣтеръ на улицѣ и вѣтеръ въ трубѣ...

Постепенно безчисленные огни свѣчей сливаются передо мною въ два горящіе факела... Глазамъ больно отъ рѣжущаго остраго напряженія взгляда, но оторвать его отъ таинственной глади зеркала я уже не въ силахъ... Таинственная гладь приковываетъ меня къ себѣ. Теперь я вся—одно олицетворенное напряженіе... Вся моя душа, мысли — все перешло въ зрѣніе. Время забыто!.. Окружающая обстановка перестаетъ существовать для меня... Думъ уже нѣтъ въ головѣ, ни единой... Далекій безконечный коридоръ между двумя слившимися огненными стѣнами и все... И на этомъ заканчивается мысль...

— Что это?

Въ самомъ дальнемъ пунктѣ коридора въ зеркалѣ что-то зашевелилось... задвигалось... не то какой-то клубокъ, не то...

Вотъ оно приближается, это таинственное «что-то», вотъ оно ближе, ближе...

Онѣмѣвшая отъ долгаго неподвижнаго созерцанія, я вздрагиваю и, не отрываясь ни на минуту, слѣжу за приближающейся ко мнѣ между двумя слившимися полосами огней фигурой... Теперь ясно видно... Это человѣкъ... Онъ приближается въ зеркалѣ ко мнѣ, онъ спѣшитъ между рядами свѣчей по безконечному коридору...

Вотъ еще ближе и еще...

Я вижу сейчасъ его ясно... Я различаю золотое шитье мундира... широкоплечую фигуру... блѣдное мрачное лицо... искаженныя страданіемъ губы и печальные угрюмые глаза...

Чермиловъ!

Такъ вотъ онъ, мой суженый! Моя судьба! А я ждала увидѣть другое: лавровый вѣнокъ и вѣнчаніе славою будущей поэтессы...

О!

Я вскакиваю и, забывшись, тушу правую свѣчу. Но и при одной лѣвой видѣніе не пропадаетъ. Напротивъ, оно стоитъ, не двигаясь, передо мною въ стеклѣ зеркала во весь ростъ, реальное, жуткое, близкое къ правдѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, за моими плечами.

Блѣдное лицо, мрачные глаза и страдальческія губы... Черный немигающій взглядъ впивается въ мое лицо...

Невольный ужасъ холодитъ мою кожу... Я быстро протягиваю руку къ стеклу, какъ бы отталкивая, разрушая галлюцинацію зрѣнія... Потомъ быстро оборачиваюсь назадъ и громко вскрикиваю отъ неожиданности:

— Борисъ Львовичъ!

* * *

Передо мною стоитъ живой, дѣйствительный Борисъ Львовичъ Чермиловъ, блѣдный, взволнованный, со вздрагивающими губами.

— Простите. Я напугалъ васъ... Но вашъ лакей сказалъ, что вы дома съ m-elle Варей... И я дерзнулъ безъ доклада войти... Ради Бога простите... Будьте снисходительны къ страдающему человѣку.

Онъ говоритъ отрывисто, глухо. Лицо его бѣло, какъ мѣлъ. Рука холодная, почти ледяная, сжимаетъ мою руку.

— Что съ вами, голубчикъ? Несчастіе? Да?

Онъ, какъ подкошенный, падаетъ въ кресло и беззвучно рыдаетъ.

— Простите... Не могу... Но вы меня поймете... У меня былъ другъ... Это былъ единственный близкій, понимавшій меня человѣкъ... И онъ умеръ внезапно вчера ночью, далеко отсюда, умеръ, случайно утонувъ въ проруби рѣки...

— Какъ Большой Джонъ!—вырывается у меня помимо воли.

— Да, какъ вашъ другъ, про котораго вы мнѣ разсказывали... Одна судьба... Теперь я одинокій, никому ненужный... Одинъ Мишка у меня, кому еще я дорогъ... Одно живое существо, которое любитъ меня... жалѣетъ... Но это же не человѣкъ... А люди, знакомые, тѣ меня не любятъ, боятся, чуждаются... Я такой нудный, скучный, молчаливый... Я кажусь безсердечнымъ и злымъ. Но я не таковъ, клянусь вамъ. Я только несчастливъ. Есть люди на свѣтѣ, отвергнутые съ колыбели мачехой-судьбой. Это пасынки жизни. Въ дѣтствѣ они дикіе, непонятно стѣсняющіеся и озлобленные ребятишки, въ отрочествѣ—всѣми обижаемые одинокіе подростки, въ зрѣлые годы—враги людей... У насъ большая семья, и среди нея я былъ самый нелюбимый. Я былъ золъ, драчливъ, придирчивъ. Выросъ—сталъ угрюмъ, замкнутъ и одинокъ. Я не люблю людей и ихъ чуждаюсь... Одного Евгенія, моего товарища, я не чуждался, и того отняла судьба... Говорятъ, я приношу несчастіе, можетъ быть, потому что во мнѣ много озлобленія и вражды. Я любилъ до сихъ поръ одну только природу и звѣрей... Особенно природу... А теперь...

— Вы любили еще и того, умершаго...—тихо поправляю я его.

— Да... Нѣтъ, пожалуй, я уважалъ его только и ему вѣрилъ. Онъ никогда ничѣмъ не оскорблялъ меня,

и его дружба была мнѣ утѣшеніемъ. Но любви я не чувствовалъ ни къ кому, кромѣ...

Онъ вдругъ замолкъ, и страдальческое лицо его освѣтилось свѣтлой улыбкой.

— Кромѣ?—неожиданно произнесла я.

— Кромѣ моей воплощенной мечты... Вы помните одну встрѣчу съ «лѣснымъ царькомъ» въ глуши лѣса? Тогда-то лѣсной, одинокій человѣкъ увидѣлъ свою мечту, хрупкую дѣвушку со смѣлымъ ищущимъ взглядомъ, чистую и гордую, такъ ласково отнесшуюся ко мнѣ. Я долго думалъ объ этой встрѣчѣ. Потомъ я увидѣлъ ее въ большой свѣтлой залѣ и понялъ сразу, что хрупкая, жизнерадостная дѣвушка, то задумчиво грустная, то дѣтски оживленная и шаловливая, навсегда вошла въ мое сердце, и что она одна могла бы быть моимъ другомъ... Вы поняли меня?

Я молча кивнула головою. Мои щеки загорѣлись румянцемъ.

— И тутъ мои страданія и тоска удесятерились... Я чувствовалъ, что между мною и этою дѣвушкою— огромная пропасть... Я—одинокій, нелюбимый, съ тяжелымъ характеромъ, угрюмый—что могъ я предложить этому ребенку со свѣтлой дѣтской душой? Сейчасъ я лишился послѣдняго друга. Евгеній умеръ... Жизнь окончательно побила меня... Какая тоска, одиночество, какая мука!

Онъ закрылъ лицо руками и замеръ.

Замерла и я.

Острое до физической боли чувство жалости ворвалось въ мое сердце и затопило его собою... И мысль, и разсудокъ, всю душу, все мое существо... Этотъ печальный, убитый горемъ, одинокій человѣкъ, казалось, вошелъ въ него вмѣстѣ со жгучимъ моимъ сочувствіемъ къ нему. За этимъ огромнымъ, всеобъемлющимъ чувствомъ глубокой жалости и нѣжности, я уже не слышала другихъ голосовъ моей души.

Я положила ему на плечо руку и прошептала тихо:

— Я не знаю, что бы я сдѣлала, чтобы вы не были такъ несчастны.

Въ одну секунду его залитое слезами лицо повернулось въ мою сторону, и странный, робкій, прерывающійся лепетъ сорвался съ его устъ, поблѣднѣвшихъ отъ волненія.

— Если бы вы могли... если бы захотѣли... вы бы дали мнѣ новую жизнь, радость и счастье... Вы бы примирили меня съ міромъ, съ людьми...

Тутъ онъ на минуту умолкъ, обѣими руками схватилъ мою, холодную какъ ледъ, руку и тихо добавилъ:

— Милая, свѣтлая дѣвочка съ большою душою, дорогое, любимое, обожаемое дитя, согласились бы вы быть женою скучнаго, угрюмаго, тяжелаго человѣка?..

Что-то больно ударило мнѣ въ сердце, потомъ отозвалось въ груди... Могучая волна той же жалости, того же непреодолимаго сочувствія и глубокой нѣжности къ

этому большому безпомощному ребенку подхватила и понесла меня на своихъ огромныхъ крыльяхъ. И та же сила вырвала изъ груди моей тихое, но твердое и спокойное:

— Да!

* * *

Какъ во снѣ помню, какъ мы вмѣстѣ очутились въ кабинетѣ «Солнышка», гдѣ какъ разъ въ то время находилась и мама-Нэлли, какъ Борисъ Львовичъ сталъ просить ихъ дать согласіе на нашъ бракъ, какъ въ отвѣтъ отецъ горячо прижалъ меня къ своей груди, а мама-Нэлли поцѣловала меня въ лобъ, какъ они пожимали руку Борису Львовичу и что-то говорили ему, но что именно—того я, взволнованная, не въ состояніи была разобрать. «Солнышко» и мама-Нэлли давно догадывались, зачѣмъ такъ часто посѣщаетъ нашъ домъ этотъ угрюмый, мрачный человѣкъ, молчаливый и серьезный. Но тѣмъ не менѣе они взволновались.

— Дитя мое, какая же изъ васъ выйдетъ пара?—возмущался отецъ, когда я осталась съ нимъ наединѣ.—Ты воплощенная жизнерадостность, веселость, рѣзвая птичка, а Борисъ Львовичъ вѣдь это дѣйствительно воплощеніе мрака и тоски.

— Это оттого, что онъ несчастливъ, папа,—говорю я серьезно.—Но я сдѣлаю его счастливымъ. Да. И сама буду счастлива вмѣстѣ съ нимъ.

— Воля твоя, моя дѣвочка, я меньше всего хочу служить помѣхой твоему счастью... Но не торопись, по крайней мѣрѣ... Вѣдь ты еще ребенокъ годами. Подожди, узнай его хорошенько и тогда съ Богомъ выходи за него.

— Ахъ, я уже знаю его... Душа его открытая книга для меня одной, для меня одной. Его не поймутъ другіе, никто, кромѣ меня, никто,—лепечу я, бросаясь на шею отцу, ласкою разгоняя его сомнѣнія.

Мама-Нэлли тоже долго бесѣдуетъ со мною на ту же тему.

— Ну, отложи хоть до будущаго года вашу свадьбу, узнаете, какъ слѣдуетъ, другъ друга. До осени хотя бы...—проситъ она.

— До осени! Ни за что на свѣтѣ!.. Мы уже рѣшили съ Борисомъ... Да, рѣшили... Борисъ говоритъ, что весною у него на хуторѣ подъ Черниговомъ черешни цвѣтутъ, какъ въ сказочномъ царствѣ, и всю ночь поютъ соловьи. Я никогда не видѣла Малороссіи, мама, и мы туда ѣдемъ, ѣдемъ.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра...

Начинаю я декламировать, становясь въ подобающую позу.

* * *

Въ дѣтской моя предстоящая свадьба переживается по-своему младшимъ поколѣніемъ нашего дома.

Новая жизнь съ этого дня потекла въ нашемъ домѣ. Вездѣ и всюду только и говорятъ о томъ, что я невѣста Бориса Львовича. Павликъ сталъ теперь сдержаннѣе и чуть-чуть холоднѣе въ отношеніи ко мнѣ. Я часто слышу, какъ онъ спрашиваетъ мать:

— Что же это такое, мамочка? Наша Лида всѣхъ насъ на одного Чермилова промѣняла? Развѣ ужъ онъ лучше всѣхъ насъ?

А карапузикъ Саша, смѣшно переваливаясь на своихъ пухлыхъ ножонкахъ, ковыляетъ ко мнѣ и, прищуривъ одинъ глазъ, освѣдомляется лукаво:

— Ты, Лида, пожалуй, сказки намъ перестанешь разсказывать и бѣгать въ пятнашки съ нами, когда сдѣлаешься «дамой»?

А за столомъ синіе глазки старшаго братишки щурятся при моемъ появленіи, и лукаво-шаловливыя губы шепчутъ, командуя младшимъ братишкѣ и сестренкѣ:

— Встаньте! Не видите развѣ—идетъ невѣста!

И всѣ вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и вытягиваются передо мною во фронтъ, какъ солдаты. По ихъ мнѣнію, невѣста это почетная должность въ родѣ командира полка или начальника города.

Варя дуется на меня и часто шипитъ надо мною, когда я лежу въ постели:

— Нечего сказать, убила бобра! И нашла же ты

себѣ жениха! Да онъ тебя своей тоской да молчаніемъ въ могилу вгонитъ! Не приведи Богъ!

— Онъ хорошій, добрый, Варя,—утѣшаю я дѣвушку.

— Что-то доброты его я не видѣла. Сидитъ, молчитъ да глядитъ, какъ сычъ, только и доброты у него.

— Нѣтъ, онъ добрый, по глазамъ видно,—поддерживаетъ меня Эльза и крѣпко обнимаетъ меня.

Борисъ Львовичъ приходитъ теперь ежедневно и цѣлые вечера просиживаетъ у насъ. И я вижу, какъ таетъ угрюмая туча на его лицѣ, и свѣтлое, простодушное выраженіе замѣняетъ недавнюю мрачность. Его лицо дѣлается такимъ дѣтски-счастливымъ, когда я подлѣ него.

Нѣтъ, нѣтъ, я не раскаиваюсь, что дала ему это счастье.

* * *

Въ концѣ января наша свадьба.

Смутно, словно въ туманѣ, переживаю я этотъ день. Что-то пестрое, шумное, полное блеска, огней и привѣтствій, какой-то сумбурный сонъ...

Меня одѣваютъ Эльза, Варя, пріѣхавшія сверстницы, подруги.

Твердо соблюдается обычай. Старшій братишка обуваетъ ноги, не забывая вложить золотыя монеты въ маленькія туфельки,—это, чтобы быть богатой, какъ поясняетъ мама-Нэлли. Потомъ мама-Нэлли и «Солнышко»

благословляютъ въ гостиной посреди большого ковра... Въ глазахъ обоихъ слезы...

Милые, не плачьте! Я завоюю свою судьбу!

А у самой стучитъ сердце, и глаза становятся мокрыми.

Прощаясь съ сестренкой, не могу успокоить ея. Ниночка плачетъ и кричитъ неистово.

Но вотъ появляется Тима, шаферъ жениха, съ букетомъ бѣлыхъ розъ отъ Бориса и объявляетъ, что женихъ уже ждетъ въ церкви. Въ передней, пока меня укутываютъ въ ротонду, я бросаю мимолетный взглядъ въ зеркало: хрупкая дѣвичья фигурка... тонкая, юная, прямая; вѣнчальный костюмъ и фата невѣсты, а подъ бѣлыми цвѣтами флеръ-д'оранжа — совсѣмъ дѣтское-дѣтское лицо.

Вотъ такъ «дама»!

Мимоходомъ отвѣшиваю себѣ низкій реверансъ, состраиваю гримасу, чтобы развеселить своихъ, и, путаясь въ шлейфѣ, спѣшу на подъѣздъ.

* * *

Ярко освѣщенная полковая церковь. Большой хоръ пѣвчихъ... Толпа приглашенныхъ и густо чернѣющіе мундиры выстроенныхъ шпалерами солдатъ, пожелавшихъ присутствовать на свадьбѣ ихъ молодого поручика... Еще толпа, еще блестящіе мундиры и дамскіе туалеты... Испуганное личико младшаго братишки, несшаго образъ

впереди насъ, меня и «Солнышка», подводившаго меня къ аналою,—все это смѣшалось и отступило назадъ при видѣ свѣтлой улыбки безумно счастливаго человѣка, сіявшей мнѣ теперь съ середины церкви: улыбки моего жениха... И подъ ея ободряющимъ свѣтомъ, опираясь на руку отца, я подошла къ аналою, стала подлѣ Бориса—и обрядъ начался.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НЕНАСТНАЯ, хмурая, дождливая осень... Нудно стучатъ холодныя капли о мокрую крышу двухъэтажнаго длиннаго зданія. Мигающіе огоньки фонарей отражаются въ огромныхъ лужахъ. Тамъ, подальше, точно притаившіеся въ ночной мглѣ великаны, высятся другія нескладныя громадныя зданія. Это казармы. За казармами безконечно широкое поле, въ концѣ его кладбище, угрюмое и жуткое, особенно жуткое въ эти черныя осеннія ночи.

Въ девять часовъ играетъ труба горниста. Затѣмъ вечерняя перекличка, и глухо доносится сквозь мокрыя отъ дождя оконныя рамы стройное и дружное пѣніе солдатскаго хора, поющаго вечернюю молитву. Потомъ все стихаетъ, и только мѣрные шаги дневальнаго, сторожащаго большое желтое зданіе, нарушаютъ тишину.

Желтое зданіе — это офицерскія квартиры, гдѣ живутъ семьи стрѣлковъ. Впрочемъ, не для всякаго человѣка желтое зданіе — семейный домъ. Есть одна

душа въ этомъ домѣ, которая самымъ настойчивымъ образомъ считаетъ желтое зданіе старинным средневѣковымъ замкомъ. Старинный замокъ оторванъ отъ всего прочаго міра. Онъ въ воображеніи этого существа построенъ на островѣ, среди кипучихъ волнъ большого озера. И не весь офицерскій домъ, собственно говоря, представляетъ изъ себя замокъ, а одна только крайняя изъ его квартиръ: три просторныя высокія комнаты съ окнами во всю стѣну, съ мягкими коврами и массою зимнихъ растеній въ кадкахъ и горшкахъ... Винтовая узкая лѣсенка ведетъ внизъ въ просторную кухню, въ ванную и въ двѣ комнаты прислугъ. Большія горницы съ высокими потолками, и винтовая круглая, какъ настоящая замковая, лѣстница, ведущая на башню, и большущія окна, выходящія на пустырь, — все это цѣлый особенный міръ. Большой пустырь — озеро, а солдаты — вассалы, оруженосцы и просто воины того владѣтельнаго герцога, которому служитъ рыцарь Трумвиль, такой блѣдный и молчаливый, такой сумрачный и хмурый, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ...

Впрочемъ, однако, это только игра.

Рыцарь Трумвиль — Борисъ Чермиловъ, или просто Боря, мой мужъ. Я его жена — тоненькая Брандегильда. Наша квартира — замокъ на островкѣ, посреди большого озера, вода котораго отдѣляетъ насъ отъ цѣлаго міра. Рѣдко перебрасывается подъемный мостъ на ту сторону озера, рѣдко сообщается замокъ Трумвиль съ осталь-

нымъ міромъ. Но мы не скучаемъ. Мы не одни. Съ нами нашъ другъ четвероногій, въ мохнатой шубѣ, умный, вѣрный и преданный Мишукъ, который живетъ въ пристройкѣ на дворѣ, но проводитъ большую часть времени въ комнатахъ. Еще съ нами Галка. Это не птица, о, нѣтъ! Это двуногій, но безусловно другъ тоже. У него длинное худое тѣло,—бѣлая рубаха виситъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ, и унылое лицо съ повисшими усами. Ему двадцать два года, а кажетъ всѣ сорокъ, а то и больше порой.

Это и есть Галка, денщикъ, или, вѣрнѣе, оруженосецъ рыцаря Трумвиля. Онъ всѣмъ въ мірѣ говоритъ «ваше высокоблагородіе» и обо всѣхъ отзывается «ихъ высокоблагородіе», даже о Мишкѣ. Это комическій элементъ замка Трумвиль, этотъ денщикъ Галка.

Внизу живетъ служанка. Ее зовутъ Дарья, но для замка Трумвиль это имя непоэтично, и потому мы переименовали ее въ Доротею. Поодаль помѣстился кучеръ, солдатъ Корнелій. Въ конюшнѣ двѣ лошади, бывшія наши верховыя, Бѣгунъ и Красавчикъ. Лѣтомъ въ Черниговскихъ степяхъ мы скакали на нихъ верхомъ, какъ безумные.

Лѣто!.. Что за дивное лѣто провели въ нихъ рыцарь Трумвиль и его Брандегильда!.. Синіе васильки, стыдливо выглядывающіе изъ ржи, синія звѣзды васильковъ среди золотого моря... А вокругъ дома цѣлая черешневая роща и цвѣтущія короны царственныхъ подсолну-

ховъ, огненныхъ, какъ солнце, такихъ гордыхъ и красивыхъ. И голубое небо вверху, какъ огромный темный аквамаринъ. Царство покоя, нѣги, пѣсенъ и преданій. Маленькій бѣлый хуторъ, цвѣтущія бѣлыя яблони и черешни и ночныя трели соловьевъ, бѣшеная скачка по степи, съ сѣдлами и безъ сѣделъ, на горячихъ коняхъ по межѣ среди золотыхъ полей, испещренныхъ синими звѣздами васильковъ...—Вотъ это я понимаю!.. А по вечерамъ длинные хороводы за околицей, и темный ласковый взоръ чернобровой Оксаны, и пѣсня, сладкая, дивная пѣсня неразгаданно нѣжной, печальной и прекрасной Украинской земли.

Зачѣмъ оно минуло такъ быстро, это дивное лѣто, отъ котораго остались теперь только золотыя нити воспоминаній, да прибавился ворохъ стиховъ, пламенно горячихъ, въ честь красавицы-Украйны въ моемъ письменномъ столѣ!..

* * *

Дождь... Слякоть... Безжалостно мертвящая душу осень...

Глуше звучатъ подъ вечеръ шаги дневальнаго на подъѣздѣ, и капли, негодныя однотонныя капли дождя, постукивающія о крышу зданія, способны кому угодно вымотать душу.

Въ гостиной пылаетъ каминъ. Передъ каминомъ разостлана бѣлая шкура пушистой тибетской козы. На

Въ гостиной пылаетъ каминъ...

бѣломъ мѣху бѣлая же Брандегильда, то-есть я, своей собственной персоной, въ какомъ-то фантастическомъ капотикѣ изъ легкаго бѣлоснѣжнаго шелка, похожемъ на средневѣковое домашнее платье королевъ, съ откидными рукавами, спадающими чуть ли не до пола по обѣ стороны моей полудѣтской фигуры. И густые непокорные волосы небрежно связаны тяжелымъ снопомъ за спиною. Рыцарь Трумвиль въ офицерской современной тужуркѣ, съ золотыми пуговицами. Но это ровно ничего не значитъ. При чемъ тутъ внѣшній видъ и фасонъ одежды? Онъ все-таки рыцарь Трумвиль, этотъ блѣдный Боря, и только что вернулся съ охоты. На кухнѣ замка вѣрная Доротея ощипываетъ убитую имъ только что дичь. А самъ онъ грѣется у огня.

— Чертовская погода!—говоритъ онъ, хмуря брови.— И иззябъ я ужасно. Завтра, если не будетъ такъ сыро, Котикъ, поѣдемъ верхомъ.

— Тссс! Какой же я Котикъ, когда я Брандегильда? Вотъ ты всегда спугнешь настроеніе и испортишь игру... Вотъ опять, видишь, настраиваться надо... — говорю я недовольнымъ голосомъ.

— Ну-ну, не буду. Не буду, дѣтка.

И рыцарь Трумвиль очень галантно цѣлуетъ мою тоненькую руку.

— Фррр!—слышится въ сосѣдней комнатѣ, и чьи-то тяжелые шаги приближаются къ намъ.

— Мишукъ! Тебя только и недоставало.

Я охватываю милую черную кудлатую голову совсѣмъ уже выросшаго Мишки и валю его на коверъ. Это для него огромная неожиданность. Онъ силенъ, какъ быкъ, но неловокъ удивительно, какъ и подобаетъ быть неловкимъ косолапому Мишкѣ. Но сейчасъ онъ ничуть не обиженъ за такое безцеремонное съ нимъ обращеніе, лежитъ у моихъ ногъ, трется головой о бѣлый серебристый шелкъ платья и довольно урчитъ:

— Фррр!

— Рыцарь Трумвиль, — обращаюсь я къ моему собесѣднику,—что вы видѣли сегодня на охотѣ въ лѣсу?

— Я видѣлъ, Брандегильда...

Тутъ начинается полный захватывающаго интереса разсказъ о плачущихъ, заколдованныхъ осенью, деревьяхъ, о сентябрьскомъ жуткомъ плѣнѣ, о пѣніи вѣтра и вечернихъ крикахъ птицъ.

Мой мужъ—талантливый импровизаторъ, и говоритъ онъ умѣетъ красиво, какъ поэтъ. Меня захватываетъ его фантастическая сказка, я хватаю карандашъ, бумагу и перекладываю ее на стихи.

А каминъ, потрескивая, пылаетъ знойно. И слышатся тѣ же однотонные шаги дневальнаго на крыльцѣ, и звучитъ такъ сладко сонное всхрапываніе Мишки. Можетъ быть этому комнатному плѣннику въ роскошной шубѣ снятся родной лѣсъ и родное логовище... Я тихо глажу его теплую шубу и смотрю на мужа.

Обычной мрачности въ его лицѣ нѣтъ и слѣда.

Черточка между бровей исчезла. Черные глаза сіяютъ. Сверкаютъ въ улыбкѣ бѣлые, какъ сахаръ, зубы.

Неужели тоненькая Брандегильда сдѣлала счастливымъ рыцаря Трумвиля навсегда, маленькая дѣвочка Брандегильда съ ея фантазіями и сказками, съ ея безтолковой, мечущейся въ грезахъ душой?

— Вы счастливы, рыцарь Трумвиль, скажите?

— Когда съ тобою, вдвоемъ съ тобою, безъ людей, вдали отъ нихъ, — слышится отвѣтъ.

Нѣтъ, я съ нимъ не согласна. Я люблю людей, какъ сестеръ и братьевъ. Люблю ихъ рѣчи, бесѣды и смѣхъ. Люблю обмѣниваться съ ними мнѣніями, спорить о литературѣ и искусствѣ. Это—жизнь. Жизнь такая же, какъ бѣгъ на лыжахъ или по льду, или бѣшеная скачка на Красавчикѣ по степнымъ дорогамъ Украйны... А каминъ, тихій вечеръ въ замкѣ и тоненькая Брандегильда съ медвѣжьей головой на колѣняхъ — это только сказка.

— Скажите, рыцарь Трумвиль, могутъ ли быть сказки на землѣ?

Онъ не успѣваетъ отвѣтить. Вѣрный оруженосецъ появляется на порогѣ.

— Что тебѣ, Галка? — быстро освѣдомляется мужъ.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, — говоритъ онъ, — насчетъ птицы, что вы убили. Дуралея эта...

— Какая Дуралея? — хмурится рыцарь Трумвиль.

— Ну, Дуралея, Даша, куфарка... — роняетъ Галка тѣмъ же унылымъ тономъ.

— Ахъ, ты, Господи! — возмущаюсь я. — Не Даша, а Доротея. Понялъ? До-ро-те-я.

— Такъ точно, понялъ. Дуралея...—уныло подтверждаетъ онъ.

— Тьфу! Такъ что же птица?

— Птица-то на самъ-дѣлѣ вовсе не птица, ваше высокоблагородіе.

— Какъ не птица? — срывается въ одинъ голосъ у меня съ мужемъ.

— Не могу знать, а только не птица... По всему видать...

— Такъ что же?

— Ворона... — получается такой же скорбный отвѣтъ. — Не могу знать, а только, значитъ, ворона.

— Такъ, стало быть, я по-твоему въ темнотѣ принялъ ворону за дикую утку и убилъ ее? — начинаетъ горячиться рыцарь Трумвиль, и гнѣвныя искорки загораются въ его глазахъ.

— Не могу знать.

Я не въ силахъ больше удержаться, валюсь на мѣхъ тибетской козы и громко хохочу, разбудивъ моимъ смѣхомъ соннаго Мишку.

— Фррр! — вторитъ онъ мнѣ, выражая не то свое неудовольствіе, не то сочувствіе, — неизвѣстно.

Рыцарь Трумвиль негодуетъ. Онъ — прекрасный, всѣми признанный охотникъ—никакъ, даже въ темнотѣ, не могъ принять ворону за дикую утку. Чтобы воз-

становить свою репутацію, онъ кратко приказываетъ Галкѣ:

— Принеси сюда дичь, я погляжу.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе.

Галка дѣлаетъ поворотъ назадъ, щелкаетъ каблуками и исчезаетъ за дверью. И вдругъ снова просовываетъ въ щель свое унылое, до невѣроятія спокойное лицо.

— Такъ что оно, ваше высокоблагородіе, никакъ это невозможно.

— Что невозможно?—теряя терпѣніе, вскидываетъ на него грозными глазами мужъ.

— Такъ что съ духомъ они. Никакъ, то-есть, въ чистыя комнаты ихъ благородія доставить невозможно.

— Кого?

— Ворону, значитъ.

— Ха-ха-ха!

Мы уже не слушаемъ его и несемся взапуски по винтовой листницѣ въ «подполье замка», то-есть въ кухню. Тамъ у стола Даша, то-есть Доротея, потрошитъ огромнаго дикаго селезня, принятаго Галкой за ворону. Отъ него пахнетъ дичью, болотомъ и лѣсомъ, то-есть всѣми любимыми запахами, которые дороже намъ, дѣтямъ природы, самыхъ тонкихъ духовъ.

— Вотъ такъ ворона!—смѣется своимъ глуховатымъ, своеобразнымъ смѣхомъ рыцарь Трумвиль.

— Ха-ха-ха!—заливается, вторя ему, Брандегильда.

* * *

Звонокъ.

Гости.

Мы взглядываемъ другъ на друга. Рыцарь Трумвиль, только часъ тому назадъ вернувшійся съ охоты, очень усталъ. Ему такъ пріятно посидѣть на мѣхѣ тибетской козы въ обществѣ Брандегильды у пылающаго камина и вести безконечную игру въ «замокъ Трумвиль». А со словомъ «гости» сопряжено извѣстное напряженіе, чинное сидѣніе на диванѣ, ярко освѣщенная гостиная и скучныя бесѣды обо всемъ «всамдѣлишномъ», такомъ далекомъ отъ паутинки грезъ, такъ хитро сплетенной двадцатипятилѣтнимъ фантазеромъ-мужемъ и его мечтательной восемнадцатилѣтней дѣвочкой-женой...

— Не надо гостей, не надо!—шепчу я съ испуганными глазами.—Галка, Галка! Если папа и мама или дѣти съ Эльзой и Варей, прими, конечно; да поручика Зубова, да господъ Рогодскихъ,—это свои, а для другихъ нѣтъ дома... Понялъ?—звонкимъ шопотомъ шепчу я, вытягивая шею снизу лѣстницы, въ то время какъ наверху Галка внимательно ловитъ каждое мое слово, перегнувъ черезъ перила свое тонкое длинное туловище.

— Такъ точно, понялъ, ваше высокоблагородіе. Слушаю-съ!—долетаетъ до меня сверху, и онъ мчится въ переднюю, гремя сапогами и грозя разрушить своей несуразной особой и замокъ, и лѣстницу, и весь міръ.

А звонокъ все звенитъ, заливается въ передней.

Мы, притаившись внизу, слушаемъ, какъ щелкаетъ ключъ входной двери.

— Господа дома? — доносится до насъ знакомый голосъ.

Ага! Это Невзянскій.

— Оба дома, прекрасно,—вторитъ другой.

Это Линскаго голосъ. Потомъ короткая пауза. И веселый Тимочкинъ голосъ звенитъ на весь «замокъ».

— Здорово, Галка!

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе,—отбарабаниваетъ тотъ.

Затѣмъ прибавляетъ что-то. Минутное замедленіе... Пауза... И снова щелкаетъ ключъ въ замкѣ. Какіе-то возгласы протеста... Чей-то смѣхъ, чуть-чуть обидчивый, но веселый... И тоненькая миніатюрная фигурка Тимочки Зубова появляется на верху лѣстницы передъ нами.

— Ха-ха-ха! — заливается Зубовъ.—Нѣтъ, друзья мои, вашъ Галка—одно великолѣпіе! Вы подумайте: онъ и Линскаго, и Невзянскаго выпроводилъ сейчасъ!

— Какъ выпроводилъ? А васъ-то вѣдь принялъ?— недоумѣвающе роняютъ мои губы.

— А вотъ какъ выпроводилъ: «дома-то, говоритъ, господа дома, да, говоритъ, никого не велѣно принимать, акромя папы да мамы, да братцевъ, да сестрицы съ губернаршами, да подпоручика Зубова, да господъ Рогодскихъ. А васъ, ваше благородіе, такъ что нельзя». Нѣтъ, видали вы такой экземпляръ?! А!

— Зарѣзалъ! Безъ ножа зарѣзалъ!—кричитъ мой мужъ, внезапно превращаясь изъ владѣтельнаго рыцаря Трумвиля въ поручика Чермилова.

— Вернуть ихъ! Вернуть! Сію же минуту!..

И онъ несется по лѣстницѣ, сбивъ по пути съ ногъ подвернувшагося ему совсѣмъ уже несвоевременно Мишку.

— О, какой ты глупый, Галка, какой ты глупый!— говорю я съ искреннимъ сокрушеніемъ, раскачивая изъ стороны въ сторону головой.

— Такъ точно!—уныло соглашается невозмутимый Галка съ такимъ видомъ, что Тимочка помираетъ со смѣха.

— А мы-то вѣдь пришли къ вамъ поговорить объ устройствѣ задуманнаго нами спектакля,—сквозь слезы смѣха роняетъ онъ,—и вдругъ такой пріемъ. Ха-ха-ха! Прелесть Галка! И откуда Борисъ выкопалъ чудовище этакое?

Я въ отчаяніи и волнуюсь ужасно. О, глупый Галка! Никогда никакой порядочный оруженосецъ не выйдетъ изъ тебя.

Къ счастью, Невзянскому и Линскому удалось объяснить причину недоразумѣнія, и мой мужъ привелъ обоихъ къ намъ, извинившись за своего оруженосца.

За чайнымъ столомъ много говорилось о предстоящемъ спектаклѣ, въ которомъ насъ уговаривали

выступить. Спектакль это что-то новое и забавное. Я съ восторгомъ даю свое согласіе, но рыцарь Трумвиль молчитъ.

— Ахъ, пожалуйста, играй,—молю я его глазами.

Онъ колеблется.

— Со мною въ одной пьесѣ.

— Ахъ, если такъ...

Онъ согласенъ.

— Ура! Согласенъ!—кричитъ Тимочка на весь «замокъ».—Хорошо жить на свѣтѣ, Галка? А?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!—соглашается тотъ безъ колебанія, вытягиваясь въ струнку.

— Особенно, когда господа дома и принимаютъ,—шутливо язвитъ Линскій.

— И поятъ чаемъ съ вареньемъ,—вторитъ Невзянскій.

Я невольно опускаю голову и краснѣю до ушей сквозь улыбку. Нѣтъ, никогда не надо лукавить въ пустякахъ даже. Запишемъ это разъ навсегда на скрижаляхъ моей жизни во избѣжаніе подобныхъ же недоразумѣній впереди.

* * *

На улицѣ тѣ же ненастные нудные осенніе дни, зато въ «замкѣ» суета, сутолока и волненіе, къ крайнему неудовольствію Мишки, который не выноситъ никакихъ новшествъ и любитъ «тихое положеніе» въ родѣ часовыхъ пролеживаній въ сладкой дремотѣ передъ тлѣю-

щимъ каминомъ, съ головою, уложенной на колѣни Брандегильды. Тогда онъ грезитъ о родномъ лѣсѣ и сладко урчитъ. За этотъ годъ онъ выросъ въ большого настоящаго медвѣдя, и отъ него прячутъ мясо, одинъ видъ котораго можетъ разбудить въ немъ дикія наклонности хищнаго звѣря. Рыцарь Трумвиль отдалъ приказаніе держать его внизу, въ сарайчикѣ и рѣже пускать въ комнаты.—«Не дай Богъ, случится что-либо»,—говоритъ онъ часто, выпроваживая нашего четвероногаго друга за дверь всякій разъ, когда милая лохматая голова просовывается въ комнату.—«Еще съ полбѣды, если случится при мнѣ, но если Котикъ будетъ одинъ,—какъ онъ справится съ озвѣрѣвшимъ хищникомъ?»

— Мишка—озвѣрѣвшій хищникъ? Ха-ха-ха! Милый, тихій, сладко урчащій Мишукъ.

Эта мысль кажется мнѣ нелѣпой, и Брандегильда смѣется безпечнымъ дѣтскимъ смѣхомъ.

А въ «замкѣ» все та же суета, сутолока и волненіе. Предстоящій спектакль перевернулъ весь строй жизни тоненькой Брандегильды. Теперь я съ утра до вечера хожу по комнатамъ и учу роль, роль молоденькой вдовы въ граціозной, изящной салонной пьескѣ «Изъ-за мышонка». Въ ней говорится о двухъ молодыхъ людяхъ, безумно трусящихъ мышей. Эти молодые люди нравятся другъ другу и желаютъ соединиться брачными узами, но переговорить по этому поводу они никакъ не могутъ: страшная мышь мѣшаетъ этому. Забавная, граціозная

и смѣшная пьеска, вызывающая непрерывный хохотъ публики, очень нравится мнѣ. Я играю молоденькую вдову. Съ первыхъ же словъ я чувствую, что смогу сыграть порученную мнѣ роль, я, не игравшая ничего въ моей жизни. Надо быть только самой собою, не Брандегильдой изъ замка Трумвиль, конечно, а задорной, веселой Лидой Воронской, то-есть, вѣрнѣе, Чермиловой (никакъ не могу за эти семь мѣсяцевъ привыкнуть къ моей новой фамиліи), скакать и прыгать по диванамъ, визжать больше отъ смѣха, нежели отъ страха, шалить и дурачиться на славу. Во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная роль.

Но рыцарь Трумвиль отнюдь не раздѣляетъ моего восторга.

— Ничего у меня не выходитъ, — съ отчаяніемъ вырывается у него, и онъ далеко отбрасываетъ тетрадку со своей ролью.—Во-первыхъ, глупыя слова, во-вторыхъ, глупое положеніе. Я одинъ на одинъ выйду на медвѣдя, а тутъ, здравствуйте: мышей бояться надо. Въ третьихъ, какъ я имъ всѣмъ «штафиркой» покажусь? Да я фрака въ жизни моей не напяливалъ ни разу!

— Конечно, мой милый, рыцарскіе доспѣхи вамъ больше къ лицу, — соглашаюсь я важно тономъ «взрослой» дамы.

— Ага! Ты смѣешься!

Тетрадка съ ролью летитъ куда-то въ уголъ, и рыцарь Трумвиль мчится за Брандегильдой кругомъ обѣденнаго стола.

— Ваше высокородіе, на лепертицію пожальте. Господа всѣ собрамшись, — вытянувшись въ струнку и замирая на порогѣ, рапортуетъ Галка.

— А, на лепертицію! Ладно!

Наскоро подбираемъ тетради съ ролями и спѣшимъ черезъ теплый коридоръ въ офицерское собраніе, находящееся подъ одной крышей съ «замкомъ Трумвиль».

Въ главной залѣ собранія — кавардакъ страшный. Наскоро сколоченные подмостки сцены пахнутъ свѣжимъ деревомъ и лакомъ. Тимочка, Невзянскій и офицеръ-художникъ Рудольфъ пишутъ декораціи, безжалостно продушивъ краской всѣ шесть комнатъ собранія.

Кромѣ того, Невзянскій — режиссеръ, а Тимочка — сценаріусъ и его помощникъ. Оба успѣли накричаться до хрипоты и на плотниковъ, и на столяровъ, и на актеровъ и теперь выдавливаютъ изъ себя слова зловѣщимъ шопотомъ.

Первая пьеса въ три акта налаживается быстро. Самую смѣшную и видную роль кухарки поручаютъ Машѣ Ягуби, которая играла не разъ въ предыдущихъ спектакляхъ и считается «почти настоящей актрисой». Баронесса Татя играетъ небольшую роль свѣтской барышни, двѣ молоденькія жены офицеровъ — двухъ шаловливыхъ барышень-проказницъ, пріѣхавшихъ домой на лѣтнія каникулы, Тимочка — старика-майора, Линскій — молодого офицера и режиссеръ Невзянскій — комика-доктора.

Первая пьеса пройдетъ прекрасно, это несомнѣнно: все люди бывалые, игравшіе, и всѣ это заранѣе знаютъ. И Тимочка забавенъ, и Невзянскій, а Маша Ягуби та просто одинъ восторгъ, точно она родилась, чтобы быть актрисой. Но зато вторая...

Ахъ!

Я знаю роль «на зубокъ», какъ говорится, но немилосердно стѣсняюсь шумѣть, прыгать, кричать, хохотать и визжать на сценѣ. Это оказывается совсѣмъ не то, что продѣлывать ту же исторію въ замкѣ Трумвиль. Мямлю слова и двигаюсь, какъ связанная, вспыхивая до ушей отъ каждаго слова режиссера.

Но я еще съ полбѣды, тогда какъ Борисъ... Рыцарь Трумвиль оказывается никуда негоднымъ актеромъ.

— Шутъ знаетъ, что такое! Провалите вы «Изъ-за мышонка»! Ахъ, Господи! — возмущается, негодуетъ и волнуется Невзянскій.—Да что ты, Борисъ, радость моя, не видѣлъ развѣ, какъ волнуются другіе люди? — пристаетъ онъ къ злополучному Борису, который съ невозмутимѣйшимъ видомъ говоритъ по ходу роли слова:

«Сударыня, я пришелъ просить вашей руки».

— Не годится! Никуда не годится! — искренно сокрушается Тимочка и вдругъ отчего-то спохватывается и выпучиваетъ на меня съ отчаяніемъ остановившіеся глаза.

— Батюшки мои! А гдѣ же лакеусъ? Откуда мы возьмемъ лакеуса? Въ пьесѣ выходитъ лакей и говоритъ:

«Владиміръ Александровичъ Карскій». Кто согласится играть такую крохотную незначительную роль?

Никто не соглашается, конечно. Не стоитъ гримировать лицо и переодѣваться изъ-за одной фразы доклада. Это скучно. И офицеры, и ихъ родственники, и знакомые не согласны на такую жертву. А безъ лакея играть невозможно, никакъ нельзя. Кому же, однако, сказать эти три слова?

Ба! Счастливая мысль приходитъ мнѣ въ голову. Ура! Лакей есть!

— Мы нарядимъ Галку и научимъ его доложить,— говорю я.

Но «режиссеръ» и его «помощникъ» выражаютъ нѣкоторое опасеніе.

— Какъ бы того... онъ не испортилъ намъ дѣла.

— Ну, ужъ не бойтесь, я это беру на себя,—робко отвѣчаю я.

— Ну, если такъ — пожалуй.

Звать Галку на репетицію нельзя: у него и такъ много работы дома. Онъ занятъ цѣлый день въ «замкѣ» уборкой комнатъ, ходьбою съ порученіями, подаваніемъ обѣда, ужина, — словомъ, работы у него немало. И я поэтому рѣшаюсь заняться съ нимъ его ролью дома.

— Галка, — зову я его вечеромъ послѣ чая, — иди сюда.

Онъ останавливается у порога въ пролетѣ двери и замираетъ, какъ вкопанный.

— Чего изволите, ваше высокородіе?

— Галка, кто это?

И я указываю ему пальцемъ по направленію рыцаря Трумвиля, читающаго съ тетрадки роль въ сосѣдней комнатѣ.

— Такъ что, его высокородіе поручикъ Чермиловъ,— отвѣчаетъ онъ, еще больше вытягиваясь въ струнку и опуская руки по швамъ.

— Нѣтъ,—говорю я съ отрицательнымъ жестомъ,— это не поручикъ Чермиловъ. Нѣтъ, Галка.

На лицѣ у него появляется выраженіе самаго краснорѣчиваго удивленія.

— А Владиміръ Александровичъ Карскій... — доканчиваю я, глядя въ его растерянное лицо.

— Такъ точно!.. — соглашается онъ съ тѣмъ же оторопѣлымъ видомъ.

— Повтори.

— Такъ точно!

— Не «такъ точно» повтори, а скажи: Владиміръ Александровичъ Карскій.

— Такъ точно, Владиміръ Лександровичъ...

— Безъ «такъ точно».

— Безъ такъ точно,—уныло вторитъ онъ мнѣ.

Я начинаю приходить въ отчаяніе. Начинаю сначала.

Послѣ получаса усиленнаго вдалбливанія фразы въ плохо уясняющую себѣ роль голову Галки (при чемъ

Владиміръ Александровичъ Карскій постоянно варьируетъ то на Владиміра Лександровича Кникина, то на нѣчто совершенно въ иномъ родѣ), я отпускаю, наконецъ, душу несчастнаго Галки съ миромъ.

Весь потный отъ старанія услужить «ея высокородію-барынѣ» (которую и онъ, и Корнелій, и кухонная «Доротея» очень любятъ, въ то время какъ рыцаря Трумвиля страшно боятся почему-то), Галка идетъ накрывать къ ужину столъ.

* * *

Вечеръ спектакля.

Большая бѣлая подъ мраморъ зала собранія сверкаетъ сотнями огней. Зажжены огромная хрустальная люстра и всѣ многочисленные электрическіе рожки по стѣнамъ. Въ комнатахъ носятся волны какого-то ароматнаго куренія. Сцена отдѣлена тяжелымъ занавѣсомъ отъ бо́льшей половины громадной залы, въ которой пустуютъ пока сотни креселъ и стульевъ въ ожиданіи публики, т.-е. гостей. Спектакль назначенъ ровно въ девять, и къ этому времени начинаютъ съѣзжаться приглашенные.

Забравшись чуть ли не съ семи часовъ въ крошечную уборную, выросшую словно по мановенію волшебной палочки на мѣстѣ одного изъ отдѣленій офицерской буфетной, я тщательно, какъ настоящая актриса, гримирую себѣ лицо, то-есть накладываю на него поверхъ

кольдкрема и пудры легкій слой румянъ, черню брови и вѣки, и алой губной помадой мажу губы. Бѣлокурый парикъ съ пышной прической, новое лиловое «настоящее» дамское платье съ длиннымъ шлейфомъ, а главное — измѣненное благодаря гриму лицо дѣлаютъ неузнаваемой тоненькую скромную Брандегильду.

Я улыбаюсь себѣ въ зеркало, дѣлаю сладкое лицо и низко, почтительно присѣдаю передъ собственнымъ отраженіемъ. Потомъ внимательно прислушиваюсь къ тому, что происходитъ по ту сторону тяжелаго занавѣса, въ зрительномъ залѣ. Слышу сдержанный говоръ, всплески смѣха, шумъ отодвигаемыхъ стульевъ. Наконецъ хоръ трубачей покрываетъ всѣ предыдущіе звуки, служа прелюдіей къ началу спектакля. Сейчасъ, вслѣдъ за этимъ долженъ раздвинуться тяжелый занавѣсъ — и первая пьеса съ ея исполнителями предстанетъ на судъ снисходительной публики.

Я еще разъ быстро окидываю взглядомъ свой туалетъ, не переставая шептать слова роли, и хочу уже выйти изъ крохотной комнатки за кулисы, чтобы оттуда слушать пьесу, какъ неожиданно со мною на порогѣ сталкивается какой-то бѣлокурый господинъ.

Боже, до чего платье и гримъ мѣняютъ человѣка! Я не узнаю рыцаря Трумвиля, положительно не узнаю. Штатское платье сидитъ на немъ мѣшковато; рыжеватый парикъ плохо покрываетъ голову; приклеенная золотистая бородка мѣняетъ общій видъ его лица, сумрачнаго

и угрюмаго. Брови и усы, напудренные золотистой пудрой, имѣютъ очень странный видъ.

— Хотѣлъ играть блондиномъ, чтобы не сразу узнали... Не такъ совѣстно осрамиться,—говоритъ онъ по своему обыкновенію глухо, безъ тѣни улыбки.— Ну, какъ ты находишь?

— Нахожу, что отлично,—улыбаюсь я.—Только вотъ что: я тебѣ подправлю гримировку.

— Ну! Развѣ ты умѣешь, Котикъ?

— Молчите, рыцарь Трумвиль, и повинуйтесь вашей Брандегильдѣ.

И, смѣясь, я усаживаю его передъ зеркаломъ и приступаю къ работѣ: нѣсколько штриховъ синей краски подъ глазами, нѣсколько черточекъ тушью вокругъ рѣсницъ, немного розовой тѣльной пасты на щеки и румянъ на губы, и рыцарь Трумвиль превращается въ самаго очаровательнаго красавца въ мірѣ.

Оба мы смотримъ въ зеркало сосредоточенными глазами.

— Ну, что? Хорошъ? — восторгаюсь я.

— Нда... Не то жуликъ, не то рыцарь изъ карманщиковъ...

— Ужъ ты скажешь! А по-моему, прелестно!

Насъ прерываетъ Тимочка, пулей влетѣвшій въ уборную.

— Лаку, ради Бога, лаку для наклейки... Скандалъ этакій вышелъ. Усъ отвалился въ самой патетической

сценѣ. А злодѣйка Марья Яковлевна еще прибавила — играетъ, говоритъ свое, а потомъ, какъ увидѣла, прыснула въ руку и вставила: «что-жъ это ты, баринъ, усъ то, видно, себѣ на свѣчкѣ спалилъ». Публика хохочетъ, а я такъ и замеръ. Ужасъ, подвела какъ! Скандалъ!

— Ты вотъ что скажи лучше, — вставляетъ рыцарь Трумвиль съ озабоченнымъ видомъ:—Галка-то приготовленъ, какъ слѣдуетъ?

— Успокойтесь, готовъ Галка. Вы только, какъ слѣдуетъ, играйте оба сами, а онъ выглядитъ молодцомъ.

— Рады стараться, ваше высокородіе, — рапортую я, приложивъ правую ладонь къ виску и вытягиваясь въ струнку по-солдатски.

Но Тимочкѣ нынче не до смѣха. Онъ наскоро приклеиваетъ лакомъ усъ и мчится обратно на сцену. Вскорѣ оттуда звучитъ дѣланнымъ старческимъ басомъ его полудѣтскій голосъ. А звонкій бойкій голосъ Маши Ягуби, подъ непрерывный смѣхъ публики, подаетъ ему реплики.

Въ кулисахъ мелькаетъ довольное лицо Невзянскаго. Слава Богу, спектакль идетъ гладко, и «режиссеръ» доволенъ.

* * *

Эффектно, весело и забавно заканчивается первая пьеса. Три акта ея прошли безъ сучка и задоринки если не считать отклеившагося уса и уроненной Тимоч-

кою съ ноги посреди сцены ночной туфли. Но все это вздоръ въ сравненіи съ умопомрачительной, полной блеска и юмора игрой Маши Ягуби, удивительной выдержкой Тати и ни съ чѣмъ несравнимымъ комизмомъ Невзянскаго, лучшаго «актера» изъ всѣхъ.

Всѣ они были награждены по заслугамъ горячими аплодисментами со стороны публики.

Наскоро доморощенные плотники изъ Тимочкиной роты мѣняютъ самодѣльныя декораціи и переставляютъ мебель.

Я пользуюсь общей суматохой и, подойдя къ занавѣсу, приставляю глазъ къ маленькой дырочкѣ, просверленной въ немъ. Оттуда мнѣ прекрасно видна вся зала. Въ первомъ ряду креселъ, подлѣ четы Рогодскихъ, вижу моего «Солнышко» въ его пушистыхъ парадныхъ эполетахъ, а подлѣ него—маму-Нэлли въ черномъ кружевномъ платьѣ. Милая, и она пріѣхала посмотрѣть на меня!

У насъ дома большая новость. Въ дѣтскомъ отдѣленіи квартиры прибавилась одна маленькая кроватка-колыбель: у мамы-Нэлли и «Солнышка» вскорѣ послѣ моей свадьбы родилась еще одна маленькая дочка, синеглазая, темноголовая Наташа. Это радостное извѣстіе принесла намъ экстренная депеша среди знойнаго лѣта на просторъ украинскихъ степей. Прелестная дѣвочка—живая игрушка всей семьи. И когда я смотрю на это очаровательное личико, въ моихъ мысляхъ складывается

твердое убѣжденіе, что какъ было бы хорошо, если бы и въ замкѣ Трумвиль появилась такая же синеокая и темнокудрая крошка... Я бы научила ее любить людей, скакать верхомъ и бѣгать на конькахъ и на лыжахъ. И сейчасъ, глядя на улыбающуюся, счастливую и довольную маму-Нэлли, разговаривающую съ Рогодскимъ, я невольно задумываюсь о томъ же...

Неожиданный звонокъ за кулисами прерываетъ мои мысли и мечты о маленькой красивой дѣвочкѣ, съ глазами, синими, какъ море, съ мягкими кудрями, дѣвочкѣ, являющейся мнѣ теперь часто въ сонныхъ грезахъ...

— Какъ, неужели намъ начинать сейчасъ? — спрашиваю я, вздрагивая.

— Очистите сцену! — вмѣсто отвѣта кричитъ грознымъ голосомъ Невзянскій.

Подобравъ шлейфъ, я бѣгу за кулисы, въ то время какъ сердце мое стучитъ-стучитъ, не переставая, а руки въ одинъ мигъ становятся холодными, какъ ледъ. Дрожь страха подползаетъ къ самому сердцу. Ноги дѣлаются свинцовыми, и я волнуюсь, какъ никогда.

* * *

Хоръ трубачей медленно стихаетъ, и съ легкимъ шуршаньемъ раздвигается занавѣсъ.

— Выходите,—шипитъ мнѣ Тимочка, но откуда—я уже не вижу, не разбираю. Вообще, ничего не понимаю сейчасъ, кромѣ того, что я, тоненькая, высокая въ пыш-

номъ бѣлокуромъ парикѣ женщина, уже не Лида-Брандегильда, она же «Котикъ» и «дѣтка», а героиня пьесы — самая заурядная свѣтская барынька, ужасная трусиха при этомъ, до смѣшного боящаяся мышей.

И странно: я чувствую себя именно таковой сію минуту: я боюсь до безумія мышей и холодѣю при одной мысли о мышонкѣ, разгуливающемъ по моей квартирѣ. И съ крикомъ: — «Затворите двери! Тамъ мышь!» — блѣднѣя даже подъ моими румянами, я выбѣгаю на сцену.

Тутъ уже Брандегильда-Лида окончательно перестаетъ существовать, а Марья Александровна, молоденькая трусливая вдовушка, знакомитъ публику съ ходомъ пьесы.

Какъ я говорю, двигаюсь, смѣюсь — рѣшительно не отдаю себѣ отчета. Съ той минуты, какъ ноги мои переступили порогъ сцены, какая-то волна, точно морской теплый валъ, накатилась на меня, съ разбѣгу подняла меня на свой гребень и понесла, понесла и закрутила гдѣ-то въ кипящемъ морѣ иного бытія. Мой голосъ звучитъ увѣренно, твердо. Мой смѣхъ веселъ и искренен. Движенія мои свободны, точно крылья выросли у меня за спиною. И я говорю, говорю безумолку, непринужденно смѣясь или пугливо вскрикивая и озираясь.

Въ публикѣ одобрительный шопотъ. Десятки биноклей направлены на меня. Улыбается «Солнышко» изъ

перваго ряда... Вижу все, какъ во снѣ... И Невзянскаго вижу въ просвѣтѣ кулисъ. Стоитъ, одобрительно киваетъ головою и аплодируетъ беззвучно, поднявъ руки выше головы.

И вдругъ... оглушительный смѣхъ раздается въ залѣ. А у меня, какъ нарочно, грустное мѣсто, гдѣ я, по ходу пьесы, говорю о покойномъ мужѣ.

Быстро оглядываюсь назадъ... Боже! Галка! Но въ какомъ видѣ! Гдѣ они достали этотъ несчастный фракъ, который доходитъ ему до половины фигуры, съ рукавами чуть ли не до локтей только, откуда торчатъ его красныя неуклюжія руки съ безпомощно растопыренными пальцами. Къ довершенію ужаса фракъ трещитъ на спинѣ, вотъ-вотъ, того и жди, сейчасъ лопнетъ. А его лицо! Что они сдѣлали съ его лицомъ, Богъ Всесильный! Или онъ такъ вспотѣлъ отъ неудобства своего черезчуръ узкаго платья и отъ непривычнаго выхода въ качествѣ актера? Но вмѣсто лица у него какія-то кляксы, красныя и черныя, съ присоединенными къ нимъ полосами, наподобіе полосъ шкуры зебры. Совсѣмъ татуированный индѣецъ да и только. Невозможно безъ хохота смотрѣть на эту изуродованную фигуру, на это измазанное, комическое лицо.

Я гляжу на него, закусивъ губы, съ беззвучнымъ смѣхомъ и жду доклада о приходѣ молодого господина, т.-е. тѣхъ трехъ словъ, надъ которыми я такъ добросовѣстно билась съ злосчастнымъ Галкой.

Подъ моимъ взглядомъ онъ вытягивается въ струнку, прижимаетъ растопыренные пальцы къ бокамъ и громкимъ голосомъ, совсѣмъ по-солдатски, рапортуетъ:

— Такъ что ихъ высокородіе пожаловали, поручикъ Чермиловъ.

И, сдѣлавъ поворотъ налѣво кругомъ, направляется равномѣрнымъ шагомъ къ двери, ужасно стуча ногами и грозя сокрушить и подмостки, и кулисы, и самую дверь. Затѣмъ, точно спохватившись и какъ бы вспомнивъ что-то, возвращается тѣмъ же солдатскимъ маршемъ назадъ и заявляетъ громогласно:

— Виноватъ, барыня... Владимеръ Ляксандровичъ Каша пожаловали.

И снова исчезаетъ со своимъ невозмутимымъ видомъ подъ оглушительный хохотъ публики.

О!.. Въ первую минуту мнѣ кажется, что все пропало. И меня самое нестерпимо тянетъ убѣжать за кулисы, гдѣ Невзянскій шипящимъ шопотомъ ругаетъ Галку.

Но это желаніе мое минутно. Смѣхъ по ту сторону рампы понемногу смолкаетъ. Появляется рыцарь Трумвиль въ образѣ изящнаго блондина, и пьеса идетъ своимъ ходомъ. Понемногу инцидентъ съ Галкой забывается. Публика смѣется уже пьесѣ.

Рыцарь Трумвиль, противъ ожиданія, милъ и забавенъ со своимъ застѣнчиво угрюмымъ видомъ и угловатыми манерами провинціала, такъ подходящими къ

Онъ вытягивается въ струнку и рапортуетъ...

роли. Нѣтъ, онъ положительно создаетъ даже типъ. Это сюрпризъ, да еще какой пріятный. Новая волна захватываетъ меня, и я забываю снова все: и залъ, и публику, и Галкинъ неудачный выходъ. Мой голосъ звенитъ увѣренно, задорно и весело. А когда мы оба прыгаемъ и скачемъ по диванамъ и кресламъ, спасаясь отъ мыши, весь зрительный залъ сотрясается отъ смѣха.

Занавѣсъ сдвигается подъ долго несмолкаемый громъ аплодисментовъ.

— Браво! Браво! — доносится до насъ изъ зала.

— Браво! Браво! — кидаются ко мнѣ за кулисами Тимочка и Невзянскій. — Вы настоящая актриса. Неужели играете впервые?

— Конечно, впервые.

Потомъ начинается какой-то сумбуръ, такой хаотическій и сладкій. Маша Ягуби жметъ мою руку. Прибѣжавшая «изъ публики» Дина Раздольцева виснетъ у меня на шеѣ.

— Дуся! Милочка! Вотъ удружила-то! Вотъ восторгъ!

И она скачетъ вокругъ меня, забывъ свое впервые одѣтое въ шестнадцать лѣтъ длинное платье.

Приходятъ и «Солнышко», и мама-Нэлли къ намъ за кулисы.

— Хорошо! Молодцы оба! — говоритъ отецъ, окидывая однимъ общимъ взглядомъ одобренія и ласки и рыцаря Трумвиля, и его Брандегильду.

А мама-Нэлли, схвативъ нѣжной рукой мои плечи, отводитъ меня въ сторонку.

— Прекрасно играла, моя дѣвочка. Откуда такой навыкъ и умѣнье?

— Не знаю,—говорю я простосердечно и цѣлую ея розовую щеку.

За тяжелымъ занавѣсомъ въ это время уже убираютъ стулья и приготовляютъ для танцевъ зрительный залъ.

* * *

Два мѣсяца проходятъ незамѣтно.

Снова бѣлая пелена снѣга кроетъ и землю, и деревья. Послѣднія, точно бѣлые призраки, наполняютъ паркъ.

На большомъ озерѣ, по примѣру прошлаго года, устраивается катокъ. Катокъ и ледяныя горы. Но и то и другое не для меня.

Рыцарь Трумвиль однажды сказалъ Брандегильдѣ:

— Мнѣ кажется, что скоро нашъ замокъ огласится звонкимъ дѣтскимъ голоскомъ, и судьба пришлетъ намъ чудесную маленькую принцессу Трумвиль. Надо приготовиться достойно ее встрѣтить.

Что-то мощное и горячее толкнулось мнѣ при этомъ извѣстіи въ сердце, и острая жгучая радость охватила меня.

Наконецъ-то!

Мнѣ захотѣлось запрыгать, заскакать отъ радости, завизжать на весь «замокъ», закружиться и завертѣться въ бѣшеной пляскѣ.

Маленькая синеокая (непремѣнно синеокая!) принцесса съ черными локонами! Моя воплощенная мечта!

Да, теперь уже не до катка, не до лыжъ и не до верховой ѣзды. Эта зима принесетъ мнѣ иныя радости.

Въ нашемъ «замкѣ» появилась новая личность, блѣдная, худая, маленькая портниха Мариша. Изъ-подъ ея рукъ выходятъ такія чудесныя вещи: кукольные чепчики, кукольныя рубашечки, свивальники, кружевныя одѣяльца, достойныя принцессы.

Я, разумѣется, не могу, не умѣю шить, но я, пока она шьетъ, гляжу на нее и мечтаю. Мечтаю о маленькой синеглазой принцессѣ съ черными локонами, о маленькой эльфочкѣ, что таинственно спустится къ нашему «замку» вся радостная, свѣтлая, несущая счастье роду Трумвиль.

Непремѣнно принцесса. О принцѣ я какъ-то и не думаю даже. О ней, только о ней мои мысли, мои свѣтлыя, крылатыя мечты! Ея портретъ передъ моими глазами. Собственно говоря, это не портретъ, а красивая гравюра съ изображеніемъ очаровательной дѣвочки, похожей на фею, розовенькую, синеглазую и черно-кудрую фею.

— Мариша,—говорю я, приближаясь къ портнихѣ,— скажите: это огромное-огромное счастье, не правда ли, имѣть собственное дитя?

Она вскидываетъ на меня быстрыми, покраснѣвшими отъ постоянной работы глазами.

— О да, счастье, но только не для тѣхъ, у кого

ѣсть нечего! Вонъ у меня ихъ семеро. Съ ума сведутъ.

— О, какое варварство!

Я замираю, собираюсь въ комочекъ, ухожу въ себя, и вся моя радость исчезаетъ мгновенно. Глаза испуганно поднимаются на мою собесѣдницу.

— Дѣти — радость жизни, — говорю я убѣжденно и ухожу къ себѣ въ спальню.

Потомъ долго копошусь, выдвигая ящики комодовъ и шкаповъ, собираю старое платье, ненужныя вещи и съ цѣлымъ ворохомъ возвращаюсь къ Маришѣ.

— Вотъ возьмите это себѣ... перешейте для дѣтей вашихъ... А вотъ и денегъ немного... Все это вамъ присылаетъ будущая маленькая принцесса замка Трумвиль.

Она широко раскрываетъ недоумѣвающіе глаза, ничего не понимая.

— Какая принцесса? Какой замокъ?

И вдругъ вспыхиваетъ до ушей.

— Благодарю васъ. Благодарю. Вы такъ добры.

Совсѣмъ не добра. Нисколько. Я только хочу, чтобы маленькая фея-принцесса прилетѣла на землю, вся обласканная лучами всеобщей любви.

Слетай же скорѣе ко мнѣ съ далекихъ небесъ, моя голубая мечта, моя маленькая фея!..

* * *

Ненастный зимній полдень. Туманъ повисъ надъ городомъ. Сѣрыя сумерки царятъ съ самаго утра.

Рыцарь Трумвиль на службѣ. Мариша шьетъ, чуть слышно мурлыча подъ носъ. Стучитъ ножная швейная машина въ столовой. Въ гостиной, по обыкновенію, топится каминъ. Передъ каминомъ разостлана мягкая козья шкура. На ней я и Мишка.

Мишка прикурнулъ поближе къ огню. Я полулежу на бѣломъ мѣху, сіяющая и притихшая, какъ это всегда бываетъ со мною при мысляхъ о принцессѣ. Но Мишка безпокоенъ что-то сегодня. Не урчитъ, а какъ-то ропщетъ, словно жалуясь, поглядывая на меня бѣгающими изъ стороны въ сторону маленькими глазками. Въ нихъ какой-то странный, безпокойный блескъ. Недавно онъ поцарапалъ руку Корнелію, кучеру-солдату, и страшно ревѣлъ наканунѣ надъ чашкой своего варева изъ овсянки.

Уходя сегодня на службу, рыцарь Трумвиль сказалъ, цѣлуя мнѣ руку:

— Не пускай въ комнаты Мишку, онъ что-то не нравится мнѣ нынче, дѣтка.

Но развѣ можно не пустить эту славную, переваливающуюся съ ноги на ногу тушу въ теплой шубѣ къ огню, около котораго такъ любитъ понѣжиться и погрѣться Мишка? И потомъ онъ такъ умѣетъ слушать мои пылкіе, восторженные отзывы о принцессѣ.

— Она будетъ синеглазая, свѣтлоокая...—разсказываю я ему,—и локоны у нея будутъ, какъ тучки на небѣ... А губки... Ахъ, Мишка, Мишка, ты не можешь себѣ представить, какія у нея будутъ губки,—шепчу я, не

сводя глазъ съ пламени, въ которомъ, кажется мнѣ, вотъ сейчасъ увижу мою очаровательную, маленькую принцессу.—У нея будетъ красивое имя... Кира... Ларисса... Нина... Ирина... Я не знаю уже какое... Но... дѣло не въ имени, а въ томъ, Мишка, что вся она будетъ, какъ маленькое солнце... Вся подобная солнцу. Слышишь? И ты будешь играть съ нею и возить ее на своей огромной спинѣ.

Я быстро, машинально перебираю теплую шкуру Мишки, а сама, не сводя глазъ съ пламени, начинаю шопотомъ импровизировать стихи, посвящаемые принцессѣ. Съ устъ моихъ срываются риѳмованныя строфы, въ то время какъ глаза прикованы къ огню, а руки застыли на мордѣ Мишки, который съ тихимъ урчаньемъ ласково, какъ собачка, лижетъ розовую ладонь своимъ шершавымъ горячимъ языкомъ.

У тебя бархатистые кудри,—

говорю я въ сладкомъ экстазѣ,—

Ниспадаютъ на плечи волной,
И сіяетъ лазурнымъ сіяньемъ
Твой, какъ небо, глазокъ голубой.
Твои губки, какъ вишенки, рдѣютъ,
И какъ жемчугъ, зубенки горятъ...
Мое сердце дрожитъ и робѣетъ,
Я ужъ вижу твой радостный взглядъ...

... Да, я его вижу, вижу! Въ яркомъ пламени камина синіе глаза и румяныя уста великолѣпной маленькой принцессы Трумвиль...

Я снимаю руку съ Мишкиной морды, не обращая вниманія на его недовольный ропотъ, не замѣчая его пристально направленный на мою теперь алую, какъ кровь, отъ пламени камина ладонь взглядъ, и опять отдаюсь охватившей меня волнѣ вдохновенія. И я импровизирую снова уже другое посвященіе маленькой эльфочкѣ, моей мечтѣ.

Ты—мой ландышъ бѣлый, ландышъ серебристый,
Майскій, юный ландышъ, свѣжій и душистый.
Ты—мой тополь гибкій, радостный и стройный,
Отъ движеній вѣтра тополь безпокойный.
Ты—мой свѣтлый мѣсяцъ, блѣдный и прекрасный,
Ты—мой лучъ востока, золотой и ясный,
Ты—моя улыбка, ты—мое дыханье,
Ты—моя надежда, счастье, упованье.
Ты...

Смолкаю внезапно, ошеломленная. Страшный, могучій ревъ заставляетъ меня смолкнуть, содрогнуться. Передо мною на заднихъ лапахъ стоитъ Мишка съ широко раскрытой пастью, съ налитыми кровью глазами, съ горячимъ дыханьемъ, клубомъ вырывающимся изо рта...

Стоитъ, испуская дикій ревъ и потрясая обѣими лапами. Жутко поблескиваютъ его налившіеся кровью глаза.

Я испуганно вскакиваю съ ковра и отступаю отъ обезумѣвшаго медвѣдя. Смутно проносится въ головѣ отчаянная мысль:

— Борисъ на службѣ... Галки нѣтъ дома... Что можемъ сдѣлать мы, двѣ женщины, съ разсвирѣпѣвшимъ звѣремъ?

Я мгновенно, къ ужасу моему, догадываюсь объ истинѣ. Мишка ласкалъ мою руку, не отнятую мною по забывчивости, и, почуя мясо и кровь подъ тонкимъ покровомъ кожи, одичалъ, озвѣрѣлъ, взбѣсился... Объ этомъ не разъ предупреждалъ меня мужъ, но я не хотѣла этому вѣрить, смѣялась, не придавая значенія его словамъ. И вотъ теперь... Неужели расплата!

Инстинктивно пячусь я къ двери... Хватаю стулъ и ставлю его передъ собою. Но что значитъ такая маленькая преграда для пробудившагося инстинкта хищника! Я съ ужасомъ сразу убѣждаюсь въ этомъ.

Съ новымъ оглушительнымъ ревомъ медвѣдь бросается ко мнѣ, какъ щепку, отбрасываетъ стулъ и обхватываетъ меня своими огромными лапами.

Теперь я чувствую его горячее дыханіе на своемъ лицѣ, его запахъ, особенный специфическій запахъ хищнаго звѣря, и съ послѣднимъ отчаяніемъ бросаю моему остановившемуся, захолодѣвшему сердцу:

— Великолѣпная, маленькая принцесса, прощай! Мнѣ уже не увидѣть тебя никогда въ жизни!..

* * *

Какой-то крикъ... стонъ... или много стоновъ, много криковъ—я уясняю себѣ это плохо.

Страшныя лапы сжимаютъ мои плечи... Налившіеся кровью глаза безпокойно мечутся подъ моимъ взоромъ. Какъ будто смутно борются послѣдніе сознательные инстинкты въ душѣ звѣря... Быть можетъ, страшно возстать противъ господства человѣка, того, о комъ носится въ его темнѣющемъ понятіи память, какъ о комъ-то, дающемъ пищу, тепло и ласку. Инстинктъ, очевидно, еще борется съ меркнущими искрами сознанія. Но инстинктъ побѣждаетъ. Медвѣжья лапа угрожающе заносится надъ моей головой.

И въ тотъ же моментъ я смутно, какъ въ туманѣ, вижу вбѣжавшаго впопыхахъ Бориса, его блѣдное, перекошенное ужасомъ лицо и какую-то блестящую въ его вытянутой рукѣ вещицу...

Рука съ блестящей вещицей быстро приближается къ уху медвѣдя... Гулко раскатывается выстрѣлъ по всему «замку», и въ тотъ же мигъ темныя, остро пахнущія, смертельныя объятія одичавшаго звѣря оставляютъ меня.

Сраженный пулей, медвѣдь съ легкимъ шумомъ валится на полъ посреди гостиной...

* * *

Все это происходитъ въ какую-нибудь минуту—и появленіе Бориса, и выстрѣлъ, и паденіе Мишки. Въ слѣдующую же я чувствую, какъ двѣ сильныя руки поднимаютъ меня и бережно относятъ на диванъ.

— Котикъ милый! Дѣтка!.. Дорогая дѣтка!.. Ты смертельно испугалась, да?

Я вижу передъ собой ласковые черные глаза Бориса, его встревоженное лицо, побѣлѣвшія отъ волненія губы, и въ меня вливается сладкое сознаніе счастливо избѣгнутой смертельной опасности... Ахъ, значитъ, я спасена, я увижу мою маленькую принцессу! Увижу! Какое счастье!

Но вдругъ взглядъ мой падаетъ на неподвижно лежащее посреди гостиной тѣло Мишки. Четко представляется вытянутая рука съ блестящимъ револьверомъ и выстрѣлъ, ужасный выстрѣлъ! И внезапная жалость, смѣшанная съ ужасомъ, заливаетъ все мое существо.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты убилъ его! Зачѣмъ! Зачѣмъ! Я его такъ любила!—говорю я шопотомъ съ помутившимся отъ слезъ взглядомъ.

И, вскочивъ съ дивана, я бросаюсь къ моему поверженному врагу, обнимаю руками его мохнатую шею и, вся дрожащая и взволнованная, отрывисто лепечу:

— Зачѣмъ ты убилъ его, Борисъ? Это жестоко! Безчеловѣчно! Зачѣмъ ты его убилъ?

Нѣсколько мгновеній онъ смотритъ на меня расширенными отъ изумленія глазами. Ему кажется непонятной сейчасъ эта взволнованная, ничего не соображающая, блѣдная, тоненькая женщина, съ озлобленіемъ и ужасомъ повторяющая одно и то же.

— Ты его убилъ! Убилъ! Это жестоко! Безчеловѣчно! Гадко!

Онъ молчитъ еще минуту. Затѣмъ пожимаетъ плечами, и глубокая морщина прорѣзаетъ его лобъ.

— Что же ты предпочла бы, чтобы онъ задушилъ тебя на смерть, этотъ взбѣсившійся звѣрь?

Я молчу мгновеніе, сраженная, уничтоженная его здравой логикой. Но въ глубинѣ моего сердца—протестъ. Развѣ нельзя было поступить иначе? Оттолкнуть, оглушить ударомъ звѣря, что ли? Вѣдь Борисъ такой сильный. Но не убивать, только не убивать! И срывающимся отъ волненія голосомъ я высказываю это мужу.

И вотъ я вижу его темнѣющее лицо, гнѣвныя искорки, зарождающіяся въ глазахъ, угрюмый взглядъ, какимъ онъ никогда еще не смотрѣлъ на меня прежде.

— Борисъ, что съ тобою?

— Ты разсуждаешь, какъ безразсудное дитя, какъ самая маленькая дѣвочка,—отвѣчаетъ онъ мнѣ глухимъ, недовольнымъ голосомъ.—Надо было выбирать одно: или видѣть тебя растерзанной, или убить взбѣсившагося Мишку... А впрочемъ, не пришлось бы прибѣгать къ этому, если бы ты была благоразумнѣе и не пустила его въ комнаты, какъ я и просилъ.

Это звучитъ уже упрекомъ. И недовольствомъ, гнѣвомъ и холодностью вѣетъ отъ него. Это уже слишкомъ. Брандегильда—продуктъ сказки и рождена для того, чтобы видѣть одну радость-сказку отъ того, кого сдѣлала избранникомъ своей души. И его строгій тонъ коробитъ ее.

Я замыкаюсь въ себя... Молчу, опустивъ глаза, и,

нѣмая, далекая, ухожу въ свою комнату, предоставляя рыцарю Трумвилю и его оруженосцу заняться убитымъ звѣремъ. А въ сердцѣ нарастаетъ и клубится какая-то холодная, тяжелая, одинокая тоска...

* * *

Бѣгутъ дни, однообразные и скучные, похожіе, какъ близнецы, другъ на друга.

Борисъ служитъ, занимается со своими солдатами, по вечерамъ приходитъ усталый посидѣть на бѣлой тибетской шкурѣ передъ пылающимъ каминомъ и ждетъ. Ждетъ, чтобы я опять ласково и добро, какъ раньше, заговорила съ нимъ, повѣдала ему свои мечты о маленькой принцессѣ, которую мы ждемъ скоро, очень скоро, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ... Но самъ не заговариваетъ первый, угрюмый, замкнутый, мрачный.

И я молчу тоже. Я не могу быть радостной, веселой и сіяющей, когда у меня такая тяжесть на душѣ. Мнѣ жаль, безконечно жаль убитаго Мишку. Я все думаю о томъ, неужели же нельзя было поступить иначе? Неужели это справедливо—погубить однимъ выстрѣломъ беззащитнаго звѣря? О томъ, что беззащитный звѣрь былъ во всеоружіи своей силы, я не думаю какъ-то. Мнѣ мучительно жаль забавнаго, милаго, славнаго Мишука, и только.

Теперь всѣ мои стихи посвящаются «убитому другу». Я варьирую эту тему на нѣсколько ладовъ. Потомъ

пишу легенду о довѣрчивомъ лѣсномъ звѣрѣ, погибшемъ отъ руки человѣка. Я стараюсь какъ можно тщательнѣе отдѣлать ее и просиживаю надъ нею цѣлыми днями.

Съ Борисомъ говоримъ только о пустякахъ, о дѣлахъ, хозяйствѣ, о преданности и глупости Галки, о томъ, какъ трудно объѣздить верховыхъ лошадей, Красавчика и Бѣгуна, подъ упряжку. Но о «замкѣ Трумвиль», о сладкихъ мечтахъ про принцессу или объ убитомъ Мишкѣ—ни слова.

Прощай, моя пестрая сказка о Трумвилѣ! Прощай, моя золотая мечта!..

* * *

У меня появилась тайна, тайна, въ которую посвящены лишь двое: Галка и я.

Пока Борисъ на службѣ, я исписала нѣсколько листовъ своимъ крупнымъ мальчишескимъ почеркомъ, вложила ихъ въ огромный конвертъ, надписала на немъ адресъ и большущими буквами поставила «заказное». Это письмо—мой смѣлый и дерзкій замыселъ, моя тайна. Я думаю о немъ все время, пока Галка своими быстрыми шагами шагаетъ по снѣжной дорогѣ въ городской почтамтъ.

Въ большомъ конвертѣ запечатана моя легенда о медвѣдѣ. Я отправляю ее въ редакцію одного изъ петербургскихъ журналовъ, за полной моей подписью, не скрывая даже адреса, написаннаго мною невѣрной рукой внизу легенды. Будь, что будетъ: или панъ, или про-

палъ. Если легенда будетъ принята, то значитъ у меня есть крохотная искорка таланта, и тоненькая Брандегильда изъ замка Трумвиль быть можетъ сдѣлается писательницей. Но если пораженіе... Какой ужасъ! Маленькая принцесса Трумвиль, моя еще не воплотившаяся мечта, твоя мать окажется тогда самою обыкновенною изъ смертныхъ! Это ужасно! Ужасно для тщеславной и смутно ищущей души бывшей Лиды Воронской.

Въ письмѣ, которое я прилагаю къ легендѣ, я прошу редактора журнала непремѣнно отвѣтить мнѣ письменно, каковъ бы ни былъ результатъ, и притомъ какъ можно скорѣе, при чемъ прилагаю марку на отвѣтъ.

Сердце мое то бьется усиленнымъ темпомъ, то сжимается, какъ въ тискахъ. Сегодня я не нахожу себѣ мѣста. Даже мечты о маленькой принцессѣ не развлекаютъ меня.

Быстрые шаги Бориса выводятъ меня изъ задумчивости. Ему я не скажу ни слова, ни единаго слова о моей тайнѣ, пока не выяснится такъ или иначе результатъ отосланнаго письма. Да и къ тому же, онъ какъ-то странно и хмуро поглядываетъ на меня послѣ злополучнаго дня гибели Мишки. И сейчасъ лицо его сумрачно, когда онъ входитъ въ комнату своей быстрой, немного тяжелой походкой.

Но что съ нимъ? Какой онъ блѣдный, смертельно блѣдный! Что случилось?

Легкій трепетъ охватываетъ меня. Предчувствіе бѣды

неумолимой холодной змѣйкой проскальзываетъ къ самому сердцу.

— Говори скорѣе, что случилось?—кричу я голосомъ, полнымъ испуга, и протягиваю руки впередъ.

Онъ блѣднѣетъ еще больше. Потомъ со страдальческимъ выраженіемъ поднимаетъ брови и говоритъ глухо:

— Только не здѣсь. Не здѣсь—пойдемъ къ «намъ». У «насъ» всякое горе какъ-то переживается легче...

Я испускаю легкій крикъ... Значитъ, что-то случилось, если надо идти «туда», къ намъ. Во всѣ необычайныя минуты жизни мы «туда» уходимъ. Тамъ наше царство. Это—самый отдаленный, никѣмъ почти не посѣщаемый уголокъ парка, который Борисъ приказалъ своимъ солдатамъ расчистить. Тамъ шумятъ вязы, и стоитъ скамейка, чудесно спрятанная между заиндивѣвшими въ зимнее время деревьями. Тамъ прыгаютъ желтыя бѣлки, и гудитъ вѣтеръ, совсѣмъ какъ въ настоящемъ лѣсу. Это наше «царство». Сюда мы приходимъ, когда случается какое-нибудь изъ ряда вонъ выходящее событіе въ мирномъ теченіи нашей жизни.

И сейчасъ я быстро натягиваю теплые ботики, надѣваю шубку и спѣшу туда съ блѣднымъ и молчаливымъ Борисомъ.

Вотъ они, старые вязы, покрытые теперь густымъ бѣлымъ слоемъ снѣжной пудры. Вотъ скромно пріютившаяся подъ ними скамейка.

— Сюда, Борисъ! Скорѣе сюда!

Я сажусь первая и зажимаю рукою сердце. Я чувствую, что сейчасъ должно произойти что-то непоправимое, большое и грустное, грустное до слезъ. И, тяжело дыша, гляжу въ лицо моего спутника.

И вотъ оно, это страшное, разразилось надъ моей головой. Мнѣ кажется, что это сонъ, то, что я слышу.

Борису предстоитъ отъѣздъ по службѣ въ сѣверную глухую часть Сибири, въ самыя отдаленныя мѣста, гдѣ нѣтъ не только желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа, но гдѣ вообще почти нѣтъ человѣческаго жилья—одна лишь непроходимая тайга. Тамъ онъ останется цѣлыхъ три года. Зачѣмъ, почему?—я, несмотря на его объясненія, не могу понять. И мнѣ никакъ нельзя сопровождать его, нельзя уже потому, что маленькая принцесса, появленія которой мы ждемъ со дня на день, не сможетъ перенести всѣхъ ужасовъ сѣверной зимы, не говоря уже о долгой дорогѣ.

— Отказаться мнѣ, конечно, нельзя, какъ бы ни хотѣлось именно теперь остаться здѣсь, чтобы обождать появленія нашей «принцессы»,—говоритъ Борисъ,—но я вернусь черезъ три года, дѣтка, когда наша «принцесса» будетъ бѣгать и лепетать. А пока ты поселишься съ нею въ твоей дѣвичьей комнатѣ, подъ крылышкомъ твоего «Солнышка», который, я увѣренъ, сохранитъ васъ обѣихъ для меня.

Его голосъ звенитъ предательски, и я вижу блещущій слезами черный, угрюмый взглядъ. О какъ я

была несправедлива къ нему, обвиняя его въ жестокости по поводу убійства Мишки!.. Горячая волна остраго, жгучаго раскаянія, нестерпимой тоски и глубокаго, преданнаго чувства къ рыцарю Трумвилю заполняетъ сердце.

— Боря! Боря!—шепчу я, и слезы безшумно падаютъ на мой теплый воротникъ.—Это ужасно, Боря! Это ужасно! Три года! Три долгіе года мы будемъ однѣ! Бѣдныя Брандегильды, большая и маленькая! Двѣ бѣдныя, въ сущности обѣ маленькія Брандегильды! Опустѣетъ сразу замокъ Трумвиль!

Я заговариваю объ отмѣнѣ, о просьбѣ послать, вмѣсто Бориса, другого офицера туда на сѣверъ...

Но онъ широко раскрытыми, изумленными глазами смотритъ на меня.

— Подумала ли ты, котикъ, что ты говоришь? Развѣ зря меня посылаютъ? Это нужно, и долгъ службы требуетъ безпрекословнаго исполненія даннаго мнѣ порученія... Ты забываешь, что я офицеръ, служу родинѣ и долженъ исполнять то, что нужно для ея пользы.

Да, онъ правъ, безусловно правъ. Онъ, Борисъ, суровый исполнитель своего долга, какимъ я его знаю, не можетъ отказаться, просить объ отмѣнѣ даннаго ему порученія. Служба, долгъ отечеству, присяга у него на первомъ планѣ.

— Дѣтка, — говоритъ онъ, — было бы востократъ

ужаснѣе при другомъ несчастьѣ, которое нельзя было бы предотвратить: могла бы быть война... и...

— Молчи! Молчи!—кричу я, вскакивая въ волненіи со скамейки.

Онъ осторожно усаживаетъ меня снова, и мы мечтаемъ вслухъ нашими печальными мечтами.

— Когда ты вернешься,—говорю я,—у «нея» будутъ уже локончики до плечъ, и «она» научится лепетать такъ мило...

И сердце мое дрожитъ.

— И «ее» будутъ звать Лидой, какъ и ея маленькую маму...—вторитъ онъ мнѣ.

— Ахъ, нѣтъ, лучше Кирой, Ириной, Ниной или Лариссой...

— Лучше Лиды нѣтъ имени на землѣ!—слышу я безапелляціонный отвѣтъ.

— Неправда. А впрочемъ, какъ хочешь... А только ахъ, Боря, неужели же три года? Цѣлые три года?

Мы смолкаемъ и сидимъ, притихшіе, какъ мыши. Старые вязы скрипятъ. Вѣтеръ гулко гуляетъ по чащѣ. Солнца нѣтъ. Нѣтъ радостнаго солнца и въ нашихъ сердцахъ.

Потомъ я начинаю говорить про мою тайну. Мнѣ хоть чѣмъ-нибудь хочется утѣшить его и себя. Я заявляю ему, что Брандегильда—писательница. Не правда ли, милый рыцарь Трумвиль, какъ это забавно? Ха-ха-ха!

Но онъ не находитъ это забавнымъ, ничуть. Востор-

Я напрягаю зрѣніе...

гомъ горятъ его глаза, и онъ съ гордостью смотритъ на меня такимъ взглядомъ, точно я царица, и шепчетъ:

— О, моя маленькая Брандегильда! Какъ мы все-таки счастливы съ тобой!

* * *

Отъѣздъ рыцаря Трумвиля назначенъ весною, но онъ все-таки состоится, этотъ ужасный отъѣздъ. И мы съ будущей маленькой принцессой не сможемъ проводить его даже до мѣста его назначенія. Длинная дорога не для такой малютки.

Отвѣтъ изъ редакціи приходитъ раньше, нежели мы оба этого ожидали. Объемистый конвертъ съ адресомъ отправителя на лицевой сторонѣ. Декабрьское солнце горитъ на его зеленоватыхъ буквахъ. Сердце мое внезапно падаетъ и замираетъ, когда взглядъ мой примѣчаетъ его на столѣ. Меня шатаетъ отъ волненія, когда я подхожу къ письменному столу, куда обыкновенно кладетъ корреспонденцію аккуратный до педантизма Галка. Дрожащими руками раскрываю конвертъ и вынимаю оттуда роковой листокъ письма.

Сначала глаза мои ничего не видятъ... Какая-то сѣрая пелена встала между письмомъ и мною и мѣшаетъ, не даетъ прочесть. Я напрягаю зрѣніе... За моимъ плечомъ Борисъ волнуется не меньше меня. И вдругъ онъ вскрикиваетъ громко:

— Ура! дѣтка, ура! Легенда принята и одобрена.

Да здравствуетъ маленькая Брандегильда! Да здравствуетъ замокъ Трумвиль!

Все плыветъ передо мною въ розовомъ туманѣ: и большая комната, залитая декабрьскимъ солнцемъ, и счастливое письмо, и радостно-возбужденное лицо Бориса. И я визжу на весь замокъ, какъ бывало визжала въ дѣтствѣ, забывъ мои почтенныя восемнадцать лѣтъ...

* * *

Борисъ помчался въ Петербургъ въ редакцію «Взора», чтобы повидать того добраго чародѣя, который прислалъ такое славное письмо. Надо же переговорить серьезно о размѣрѣ «таланта» тоненькой Брандегильды, о томъ, гдѣ и какъ ей продолжать работать впредь. Ахъ, да мало ли о чемъ надо переговорить! Вернется онъ изъ города поздно вечеромъ.

Я сижу и думаю: надо побывать у «Солнышка» и разсказать ему и мамѣ-Нэлли о моей первой литературной удачѣ. Или не говорить? Не лучше ли просто послать имъ легенду въ напечатанномъ видѣ, когда номеръ журнала появится въ свѣтъ? То-то будетъ сюрпризъ и радость для «Солнышка»! Его дочь, его Лидюша—писательница! Поэтесса! Конечно сюрпризомъ лучше. Только сумѣю ли я умолчать?

Ахъ, какъ все-таки долго тянется время! Чтобы развлечь себя, спускаюсь въ кухню. Тамъ Доротея мелетъ на машинкѣ котлеты. Я живо заинтересовываюсь этимъ.

— Вы устали, Доротея, я вамъ помогу.

Чтобы убить какъ-нибудь время, принимаюсь дѣлать котлеты. Насыпавъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ сахарнаго песку вмѣсто соли въ бѣлорозовое телячье мясо (вѣдь поэты забывчивы и разсѣяны, какъ никто), не выдерживаю и говорю Доротеѣ:

— А я вѣдь писательница, Доротея. Вы знаете?

И все поетъ во мнѣ отъ этихъ моихъ собственныхъ словъ.

Она улыбается и тянетъ, нельзя сказать, чтобы ужъ съ очень умнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Вотъ какъ... И деньги за это получите?

Деньги? Какая проза. Фи! Но чтобы поддержать свое genommée, отвѣчаю:

— Понятно. Даромъ никто не пишетъ. И если буду много писать, то и денегъ получу много, очень много...

— Вотъ это хорошо,—соглашается она, осклабившись во весь свой широкій, румяный, какъ вишня, ротъ.— Пишите, милая барыня... У меня братъ тоже писатель. Въ главномъ штабѣ служитъ... писаремъ—это вѣдь все равно. И все онъ пишетъ, все пишетъ, да красиво такъ... Только мало за это получаетъ что-то... Хотя генералы даже одобряютъ его очень. «Хорошій почеркъ, Лупкинъ, у тебя», говорятъ.

О, варварство! Она смѣшиваетъ писаря съ писателемъ! Несчастная!

И сразу приготовленіе котлетъ перестаетъ меня интересовать. Оскорбленная въ моихъ лучшихъ чув-

ствахъ, поднимаюсь по лѣстницѣ наверхъ, въ «жилое помѣщеніе замка».

— Галка, — говорю я вѣрному оруженосцу мужа, занятому сейчасъ чисткою замковъ у дверей,—ты скажешь въ восемь часовъ Корнелію запрягать Бѣгуна. Я барина встрѣчать поѣду.

— Слушаю-съ. А только, ваше высокородіе, Корнелій не при своихъ чувствахъ,—звучитъ, какъ всегда, унылый отвѣтъ.

— Боленъ?

— Такъ точно.

— Что у него?

— Не могу знать.

— Голова болитъ?

— Такъ точно.

— Можетъ быть зубы?

— Такъ точно.

— Или желудокъ?

— Такъ точно.

— Значитъ все?

— Не могу знать.

— Фу, ты какой! — начинаю я раздражаться.—И всегда ты былъ такимъ, Галка?

— Не могу знать.

* * *

Наконецъ-то вечеръ, мягкій, ясный, студеный. Бѣгунъ уже ржетъ у крыльца и нетерпѣливо взрываетъ снѣгъ

копытомъ. Борису стоило много труда выѣздить подъ упряжь эту горячую, какъ огонь, лошадку. На козлахъ вмѣсто Корнелія—Галка. Корнелій дѣйствительно боленъ, и я его отпустила съ миромъ.

Я выхожу вся закутанная въ ротонду.

— Ну, Галка, съ Богомъ! — говорю я, садясь въ сани.—Поскорѣе только вези, голубчикъ.

— Такъ точно!—звучитъ неопредѣленный отвѣтъ.

И онъ трогаетъ вожжами.

Бѣгунъ сразу беретъ съ мѣста, и мы несемся. Какой прелестный декабрьскій вечеръ! Черный бархатъ неба тамъ наверху и золотая, хитро сплетенная ткань звѣздочекъ, мигающихъ, сверкающихъ и милыхъ,—какая это прелесть! А по обѣ стороны дороги бѣлыя же деревья парка. Красивыя, гордыя, величавыя...

Мы мчимся, какъ на крыльяхъ.

* * *

Въ то время, какъ сани скользятъ по ровной бѣлой скатерти дороги, и быстроногій Бѣгунъ направляетъ свой ходъ къ вокзалу, я уже создала въ моей головѣ цѣлое будущее, такое волшебное и прекрасное. Рыцарь Трумвиль въ отсутствіи... Его Брандегильда работаетъ, пишетъ, шагъ за шагомъ пробиваетъ себѣ путь къ извѣстности, къ славѣ... А крошечная Брандегильда растетъ, точно тепличный цвѣтокъ поднимается среди сладкой атмосферы всеобщаго обожанія... Когда возвра-

щается рыцарь Трумвиль, Брандегильда встрѣчаетъ его въ лучахъ славы... Ее признали... Ей поклоняются до земли. Она сумѣла своими твореніями заставить трепетать людскія сердца... И гордый ея величіемъ, ея побѣдой, рыцарь Трумвиль преклоняетъ передъ ней колѣни...

— Что съ тобой, Галка? Что ты мечешься то вправо, то влѣво? Ахъ, Господи, бери правѣе, правѣе бери!

Тихій крикъ срывается съ моихъ устъ, и спугнутыя золотыя мечты разлетаются сразу. Сани виляютъ и бросаются изъ стороны въ сторону, точно избѣгая встрѣчи съ кѣмъ-то тамъ впереди. Бѣгунъ испускаетъ пронзительное ржанье.

Я быстро приподнимаюсь съ сидѣнья и холодѣю... Прямо на насъ несется огромная черная лошадь, запряженная въ сани. Она мчится съ быстротою вихря, изъ ноздрей ея вылетаютъ клубы пара... Даже въ полутьмѣ парковой аллеи страшно горятъ ея огненные глаза.

— Правѣе! Держи правѣе, Галка!—едва успѣваю я крикнуть...

И въ тотъ же мигъ страшный трескъ, ржанье, пронзительный крикъ и какой-то оглушительный толчокъ,— все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ меня высоко подпрыгнуть надъ сидѣньемъ. Въ одну минуту оглобли нашихъ саней раскалываются надвое, и черная голова лошади появляется какъ разъ передо мною... Послѣднее, что я вижу, это ея жуткіе огненные глаза и клубы

пара, выходящіе изъ ея красныхъ ноздрей... Слышу громкіе крики Галки и еще кого-то... Затѣмъ падаю безъ чувствъ, вывалившись на дорогу вмѣстѣ съ расщепленными остатками саней...

* * *

Едва помню и сознаю тотъ смутный ужасъ, который наступилъ вслѣдъ за этимъ... Страшные кошмары... Черныя грезы... Какой-то сумбуръ, туманы... Ужасъ небытія... и опять сумбуръ...

Чужая взбѣсившаяся лошадь врѣзалась въ наши сани, сокрушила ихъ, выбросивъ изъ нихъ меня на землю. И это послужило началомъ тому страшному обмороку, который длился три долгихъ дня и три ночи подъ рядъ, тому бреду, ужасу и безчувствію, которые сковали мое хрупкое существо...

Иногда, приходя въ себя, я видѣла склоненныя надо мною встревоженныя, блѣдныя лица Бориса, мамы-Нэлли, «Солнышка» и еще какую-то бѣлую фигуру съ грустнымъ усталымъ незнакомымъ лицомъ. И потомъ снова наступалъ ужасъ: черная лошадь съ огнедышащими ноздрями, съ глазами, какъ пламя,—все тотъ же страшный сумбуръ...

* * *

На четвертыя сутки я открыла наконецъ глаза. И первое, что я замѣтила, это незнакомую, всю въ бѣломъ женщину съ усталымъ, грустнымъ лицомъ и ласковой улыбкой на тонкихъ губахъ.

Она протягиваетъ мнѣ что-то маленькое, хрупкое, завернутое въ одѣяло, крошечный свертокъ, похожій на завернутую куклу.

— Вотъ вамъ вашъ маленькій мальчикъ. Поздравляю васъ, юная мать; ребенокъ здоровенькій и славненькій на диво.

— Что!? Какой ребенокъ? Какая мать?

Я ровно ничего не понимаю, хотя сердце мое бьетъ тревогу и духъ захватываетъ въ груди отъ блаженнаго предчувствія. И вдругъ я догадываюсь и вся содрогаюсь отъ остраго прилива счастья.

— Маленькая принцесса! Она здѣсь! Она явилась ко мнѣ, наконецъ-то, моя олицетворенная, свѣтлая мечта!

— Не принцесса, а принцъ,—поправляетъ меня съ милой улыбкой та же бѣлая женщина.

— Принцъ? О, о принцѣ я не думала какъ-то... Я ждала принцессу, но...

Мое сердце замираетъ тѣмъ же острымъ чувствомъ блаженства, и сладкая волна затопляетъ меня всю, все мое существо.

— Дайте мнѣ его! Дайте моего маленькаго принца!

И я протягиваю исхудалыя руки и принимаю въ объятія мое новорожденное дитя. На моихъ рукахъ живой, трепещущій комочекъ въ фланели, батистѣ и шелку. Красное, потѣшно сморщенное личико и крошечные свѣтлые глазенки. А на полуголомъ крошечномъ черепѣ мягкіе, какъ ленъ, бѣлокурые кудрявые волосики. Со-

всѣмъ не то, чего я ждала, что создавала въ своемъ воображеніи, но вдвое дороже и милѣе того, что дарила мнѣ моя яркая мечта. Принцъ или принцесса, мальчикъ или дѣвочка—не все ли равно! Я одинаково безумно люблю какъ того, такъ и другого, люблю тебя, мое родное сокровище, мое дорогое дитя.

Здравствуй же, новый маленькій хозяинъ нашего «замка», мой прелестный маленькій принцъ, мой принцъ бѣлокурый, моя воплощенная, трепетная материнская мечта, счастье и радость всей моей жизни, здравствуй!

И, осыпавъ самыми пламенными поцѣлуями сморщенное личико, свернувшееся въ гримасу плача, я передаю мое сокровище подоспѣвшему, сіявшему глазами Борису и опускаюсь головой на подушки, отягощенная сладкимъ бременемъ счастья, того счастья, о существованіи котораго я и не подозрѣвала до сихъ поръ. Его принесъ мнѣ съ собою этотъ крошечный ребенокъ съ льняными кудрями и потѣшнымъ сморщеннымъ личикомъ. Его принесло мнѣ мое обожаемое дитя...

* * *

Весна...

Сирень въ цвѣту, лиловая, бѣлая и нѣжно-розовая.

Я провожу эту весну одна, и уже не въ «замкѣ», а въ квартирѣ моего отца. Рыцарь Трумвиль далеко. Но маленькій принцъ со мною. Мы устроились въ моей старой дѣвичьей комнаткѣ, я и «онъ»—моя прелесть, мое сокровище, мое дорогое дитя. Кормилица Саша, ру-

мяная, здоровая толстушка, спитъ въ маленькой горницѣ рядомъ. Живемъ всѣ трое у «Солнышка»: я, маленькій принцъ и она.

А изъ далекой Сибири отъ Бориса приходятъ письма, длинныя, подробныя, наподобіе дневниковъ. Изъ нихъ я узнаю, какъ онъ живетъ, какъ проводитъ время... И я читаю ихъ маленькому принцу, хотя онъ не понимаетъ ничего.

Какой онъ прелестный и забавный, мой маленькій принцъ! Весь домъ занимается имъ. Даже его маленькая тетка, которой только минулъ годъ, и та проводитъ цѣлые часы въ его обществѣ, забывая о своихъ игрушкахъ. Но ласкать его могу только я одна. И мыть, и купать, и пеленать тоже. Я ревную его ко всѣмъ, кто прикасается къ нему. Я дѣлаюсь несносной, когда Саша слишкомъ долго и много цѣлуетъ его. Вѣдь онъ мой, только мой, этотъ маленькій принцъ, и мнѣ принадлежитъ онъ, такой славненькій, нѣжный и кудрявый...

* * *

Незамѣтно подкрадывается лѣто...

Въ пышно убранномъ въ его зеленое платье паркѣ я провожу все свое время съ моимъ маленькимъ принцемъ и съ Сашей. Теперь я уже не пишу стиховъ, не до стиховъ мнѣ. Материнскія заботы точно лишили меня вдохновенія, и я какъ-будто не чувствую болѣе потребности изливать мои мысли и чувства въ стихахъ. А заставлять себя писать, т.-е. писать безъ вдохнове-

нія, быть просто ремесленницею пера, строчить только для того, чтобы получать отъ редакціи вознагражденіе за написанное, — я не могу, не умѣю и не хочу... Къ тому же стихи приносятъ такъ мало, одни гроши. Этихъ грошей недостаточно для того, чтобы существовать, чтобы поставить на ноги моего малютку. А мнѣ такъ хочется окружить полнымъ довольствомъ его колыбель, не только довольствомъ, но и роскошью. Чѣмъ же достигнуть этого и какъ?

Скуднаго сфицерскаго жалованья Бориса не хватаетъ. Къ тому же — ему тамъ, въ Сибири, самому нужно много. Необходимо подумать, какъ бы самой заработать, не нуждаться въ средствахъ мужа.

Но это далеко не легко.

Въ учительницы я не гожусь; къ медицинѣ — не чувствую призванія; поступить куда-нибудь на службу и «отсиживать» опредѣленное число часовъ за работой— тоже не въ моемъ характерѣ, на это я, при моей живой, нервной натурѣ, не способна совсѣмъ.

Я перебираю всѣ доступныя женщинамъ профессіи— и не могу остановиться ни на одной.

Долгими часами я ломаю голову надъ тѣмъ, какъ устроить мое будущее, и бесѣдую на ту же тему съ Варей, которая теперь уже самымъ серьезнымъ образомъ собирается уйти въ монастырь.

* * *

И вотъ, наконецъ, новая мысль пришла мнѣ какъ-то вдругъ, неожиданно въ голову, когда я меньше всего ожидала того, что рѣшило мою судьбу.

На берегу синяго озера царскосельскаго парка, гдѣ плавали бѣлые лебеди, гордо выгибая царственную шею, мы были всѣ трое: я, мое сокровище въ своей маленькой колескѣ и Саша.

Кругомъ пѣло лѣто. Синее озеро играло на солнцѣ.

Я опустила только что прочитанный томъ Некрасова на колѣни и тихо, съ глубокимъ чувствомъ продекламировала мои любимые Некрасовскіе стихи, его незабвенную поэму о русскихъ женщинахъ, княгиняхъ Трубецкой и Волконской,—поэму, которую знаю наизусть съ дней института. Я живо представила себя на мѣстѣ одной изъ несчастныхъ героинь поэмы... И, словно крылья гигантской птицы подхватили меня и, какъ тогда, въ вечеръ спектакля, понесли куда-то далеко, далеко... И въ душѣ моей загорѣлась смутная мечта создать мою жизнь прекрасной, полной смысла и красоты, во имя маленькаго принца и ради его благополучія и счастья...

Я давно чувствовала какое-то, для меня самой странное, мнѣ самой непонятное, влеченіе къ сценѣ, къ театру.

У меня сложилось убѣжденіе, что нѣтъ свѣтлѣе и благороднѣе дѣла артиста, который воплощаетъ и изображаетъ людское горе, людскія радости, людскія слабости и людскіе порывы, который наглядно рисуетъ намъ жизнь, объясняетъ ее и открываетъ ея самые со-

кровенные уголки, заставляя зрителей то волноваться, то печалиться, то радоваться, соотвѣтственно изображаемымъ явленіямъ жизни на сценѣ театра.

Какое искусство, думала я, можетъ сравниться съ театромъ и сценой!

Я вспоминала, какъ восторженно приводилъ намъ Чудицкій въ институтѣ, на урокахъ словесности, слова великаго Бѣлинскаго о театрѣ и его значеніи, вспоминала, что уже тогда у меня смутно являлось какое-то странное влеченіе къ этому роду искусства...

Но только теперь, впервые, сознательно, подъ вліяніемъ дивныхъ Некрасовскихъ стиховъ, подъ навѣяннымъ ими порывомъ, созрѣло рѣшеніе посвятить себя театру, сценѣ.

— Поступлю въ театральную школу, на драматическіе курсы, постараюсь всѣми силами какъ можно лучше изучить искусство, подготовлюсь, чтобы стать достойной званія артистки-актрисы!.. А затѣмъ буду служить... Служить на сценѣ въ какой-либо драматической труппѣ, буду сама зарабатывать, буду сама добывать средства къ жизни моей игрой...

И эту, внезапно родившуюся, мечту я рѣшила осуществить во что бы то ни стало. А рѣшивъ, — немедленно же приступила къ ея осуществленію.

Я съѣздила въ Петербургъ, узнала подробно, могу ли я быть принята на драматическіе курсы, даетъ ли мой институтскій аттестатъ право на поступленіе туда,

требуется ли экзаменъ, а главное, сколько лѣтъ придется учиться и могу ли я впослѣдствіи разсчитывать на болѣе или менѣе прочный заработокъ. И, еще разъ тщательно обдумавъ все, сообщила о своемъ намѣреніи своимъ.

Какъ я и предвидѣла, мое рѣшеніе буквально ошеломило всѣхъ. Мнѣ сначала не повѣрили, думали, что я шучу.

— Неужели ты оставишь, бросишь твоего ребенка, чтобы стать актрисою!—воскликнула мама-Нэлли.

— О нѣтъ! нѣтъ! — горячо протестовала я, — его я не оставлю никогда. Ради него-то я и хочу служить, работать, добывать себѣ положеніе. Съ нимъ я поѣду учиться. Съ нимъ и для него—вездѣ и всюду, не разлучаясь съ моимъ крошкой ни на одинъ день! *)

* * *

— Итакъ, моя Лида, ты это рѣшила безповоротно?

— Да, «Солнышко», да. И не сгоряча рѣшила, а долго-долго и серьезно обдумывала мой шагъ... Я должна это сдѣлать, ради себя и ради моего ребенка.

— Подумай, дитя, что ждетъ тебя впереди! Сколько волненій и бурь!

— Тѣмъ достойнѣе будетъ побѣда, мой дорогой папа, если только мнѣ удастся достигнуть чего-нибудь.

— Но та жизнь, которую ты выбираешь и на ко-

*) См. повѣсть «Цѣль достигнута».

торую идешь, дитя, она трудна и непосильна такому юному существу, какъ ты.

— О, этого я не боюсь, «Солнышко»! Я хочу, я желаю работать,—и трудности меня не пугаютъ... Удастся ли мнѣ выдвинуться въ первые ряды, я не знаю... Но если даже я останусь только скромной, незамѣтной труженицей на избранномъ мною поприщѣ, я буду вполнѣ довольна этимъ... Не жажда блеска, славы толкаетъ меня, а искренняя горячая любовь къ избранному дѣлу и еще любовь... къ моему ребенку, которому я хочу сказать: «твоя мама работаетъ для тебя, для твоего благополучія. А быть можетъ, — кто знаетъ? — мнѣ удастся достигнуть и того, что онъ, мой мальчикъ, будетъ имѣть право гордиться своей мамой...

— Дитя! Дитя! Ты живешь въ какомъ-то мірѣ сказокъ... Витаешь въ облакахъ... Но жизнь не сказка... Тебѣ трудно будетъ въ эти три года, въ ожиданіи мужа, привыкать къ новой обстановкѣ, къ усидчивой работѣ и къ чужимъ людямъ... Останься лучше съ нами. Мы такъ любимъ тебя... И твоего маленькаго принца тоже... Скажи, чего недостаетъ тебѣ? Здѣсь тебя балуютъ, лелѣютъ... Ты не нуждаешься ни въ чемъ... Останься, милая, останься!..

Голосъ моего отца дрожитъ отъ волненія.

— Ахъ, не то, «Солнышко», не то! Ты не понимаешь меня: я дѣйствительно живу въ мірѣ сказокъ, и моя фантазія необъятна, какъ міръ... Ты лелѣешь, балуешь

меня и моего ребенка, ты даешь мнѣ деньги, кормишь насъ, содержишь, мы живемъ у тебя... Но меня не удовлетворяетъ такая жизнь, полная бездѣйствія и безпомощности передъ ребенкомъ. Мнѣ хочется завоевать положеніе собственными усиліями, своимъ трудомъ, способностями и, когда Борисъ вернется, то къ тому времени быть настолько подготовленной и сильной, чтобы работать для благополучія моего сынишки наравнѣ съ нимъ и имѣть возможность ткать пряжу счастья для моего принца... Ты понялъ меня, папа?

Да, онъ понялъ, потому что печально затуманились его глаза, и грустная улыбка тронула губы.

— Но отъ меня ты не откажешься принимать помощь хотя бы первое время, пока удастся тебѣ достигнуть того, о чемъ ты мечтаешь? Не правда ли?—тихо освѣдомляется отецъ и сжимаетъ мою руку.

— О, благодарю тебя, дорогой! Пока я не оперилась и мною ничего еще не достигнуто, мнѣ нужна твоя поддержка. Но только на это время, а потомъ я сама, сама должна работать на себя и на моего сына.

Отецъ широко раскрываетъ объятія... Я бросаюсь въ нихъ и замираю у него на груди...

— Итакъ, мнѣ остается лишь пожелать, чтобы твои горячія мечты сбылись, чтобы ты достигла того счастья, о которомъ такъ мечтаешь, достигла намѣченной цѣли...—заключаетъ онъ.

Сердце мое трепещетъ отъ сладкой тоски и затаен-

ной надежды. О, если бы онѣ сбылись, эти милыя мечты!

Во имя благополучія маленькаго принца я добьюсь своей цѣли. Я ея добьюсь!

* * *

Весь домъ въ смятеніи, когда я уѣзжаю. У «Солнышка» блѣдное, встревоженное лицо... У мамы-Нэлли покраснѣвшіе отъ слезъ глаза.

А письмо Бориса, полученное наканунѣ, полно мольбы не принимать опаснаго рѣшенія.

Но ничто уже не въ силахъ меня удержать. «Опасное» рѣшеніе въ томъ, что я не хочу жить, какъ другія, не хочу, чтобы только одинъ «рыцарь Трумвиль» зарабатывалъ деньги для маленькаго принца, хочу, чтобы и моя лепта была вложена въ его воспитаніе и жизнь.

И еще... хочу, чтобы маленькій принцъ гордился своей мамой! Пусть для этого надо учиться цѣлые годы,—чего-нибудь да добьюсь!

И я стараюсь не глядѣть въ печальныя лица близкихъ, стараюсь быть бодрой и сильной.

— Останься! Останься съ нами!—слышу я все тѣ же тихіе, но настойчивые голоса.

— Нельзя, милые, нельзя! Не бойтесь за меня, не бойтесь! Моя путеводная звѣздочка будетъ свѣтить мнѣ въ трудную минуту. Мой бѣлокурый маленькій принцъ будетъ со мной!

И, горячо распростившись съ моей семьей, пообѣщавъ навѣщать ихъ часто-часто въ свободные отъ занятій дни, я съ маленькимъ принцемъ и его кормилицей Сашей уѣзжаю туда, куда зоветъ меня, тепло и радостно сіяя, золотая звѣздочка моего счастья, моя радостная и свѣтлая, моя гордая и смѣлая мечта...

* * *

Я въ Петербургѣ. Небольшая, очень скромно убранная комната. Два окна приходятся въ уровень съ землею. Они точно двѣ маленькія двери, выходящія въ садъ. За ихъ позлащенными закатомъ стеклами умильно и ласково тянутся ко мнѣ вѣтки давно отцвѣтшей сирени. Недалеко отъ оконъ — каменная ограда. Дальше — бѣлая церковь съ золотыми куполами, которые можно видѣть, только до половины высунувшись изъ окна. Усыпанная пескомъ дорожка бѣжитъ желтою змѣйкой вдоль маленькаго палисадника прямо къ бѣлой церкви.

Колокола звонятъ... Завтра праздникъ.

Тихій вечеръ медленно таетъ. Сумерки безшумно скользятъ надъ землей. Вечерняя сказка разливается въ воздухѣ, и медленно умираютъ за большими домами послѣдніе солнечные лучи.

Бѣлая церковь... бѣлая ограда... кусты сирени и этотъ, еще по-лѣтнему убранный палисадникъ — уютный уголокъ природы, здѣсь, среди душныхъ каменныхъ пыльныхъ громадъ

Мои глаза скользятъ по комнатѣ. Еще не распакованы корзины и сундуки. Кое-какъ, на-спѣхъ, разставлена мебель (Мы только сегодня пріѣхали въ этотъ мирный уголокъ, состоящій изъ двухъ комнатъ съ окнами въ палисадникъ, примыкающій къ скверу, съ крохотной кухней и единственнымъ ходомъ во дворъ).

Я стою у окна съ пылающимъ лицомъ, горящимъ взоромъ и цѣлой бурей въ груди. Сердце стучитъ сильно и неровно... Смутныя мысли толпами роятся въ головѣ. Вереницы людей, образовъ, картинъ и событій встаютъ и чередуются передо мною, — вереницы еще такъ недавно промелькнувшихъ дней... Я вспоминаю о дѣтствѣ маленькой принцессы изъ Бѣлаго Дома, о бѣдовой мечтательницѣ и шалуньѣ, доставлявшей столько хлопотъ другимъ, о высокой, кудрявой дѣвочкѣ Лидѣ-институткѣ съ пытливыми глазами и жадно ищущей душой; наконецъ, о Лидѣ-дѣвушкѣ и Лидѣ-женщинѣ, объ ея свѣтлыхъ радостяхъ, о томъ большомъ и страшномъ, что избрала она на пути своей жизни...

Да, не легко юному, своевольному, избалованному жизнью существу побѣдить себя!.. Нелегко начинать настоящую жизнь, съ ея розами и шипами, съ темными тучами, порою заслоняющими алый восходъ...

И все-таки въ глубинѣ моей души царитъ торжество и радость побѣды надъ самой собою. Какое торжество, какая жгучая радость!

Мнѣ кажется сейчасъ, что тамъ, за бѣлой оградой, ярко загорается моя гордая и счастливая звѣзда...

* * *

Направо отъ меня — неплотно прикрытая высокая дверь и тихіе мурлыкающіе звуки... Легкій звенящій скрипъ и монотонные, какъ вечерній прибой, чуть слышные напѣвы. И еще звуки... О, какіе они сладкіе! Точно вздохи лѣсного вѣтерка въ густой чащѣ деревьевъ.

Милые звуки!

Голосъ за дверью поетъ-выпѣваетъ:

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ.
Что видѣли, что слышали,
О томъ не говорятъ...

Тамъ, за неплотно прикрытою дверью — царство маленькаго принца. Тамъ, за этой неплотно прикрытой дверью въ голубой колыбели-колясочкѣ, среди голубыхъ же бантовъ и кружевъ, среди паутинки бѣлья,— тамъ мой принцъ. Бѣлокурый, маленькій принцъ со свѣтлыми глазками, съ потѣшными жиденькими колечками кудерьковъ, съ беззубымъ еще ротикомъ и личикомъ куклы...

Если распахнуть высокую смежную дверь, то можно увидѣть небольшую комнату, освѣщенную сейчасъ мигающимъ свѣтомъ лампады, голубую колясочку-колыбель, раскачиваемую плавными методичными движеніями

Тамъ, за дверью, царство маленькаго принца...

кормилицы, и розовѣющее обожаемое личико, такое забавное и дорогое среди снѣга подушекъ.

Принцъ спитъ, какъ и подобаетъ спать маленькому принцу. Кормилица Саша затягиваетъ уже другую пѣсню:

Ужъ какъ Юрикъ,
Милокурикъ
Станетъ въ бархатѣ ходить,
Злато, серебро носить...

Незатѣйливая пѣсня, но льется она изъ глубины простой, доброй души.

Я, юная мать спящаго маленькаго принца, стою у окна, съ глазами, устремленными въ палисадникъ и какъ бы жаждущими приподнять непроницаемую завѣсу будущаго...

* * *

Сегодня — великій день для меня, вскорѣ — день рѣшающій. Что-то дастъ мнѣ оно, это «вскорѣ», такое плѣнительное и жуткое, такое роковое и страшное, отъ котораго не уклониться уже, не уйти!..

Я рѣшила твердо, и отступленія съ намѣченнаго пути уже быть не можетъ.

Для него, для моего маленькаго принца, должна я жить и работать отнынѣ, для малютки-сына, беззащитнаго и слабенькаго, который всѣмъ своимъ крошечнымъ существомъ принадлежитъ мнѣ, только одной мнѣ.

Для него...

Для него и для моей смѣлой, дерзкой красивой мечты, для того прекраснаго, свѣтлаго искусства, любовь къ которому я безсознательно таила въ дѣтствѣ и вѣчной красотѣ котораго рвусь служить теперь.

Но, прежде всего, я — мать, девятнадцатилѣтняя мать, и должна приложить всѣ старанія, всѣ усилія, собрать всю крѣпость, всю энергію моего существа чтобы создать маленькому принцу безоблачное, золотое дѣтство, свѣтлую, радостную юность, чтобы вся его дальнѣйшая жизнь, будь она нерадостна даже, сохранила на себѣ отблескъ розоваго восхода его утренней зари.

Когда-то я сама была маленькой принцессой Бѣлаго Дома. Мое дѣтство протекло подлѣ добраго волшебника и любящихъ фей—моего отца и тетокъ. И я благословляю его—мое дѣтство, эту милую, радужную сказку, этотъ благоуханный букетъ дѣтскихъ радостныхъ грезъ!

Около тебя, мой любимый, нѣтъ ни добраго волшебника, ни сказочныхъ фей, нѣтъ того уюта и удобства, нѣтъ того комфорта и довольства, которыми пользовалась въ дѣтствѣ я, твоя мать.

Но... но клянусь вамъ, мои свѣтлые глазки, клянусь тебѣ, ненаглядная, милая кудрявая головка, единственное незамѣнимое сокровище мое, что я замѣню тебѣ и благодѣтельнаго волшебника, и добрыхъ фей, и всю мою жизнь посвящу тебѣ, твоему счастью, твоимъ радостнымъ днямъ, ненаглядный.

Въ этотъ тихій сентябрьскій вечеръ, въ первый вечеръ моей самостоятельной жизни, я даю тебѣ мое слово, любимый, сдѣлать счастливыми твое дѣтство, отрочество и юность, насколько это зависитъ отъ меня...

КОНЕЦЪ.

АКАДЕМИКИГА
ЦЕНА 3 —
2339, 29/V 1964 г.

ГПБ Русский фонд
37.45.9.2